

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

На правах рукописи

ПОТЕМКИНА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА

**КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА
(ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Суменков Сергей Юрьевич

Саратов - 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА В СИСТЕМЕ ФУНКЦИЙ ПРАВА	17
1.1. Система функций современного российского права	17
1.2. Природа правовой коммуникации	35
1.3. Понятие и содержание коммуникативной функции права.....	70
ГЛАВА 2. ЭЛЕМЕНТЫ СОДЕРЖАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА.....	106
2.1. Формы выражения коммуникативной функции права.....	106
2.2. Средства реализации коммуникативной функции права	126
2.3. Уровни реализации коммуникативной функции права	145
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ	175
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	192
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	195

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Ключевые, основополагающие направления воздействия права на общественные отношения, именуемые функциями, высвечивают социальное назначение, сущность этого сложного явления. Общеизвестными функциями права в юридической науке принято считать такие, как: регулятивная, охранительная, воспитательная и ряд иных. Однако из поля зрения ученых и практиков зачастую выпадает такой основополагающий вектор права как коммуникативное воздействие.

Коммуникативная функция права, даже на первый взгляд проявляется по меньшей мере в двух плоскостях. С одной стороны, коммуникация (от лат. *communicatio*), предполагает сообщение, связь одного явления с другим. Применительно к функциям права не будет открытием тезис, что все основные направления действия права связаны между собой, осуществляются сообща, взаимодополняемо. С другой стороны, коммуникация, как передача мыслей, их сообщение адресату, это первичный уровень правового регулирования. Посредством устной словесной, текстовой, символической, жестовой и иной трансляции соответствующего материала (требований, указаний, рекомендаций и пр.) право воздействует на сознание и поведение субъектов.

Несмотря на обозначенные моменты, коммуникативная функция права остается недостаточно изученной, при том, что различные аспекты системных связей юридической доктрины и законодательства касаются всех сфер их проявления: правотворчества, правореализации, правоинтерпретации и пр. Между тем, уяснение форм выражения коммуникативной функции права, средств и уровней ее реализации, способствовало бы повышению эффективности как правового регулирования в целом, так и сбалансирования его конкретных методов.

На сегодняшний день требуется уточнить, а возможно и пересмотреть содержание родового явления - правовая коммуникация, с учетом тенденций развития цифрового права и законодательства, внедрения в юридическую деятельность технологий искусственного интеллекта, трансформации путей и способов передачи правовой информации. Необходима комплексная, фундаментальная разработка проблемы коммуникативной функции права, обусловленной новыми системными образованиями российского права (новеллы терминологического характера, появление нетрадиционных технико-юридических приемов закрепления правовой информации, внедрение механизмов дистанционной и удаленной трансляции правовых предписаний, коммуникативный диссонанс).

Вызовы времени, обусловленные в целом распространением массовых заболеваний, представляющих опасность для окружающих, и в особенности - новой коронавирусной инфекцией, существенно осложнили правовое коммуницирование. Трансформация средств передачи правовой информации, активное внедрение криптографических символов, детерминирующих правовые последствия и изменение юридического положения личности - все это требует соответствующего научного постижения с позиции эволюционирования коммуникативной функции права. Следовательно, коммуникативная функция современного российского права объективно находится под воздействием различных социальных факторов, биологических и природных явлений, в связи с чем возникает потребность в ее концептуальном осмыслении и системном упорядочении.

Кроме того, вышеизложенное свидетельствует, что проблема формирования концепции коммуникативной функции права в современной России и наполнение ее содержательной составляющей весьма актуальна и нуждается в научном разрешении.

Степень научной разработанности темы. Следует отметить, что коммуникология - весьма перспективное направление научных исследований в области гуманитарных и общественных наук. Такие авторы, как О.О. Айвазян, А.А. Албогачиев, Р.Б. Гандалоев, Т.Н. Протасова, Е.В. Шишпаренок и другие, изучали влияние коммуникации на отношения внутри различных культур и социальных групп; процессы управления обществом и государством; массовое сознание и т.д.

Применительно к юриспруденции весомый вклад в обоснование нового коммуникативного подхода в понимании права принадлежит, без сомнения, А.В. Полякову¹. Автор разработал и обосновал коммуникативную концепцию права, что послужило импульсом для активизации исследований новых функциональных характеристик данного социального регулятора.

В свою очередь, различные аспекты функционального подхода в праве и государстве становились предметом исследования в работах М.И. Байтина, П.С. Барина, Н.Н. Вопленко, В.М. Горшенева, Л.И. Каск, В.А. Катоминой, С.А. Киреевой, А.П. Косицина, Е.А. Лукашевой, А.В. Мицкевича, Л.А. Морозовой, А.С. Палазяна, Д.В. Пожарского, Т.Н. Радько, И.С. Самощенко, И.Н. Сенякина, В.А. Толстика, Е.Е. Тонкова, И.Е. Фарбера, Н.В. Черноголовкина и других.

Непосредственно коммуникативная функция права рассматривалась в трудах представителей юридического сообщества в основном посредством изучения влияния родового феномена - коммуникации (в первую очередь социальной, политической, а уже затем и правовой) на различные сферы жизнедеятельности людей. В частности, данный феномен затрагивали в своих исследованиях, посвященных в целом правовому регулированию и воздействию права на социум, С.С. Алексеев, Н.В. Витрук, В.Д. Зорькин, В.В. Лазарев, А.В. Малько, Н.И. Матузов, А.С. Мордовец, В.В. Оксамытный, В.П. Реутов, В.П. Сальников, С.В. Степашин и другие.

¹ См.: Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. СПб., 2002.

Производный характер коммуникативной функции права от системного восприятия всего юридического материала, зависимость коммуницирования от диалога субъектов общественных отношений, риски обусловленные дисфункциональностью права отражены в трудах С.А. Белоусова, В.Н. Карташова, М.А. Пшеничникова, В.Н. Синюкова, И.Л. Честнова.

Детерминированность коммуникации юридического процесса особенностями правового менталитета, правосознания и правовой культуры обоснована в трудах М.В. Барановой, А.И. Клименко, В.П. Малахова, Р.С. Байниязова, Г.Ф. Шершеневича и других.

Объективно существующая зависимость правового коммуницирования от технико-юридических основ (в особенности лингвистических), закономерностей формирования правового текста была показана в работах В.М. Баранова, Н.А. Власенко, А.С. Пиголкина, А.Г. Репьева, С.Ю. Суменкова, В.Ю. Туранина, С.П. Хижняка и других.

Тем не менее, степень познания коммуникативной функции права, безусловно, не отвечает сложившимся реалиям. Востребованность комплексной разработки ее сущности, уровней и средств обуславливает потребность всестороннего комплексного изучения данной проблематики. Вызвано это еще и тем, что в ракурсе общей теории права и государства коммуникативная функция права не становилась предметом исследования, а со времени защиты кандидатской диссертации, посвященной родовой юридической категории - правовой коммуникации, минуло более десяти лет¹. Отдавая должное вкладу данного исследования в проблематику коммуникативной функции права, следует признать, что на изучении коммуникации в праве с позиции функционального подхода автор подробно не останавливался, содержание коммуникативной функции права, ее формы, средства, уровни затронуты в вышеупомянутой диссертации не были.

¹ См.: Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

Следовательно, степень научной разработанности аспектов, связанных с теоретическим обоснованием коммуникативной функции права, не может претендовать на всеобъемлющий характер, что объясняет выбор темы исследования.

Объект и предмет диссертационного исследования. *Объектом исследования* является совокупность юридически значимых общественных отношений, существование и развитие которых объясняется воздействием коммуникативной функции права.

Предметом диссертационного исследования выступает совокупность различных правовых норм, материалов правоприменительной практики, доктринальных разработок, составляющих сущность и содержание современной коммуникативной функции российского права.

Цель и задачи диссертационного исследования. *Цель* настоящей работы состоит в разработке и формировании теоретических основ современной концепции коммуникативной функции российского права и получении новых знаний о ее формах, средствах и уровнях.

Достижение указанной цели определило постановку и решение следующих задач:

- уточнить систему функций современного российского права;
- аргументировать природу правовой коммуникации;
- определить понятие и сущностные признаки коммуникативной функции российского права;
- рассмотреть элементы содержания коммуникативной функции российского права;
- изучить формы выражения коммуникативной функции российского права;
- исследовать средства реализации коммуникативной функции российского права;
- проследить уровни реализации коммуникативной функции российского права;

- выявить характерные проблемы реализации коммуникативной функции российского права;

- сформулировать рекомендации, направленные на минимизацию проблем, возникающих в ходе практической реализации коммуникативной функции российского права.

Методологической основой исследования были определены общенаучные и специальные методы познания коммуникативной функции права. В качестве базиса формирования концепции работы был определен диалектико-материалистический метод, который обеспечил соблюдение всеобщих принципов научного познания, позволивший логически выстроить структуру диссертационного исследования, расширив круг рассматриваемых проблем и способов их осмысления.

Логический метод познания обеспечил возможность диссертанту аргументировать и уточнить с объективной точки зрения юридическую природу феномена «правовая коммуникация», поскольку коммуникативная функция права находит свое отражение как в правовой доктрине, так и в процессе практической юридической деятельности, при сообщении, трансляции предписаний, закрепленных в нормативных правовых актах.

Применялся формально-юридический подход, позволивший в процессе рассмотрения понятия коммуникативной функции права, ее сущности, признаков, добиться сбалансированного взгляда на природу правовой коммуникации в правотворческом, правореализационном и правоинтерпретационном процессах.

Сравнительно-правовой и системно-структурный подходы обеспечили возможность проследить взаимосвязь коммуникативной функции права с общей системой функций права, а также раскрыть ее структурное построение, установить соответствующие уровни, сформировать систему средств и способов реализации, выявить связи между ее элементами.

Теоретическая основа исследования. При разработке теоретической модели современной коммуникативной функции российского права использовались работы таких ученых, как С.С. Алексеев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, С.А. Белоусов, Н.В. Витрук, Н.Н. Вопленко, А.А. Воротников, В.Г. Графский, В.В. Денисенко, В.Н. Карташов, Д.А. Керимов, С.А. Комаров, В.Н. Кудрявцев, А.В. Малько, Н.И. Матузов, А.С. Мордовец, В.Ю. Панченко, А.В. Поляков, В.Н. Протасов, Т.Н. Радько, А.Г. Репьев, Р.А. Ромашов, О.Ю. Рыбаков, И.Н. Сенякин, В.Н. Синюков, С.Ю. Суменков, В.М. Сырых, В.В. Трофимов, В.Ю. Туранин, И.Л. Честнов и других.

Учитывая характер коммуникации в праве и государстве как межотраслевого, полидисциплинарного явления, использовались работы российских и зарубежных ученых по философии, политологии, социологии и отраслевым юридическим дисциплинам.

Нормативная правовая база исследования представлена Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, подзаконными нормативными правовыми актами, включающими федеральный, региональный и местный уровни, актами правотворчества иных уровней.

Эмпирическая основа исследования. Эмпирическую основу диссертации составили правоприменительные акты, акты толкования, положения которых изучались относительно установления специфики реализации коммуникативной функции права, выявлялись особенности ее проявления в различных сферах правового регулирования общественных отношений.

Среди них акты судебной власти, в частности, постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также акты арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

Научная новизна выражается в том, что диссертационное исследование представляет собой одно из первых общетеоретических комплексных исследований коммуникативной функции российского права.

В ходе исследования адаптирована к правовому коммуницированию структура социального взаимодействия; сопродуцирование представлено в качестве выполнения субъектами права их ролей в одной и той же сфере правовой деятельности, доказаны пять форм его проявления.

Инновационными свойствами характеризуется предложенная теоретическая модель вербальных и невербальных средств реализации коммуникативной функции российского права с акцентированием внимания на определении места и роли в процессе передачи правовой информации актов-документов, речевых актов, актов-жестов, актов-символов.

Выработаны критерии формирования эффективного правового общения, среди которых: общесоциальные, идеологические, психологические и юридико-технологические.

Новеллой являются аргументированные качественные показатели, позволяющие оценить эффективность коммуникационного воздействия на личность, среди которых: наличие у личности представления о системах права и законодательства государства; правильное понимание и уяснение содержания основных положений Конституции государства и отраслевых законов; владение информацией об основных способах реализации, обеспечения и защиты своих прав и законных интересов; умения и навыки по самостоятельному применению правовых знаний на практике; готовность согласовывать свое отношение к правовой реальности и собственное поведение в правовой сфере с полученными правовыми знаниями.

Выявлены новационные проблемы реализации коммуникативной функции права на современном этапе развития государства, вызванные, в том числе, популяризацией использования в качестве средства коммуникации криптографических символов (в особенности QR-кодов), аргументированы правовые риски, этим обусловленные.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Уточняется определение понятия *функции права* как *обусловленного его сущностью и социальным назначением направления воздействия на общественные отношения, нацеленного на достижение правового результата*. Констатируется системный характер функций российского права, проявляющийся, в том числе, ввиду тесной связи коммуникативной функции права с информационной и воспитательной функциями. Без эффективной реализации коммуникативной функции права не будут реализованы в полной мере регулятивная и охранительная функции. Утверждается, что реализация функций права представляет процесс осуществления социального назначения права, объективно выражающийся в определении цели и конкретизации направления воздействия права на общественные отношения, достижении желаемого правового результата.

2. Доказано, что *коммуникативная функция современного российского права - это протекающее циклично, постоянно и планомерно правовое взаимодействие, выражающееся в обмене юридически значимыми информацией, знаниями и опытом, деятельностью и результатами такой деятельности в конкретной правовой ситуации, отражающее динамику права и обеспечивающее достижение целей правового регулирования*.

3. Аргументированы специфические качества современной коммуникативной функции российского права:

а) *выражает формальную сторону права*, т.к. правовые установления, для того чтобы обеспечить эффективность правового регулирования, должны отвечать соответствующим критериям средств передачи правовой информации;

б) *имеет сложно-структурированную юридическую конструкцию, обусловленную свойством правового взаимодействия, выражающуюся в:*

- обязательном наличии материального и (или) нематериального объекта, передаваемого в ходе обмена информацией;

- профессиональном характере передаваемой информации и

формально-юридической фиксации коммуникативных статусов;

в) *обладает специфичным арсеналом средств воздействия, приоритетным из которых выступает передача информации, а главенствующей целью - обеспечение связи субъектов коммуницирования;*

г) *демонстрирует остро-выраженную целесообразность действий в ходе своей реализации, что обусловлено преследованием конкретных целей, определенных сферой коммуницирования;*

д) *характеризуется системным взаимодействием с информационной и воспитательной функциями права, а также обусловлена уровнем общей и правовой культуры, правового сознания, позволяющим, в случае высокой степени развитости, обеспечить минимизацию барьеров при взаимодействии;*

е) *направлена на обеспечение самореализации личности и индивидуальной самобытности (через воплощение прав на свободу слова, совести и др.).*

4. Аргументируется объективно-субъективный характер коммуникативной функции современного российского права, выражающийся в том, что данная функция начинается с нормативного регулирования, продолжается в эмоционально-психологическом воздействии на личность и иных субъектов коммуникативного правового взаимодействия, завершается собственно коммуникативным взаимодействием. В отличие от реализации права, реализация коммуникативной функции права не ограничивается только правоотношениями и не завершается ими, а включает в себя и процессы формирования права, и саморегулирование.

5. Предлагается определение понятия *форма реализации коммуникативной функции права - это внешнее проявление коммуникативного правового воздействия, выражающееся в совокупности взаимосвязанных правовых средств, используемых в целях установления и осуществления правовой коммуникации. Обосновывается авторская классификация форм реализации коммуникативной функции права:*

а) относительно правореализационного компонента на: *властные*

(государственные) и невластные (автономные);

б) применительно к содержательным характеристикам правового воздействия на: *информационные и воспитательно-ориентирующие.*

6. Доказывается, что правовая коммуникация одновременно является и целью реализации коммуникативной функции права, и ее содержанием. Утверждается, что правовая коммуникация может пониматься как в широком значении, так и в узком смысле. *Правовая коммуникация в широком смысле - это как юридизированный, так и неюридизированный обмен информацией, имеющей правовое значение, выражающийся в социально-правовых связях и отношениях по поводу удовлетворения прав и законных интересов субъектов правовой реальности.* Понимаемая в таком аспекте правовая коммуникация воплощается в итоге как коммуникативная функция права в широком смысле, то есть как общесоциальная функция права.

В узком смысле *правовая коммуникация есть протекающий в особом порядке с соблюдением определенных процедур юридически регламентированный процесс, в рамках которого происходит обмен правовой информацией между субъектами правового общения, результатом которого является конкретное правовое взаимодействие.*

7. Установлено, что процесс правовой коммуникации внутренне структурирован. Структура правовой коммуникации представлена такими компонентами, как: цели, субъекты, правовая информация и выражающие ее юридические тексты, принципы правовой коммуникации, ее объекты, нормативное основание, средства, способы, стратегия и тактика, коммуникативные связи. Последние, реализуясь в конкретных правоотношениях, основываются на двух наиболее вероятных вариантах установления: а) *императивные* - властно установленные наборы прав и обязанностей, реализуемые предусмотренным нормативным стандартом; б) *автономные* - допускаемые альтернативы как в потенциале прав и обязанностей, так и в возможности самостоятельного выбора какого-либо варианта правомерного поведения.

8. Выделен алгоритм реализации коммуникативной функции современного российского права, разделенный на взаимосвязанные:

а) *макро-уровень*, представленный конкретным правовым взаимодействием, в ходе которого: реализуется создание, передача и получение правовой информации; субъект информационного воздействия на основе этой информации осуществляет инициативно правомерное поведение или понуждается к нему;

б) *микро-уровень*, характеризующийся: сбором информации о самом субъекте и выявлением закономерностей его поведения; формированием обобщенных образов участников взаимодействия и моделей их поведения.

9. Обосновывается определение понятия *средство реализации коммуникативной функции права* - это совокупность вербальных и невербальных способов, инструментов и технологий передачи правовой информации, при помощи которых решается задача обеспечения связи субъектов правового общения.

К вербальным средствам правового коммуницирования отнесены *акты-документы* и *речевые акты*. К невербальным средствам: *акты-жесты*, *акты-действия* и *акты-символы*. Представлены характеристики указанных средств, предложены дефиниции их понятий, установлены качественные свойства и значение для построения правового коммуницирования. Доказывается, что для реализации коммуникативной функции права средства, в своей совокупности, должны отвечать критериям формирования качественного правового общения, среди которых выделяются: *общесоциальные; идеологические; психологические; юридиколо-технологические*.

10. Выявлены проблемы реализации коммуникативной функции права, среди которых особенно выделяется оторванность данного процесса от существующих социальных и государственно-правовых реалий. Внедрение новых средств правовой коммуникации должно быть максимально практико-ориентированным. Механизмы коммуницирования (как реформируемые, так и вводимые вновь) должны иметь четкие пределы и опираться на социальную

адекватность, эмпирическую достоверность. В качестве улучшения процесса воздействия средств реализации коммуникативной функции права предложено внедрение современных моделей, включая: создание проактивных (преимущественно цифровых) платформ, построенных на принципе удаленной работы и сведения к минимуму влияния внешних обстоятельств; создание центров обработки запросов субъектов общественных отношений для установления диалога, взаимодействия органов публичной власти с гражданским обществом.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в представленной диссертации доказаны положения, вносящие вклад в расширение представлений о функциях права в целом, и коммуникативной - в частности. Изложены концептуальные идеи о коммуникативной функции современного российского права, ее роли для построения правового и социального государства, обеспечения устойчивого правового порядка. Показана природа правовой коммуникации путем выявления аспектов взаимодействия элементов правовой системы, взаимообусловленности коммуницирования правовым сознанием и правовой культурой, отражением в коммуникативной функции права государственных начал.

Кроме того, теоретическое значение диссертационного исследования состоит в развитии учения о функциях права, их сущности, содержании, видах, взаимодействии и взаимообусловленности в процессе регулирования общественных отношений. Сформулированные выводы и обобщения раскрывают особенности коммуникативной функции права и могут восприниматься как теоретическая основа для дальнейших научных разработок в данной области знаний.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что правовое коммуницирование представляет собой неотъемлемый компонент воздействия права на общественные отношения. Взаимодействие, обмен правовой информацией - это обязательная составляющая всех сфер юридической деятельности, в том числе, ввиду прямой связи со средствами

коммуникации в виде правовых актов.

Полученные в ходе написания диссертации результаты применялись автором в ходе педагогической деятельности в рамках учебного курса «Теория государства и права» в Ростовском филиале ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре теории государства и права Саратовской государственной юридической академии. Основные теоретические положения и выводы диссертационного исследования были отражены автором в 10 публикациях, 6 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Выводы, полученные в ходе диссертационного исследования, обсуждались на заседаниях кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии. Отдельные положения диссертации были освещены на научных конференциях: Международной научной конференции «Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт» (г. Воронеж, 11-12 сентября 2020 г.), XV Международной научно-практической конференции «Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики» (г. Москва, 20-22 апреля 2021 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Правотворчество, правоприменение и правосознание: состояние и перспективы развития» (г. Хабаровск, 26-29 мая 2021 г.), XXIII Международном научно-практическом форуме «Юртехнетика» «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» (г. Нижний Новгород, 23-24 сентября 2021 г.).

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы и источников.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА В СИСТЕМЕ ФУНКЦИЙ ПРАВА

1.1. Система функций современного российского права

Каждый правовой феномен, в том числе и само право, предназначен для реального воплощения в объективной действительности. Природа права, обусловленная прежде всего его регулятивным и охранительным предназначением, детерминирует важность выполняемых правом функций. Именно в них отражается сущность права, его общесоциальная и классовая природа¹. Именно выполняемые правом функции определяют его роль как особого властного регулятора общественных отношений. Соответственно вопрос о функциях права, их системе, направленности на цели представляется более чем актуальным.

Взаимозависимость целей и функций права, по нашему мнению, достаточно очевидна. Для того, чтобы право начало действовать, уже на этапе его формализации необходимо корректно обозначать цели, которые должны быть достигнуты в ходе правового регулирования. Только после этого осуществляются и сами функции права, объективно выражающиеся в определении адекватного уровню развития социума средств, путей и методов достижения стоящих перед данным правом целей и вытекающих из них задач².

Фактически содержание функций права обусловлено состоянием той среды, в которой оно существует в каждый исторический период времени, а также официально реализуемой политикой государства, выполняемыми им государственными функциями, определяющими и направления правового воздействия на общественные отношения³. Соответственно, в функциях права

¹ См.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005.

² См.: Осипов М.Ю. Системы в праве и правовые процессы. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. С. 113.

³ См.: Потемкина О.С. Функции права как отражение его природы // Аграрное и земельное право. 2019. № 12 (180). С. 80.

не только отражаются его сущность и социальное назначение, но и реализуются сущность и социальное назначение государства как важнейшего субъекта правовой политики¹.

Именно поэтому вектор исследований при изучении функций права обычно привязан к функциям государства². Такая парность вполне объяснима тесной связью права и государства, необходима при определении конкретных средств и методов государственного воздействия на общественные отношения. Функции права непосредственно связаны с функциями государства, характеризуют правовую форму их реализации. При изучении функционального среза права, следовательно, нужно определять максимально эффективные механизмы государственного воздействия на поведение субъектов правового общения, корректировать их по мере необходимости³.

Однако, в плане осмысления сущности самой функции права, акцент нужно делать на том, как именно оно влияет на такие отношения. В функциях права оно само начинает «жить», прямо или косвенно предопределяя характер поступков индивидов и их объединений, вовлеченных в сферу государственно-властного влияния, осуществляемого на основе, при помощи и посредством права⁴. В этом смысле функции права обеспечивают его собственную ценность и ценность охраняемых им благ, значимых для общества. В ходе следующей за этапом нормативизации - правореализации, определение таким путем ценности права, осуществляющейся в конкретных его функциях, служит установлению позитивных моделей поведения, согласованности социального взаимодействия, эффективной правовой коммуникации⁵.

¹ См.: Губайдуллин А.Р. Функции права и правовой системы общества // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 4. С. 33-34.

² См.: Палазян А.С. Функциональная характеристика права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 7; Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 52; Васекина Э.М. Понятие и признаки функций права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 9. С. 114.

³ См.: Потемкина О.С. Указ. соч. С. 80.

⁴ Указанное следует из свойств самих функций права. См. к примеру: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 17-18.

⁵ См. подробнее о реализации функций права: Константинова А.В. Реализация функций

Таким образом, сегодня теоретический анализ функций права не ограничивается только констатацией их связи с функциями государства, а привязывается к самому праву. И здесь возникает ряд вопросов теоретического плана, решение которых, на наш взгляд, позволит в последующем более продуктивно анализировать конкретные функциональные срезы права «в жизни». Для этого обратимся к определению понятия «функции права».

При дефинировании понятия функций права практически ни у кого не вызывает сомнения их характеристика как основных направлений правового воздействия на регулируемые правом общественные отношения¹. Попробуем проанализировать, насколько корректна данная дефиниция.

Первое, на что необходимо обратить внимание, - это понимание функции права как направления правового воздействия². Понятие «воздействие» буквально подразумевает некое влияние, с целью добиться требуемого результата³. Данное понятие применительно к праву является многозначным и требует уточнения. Речь идет о воздействии путем (посредством) права безотносительно к тому, достигнут ли предусмотренный в правовой норме результат, или о результативном правовом (посредством права) воздействии для воплощения правовых предписаний? Или предполагается не только правовое, но и иное, любыми средствами, воздействие на участников правового общения для осуществления права?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо выяснить, прежде всего, как именно осуществляется такое воздействие на уровне функций права и как оно выражается.

Право - категория, объективно воплощающаяся, в первую очередь, как система норм, собственно никакой физической деятельности не осуществляет. Право есть часть не одухотворенной жизнью и разумом правовой реальности,

права // Юрист-Правоведь. 2010. № 1 (38). С. 122-127.

¹ См., например: Радько Т.Н. Функции права// Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2007. Т. 2. Право. С. 72-73.

² Там же. С. 72.

³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 57000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1987. С. 75.

способное лишь задавать рамки деятельности адресата юридической нормы¹.

Следовательно, можно утверждать, что право в некотором роде - связующее звено между теми, кто сформулировал и нормативно оформил государственную волю, и теми, кому она адресована. Право-посредник в данном случае нацелено на установление правовой коммуникации². И воздействие права в этом смысле ориентируется на доведение правовой информации до ее адресата³.

С этого начинается правовое воздействие, но оно никак не может на этом останавливаться, поскольку при таком подходе не будет достигнута цель существования права в самом широком его смысле - упорядочение и организация общественной жизни цивилизованным способом на правовых началах⁴. При характеристике функций права нужно учитывать нацеленность правового влияния на конкретный правовой результат, указанный в правовой норме. Однако, парадокс, при функциональной характеристике права не уточняется, что такой результат должен определяться как наступивший⁵.

Таким образом, функциональное влияние права всегда нацелено на определенный результат. Следовательно, возникает вопрос, всегда ли это только правовое воздействие, или это может быть и воздействие иными социальными регуляторами и специфическими средствами, находящимися за пределами действия самого права? Если исходить из трактовки, которая обычно используется при характеристике функций права и их видов в теории права, то мы увидим, что уже традиционной стала предложенная в свое время А.М. Витченко конструкция правового воздействия применительно к описанию функций права, если речь идет об использовании для их реализации

¹ См.: Потемкина О.С. Указ. соч. С. 81.

² См.: Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2022. С. 194.

³ См., в частности: Осипов Р.А. Правовая информированность и правосознание граждан (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 11-12.

⁴ См. об этом: Мызникова Е.А. Цели в праве: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.

⁵ См.: Палазян А.С. Функциональная характеристика права: автореф.дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

неюридических средств, и как о регулировании, когда речь идет об использовании арсенала юридических средств¹.

Данная позиция в том или ином виде воспроизводится в отечественной теории права уже несколько десятилетий. По сути, именно на ее основе базируется классификация функций права на общие (внешние: политическую, экономическую, воспитательную и пр.) и специально-юридические (внутренние: регулятивную и охранительную).

В.А. Рыбаков, несколько критически относясь к данной позиции, обращает внимание на тот факт, что воздействие обычно является идеологически нацеленным на правосознание и реализуется вне правоотношений, а регулирование - есть воздействие специально-юридическое, связано с организацией поведения и деятельности субъекта правового общения в конкретных правоотношениях. Автор также предлагает учитывать форму воздействия при характеристике конкретной функции права, поскольку не исключаются ситуации, когда право воздействует и на сознание, и на поведение одновременно². Однако, следует учитывать, что воздействие права на поведение - это воздействие «через сознание», а потому, если мы говорим о функциях права как о результативном воздействии, то оно предполагает интернализацию (внутреннее усвоение адресатом содержания правовой нормы) с целью последующей экстерниоризации (фактической реализации усвоенной нормы в сфере действия права)³. При этом в подобного рода воздействиях, из-за наложения сфер и форм юридической деятельности, не только пересекаются, накладываются друг на друга, но нередко практически не различаются, неюридические и специальные юридические средства и способы воздействия (особенно из-за юридизации первых), в связи с чем возникает

¹ См.: Витченко А.М. Механизм правового регулирования социалистических общественных отношений, его понятие и структура // Вопросы теории государства и права / под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1968. Вып. 1. С. 65.

² См.: Рыбаков В.А. Функции права: критические замечания // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2018. № 3. С. 7.

³ См.: Щербакова Е.К. Механизм правового воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 10-11.

вопрос о целесообразности такого разграничения¹.

Следовательно, на наш взгляд, при определении функции права вообще (а не конкретных ее разновидностей) как направления правового воздействия можно не вдаваться в характер средств воздействия, а уточнять его цели - достижение правового результата. Полагаем, что иные формулировки функций права (например, «направление воздействия на жизненные процессы» как у Г.В. Мальцева²) уводят в сторону, поскольку при воздействии на общественные отношения право не может не влиять на соответствующие жизненные процессы.

Следующая проблема при определении функции права - их трактовка как направления воздействия. Термин «направление» буквально означает путь, линию, траекторию движения³. Рассматривая данный аспект в контексте существующих функций российского права можно утверждать о наличии единства в понимании указанного определения. Репрезентируемый тезис вытекает из следующих подходов в опредмечивании и разъяснении различных функций при их классификации. В частности, экономическая функция права включает направление правового воздействия в сфере экономики и экономических отношений, политическая функция в области политики и политических отношений и т.д. Отмеченное обстоятельство может быть проецировано и на коммуникативную функцию права. Однако, она имеет свою отличительную особенность в отсутствии привязки к конкретной сфере человеческих отношений, что в конечном счете усложняет порядок её позиционирования в праве.

На данную проблему, к слову, уже обратили внимание и современные юристы. В частности, Е.Н. Лебедева применительно к сущностной составляющей функции права использует термин «направленность», которая в

¹ См. подробнее об неюридических и юридических средствах: Васильева Н.В. Юридические и неюридические средства в системе правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 102-169.

² См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 5.

³ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 311.

ее трактовке связывается с ролевым содержанием права, конкретными направлениями правового воздействия и деятельностью различных субъектов правотворчества¹. Однако, мы полагаем, что смысловая составляющая обоих используемых терминов (и «направление», и «направленность») мало различается. Отсюда вывод: использование термина «направленность» взамен имеющегося лишено смысла.

Некорректность термина «направление» заключается также в том, что при буквальном анализе оно должно быть привязано к тем сферам, где реализуется право, а, как отмечает В.А. Рыбаков, таких сфер много: кроме традиционно выделяемых политической, экономической, культурно-духовной и т.д., это могут быть финансовая, информационная, правоохранительная и т.д.². По логике вещей, каждой из них должна соответствовать особая функция права. Однако сможем ли мы при таком подходе дать исчерпывающий или хотя бы близкий к полному перечень функций права в современном обществе? И как тогда будут соотноситься уже упомянутые нами внешние и внутренние функции права?

По сути, заложенные в характеристиках регулятивной и охранительной функций права механизмы их осуществления есть особым образом сочетающиеся средства и способы воздействия права на регулируемые им общественные отношения³.

Регулирование и охрана - важнейшие компоненты правового воздействия в любой сфере общественной жизни, которые нельзя «выводить» за пределы действия права.

Еще один момент, на котором мы хотели бы остановиться, - целесообразность характеристики функции права как основного направления

¹ Лебедева Е.Н. Функции современного российского права как общетеоретическая категория: понятие, признаки, классификация // Власть Закона. 2016. № 2. С. 110.

² См.: Рыбаков В.А. Указ. соч. С. 8.

³ См.: Абрамов А.И. Проблемы реализации регулятивной функции права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005; Курцев И.А. Проблемы реализации охранительной функции права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.

воздействия на регулируемые правом отношения.

Термин «основное направление» в данном случае означает, что функция права является направлением главным, важным, значимым. Кто определяет такую значимость? И как в этом понимании функция права связана с функциями его отраслей, институтов и норм? Предлагаем отказаться от использования данного термина¹, ибо любая функция права отличается не масштабностью, а однородностью предмета, средств и способов правового воздействия, образующих такое организационное единство, где каждый элемент функционального взаимодействия права с внешней по отношению к нему самому средой (отдельно взятая функция права) – олицетворяет собой особый комплекс².

Необходимо отдельно оговорить о существующей связи предназначения права и выполняемой им определенной роли на конкретном этапе эволюционного развития социума. Именно функции права, как уже было отмечено, с одной стороны, показывают его собственную ценность, а с другой – определяют производные от него правовые ценности.

В этом контексте высшей ценностью права выступает обеспечение устойчивости социальных отношений, подпадающих под правовое регулирование, дифференциация и эффективность последних.

Здесь, на наш взгляд, до настоящего времени актуально высказывание С.С. Алексеева о том, что право в своем «высшем назначении» - это цель наиболее высокой ступени развития общества людей - гражданского общества. В центре гражданского общества человек с высоким достоинством и неотъемлемыми правами³.

Бесспорно, что именно в гражданском обществе право в полной мере

¹ В этом вопросе отчасти можно солидаризироваться с позицией А.В. Константиновой, которая говорит об излишне узком понимании указанного фразеологизма, что приводит к нецелесообразности его применения. См.: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 21.

² См.: Потемкина О.С. Указ. соч. С. 82.

³ См.: Алексеев С.С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Линия права. Концепция: сочинения 1990-х - 2009 годов. М.: Норма, 2010. С. 127.

раскрывает свои уникальные возможности (способности) и, следовательно, при их реализации - уникальные, не имеющие альтернатив функции¹.

Данной позиции придерживается большинство ученых-правоведов. Так, например, М.И. Байтин отмечал: «функции права непосредственно связаны с действием права, с практической реализацией его свойств официально-властного регулятора отношений между людьми, его ролью и местом в структуре правовой системы общества»².

Аналогичную мысль высказывал Л.С. Явич, отмечая, что «осуществление права - это способ его бытия, существования, действия, выполнения им своей главной социальной функции, при этом нельзя понять право, если отвлечься от механизма его реализации в жизни общества»³.

Иные авторы также обращают внимание на связь функций права с его сущностью и динамикой общественной жизни, назначением права в обществе. По их мысли, функции права обеспечивают такое его воплощение в жизнь, которое, с одной стороны, необходимо, а с другой, отличается стабильностью и устойчивостью. При изменении стоящих перед обществом целей и задач изменяется и содержание реализуемых правом функций. Свое продолжение функции права находят в функциях других правовых явлений и процессов⁴.

Таким образом, подводя итог предыдущим рассуждениям, считаем возможным характеризовать *функции права как обусловленные его сущностью и социальным назначением направления воздействия на общественные отношения, нацеленные на достижение правового результата*⁵. Еще раз оговоримся специально, что соответствующее воздействие на общественные отношения есть одновременно воздействие и на людей, и на их сознание, и на их поведение.

Здесь необходимо обратить особое внимание на системные параметры

¹ См.: Там же. С. 129.

² Байтин М.И. Указ. соч. С. 167.

³ Явич Л.С. Общая теория права / под ред. А.И. Королева. Л.: ЛГУ, 1976. С. 121.

⁴ См.: Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 131.

⁵ См.: Потемкина О.С. Указ. соч. С. 82.

функций права. Системно-структурный подход предполагает обязательную взаимосвязь элементов (функций права), обусловленность их действий в тесной координации и корреляции между собой.

Можно отметить, что функции права не могут быть изолированы как друг от друга, так и от права как генерирующего их феномена. В целом следует говорить о специфическом механизме, характеризующемся ценностно-ориентированной природой, направленностью на должную регуляцию и охрану общественных отношений.

Такая интеграция положительного воздействия не нивелирует значимости каждой отдельной функции права, выступающей в качестве сложного и автономного явления инструментального характера.

При этом каждая функция права не утрачивает своей самоценности, сама по себе является системно-организованным образованием, наряду с другими функциями права составляет и образует механизм его функционирования в целом¹.

Именно системный подход лежит в основе одного из самых популярных подходов к классификации функций права, в соответствии с которым они делятся на общесоциальные и специально-юридические. Первые привязаны к назначению права в обществе и его влиянию на важнейшие сферы общественной жизни, специально-юридические - к правовым средствам, способам и механизмам его реализации. К общесоциальным достаточно часто относят: экономическую, политическую и воспитательную функции права, а к специально-юридическим: регулятивную и охранительную².

В современных условиях данная классификация несколько не утратила своего значения, но, как совершенно справедливо отмечает Е.Н. Лебедева, в определённом смысле является узкой и «не отвечает широким реалиям

¹ См.: Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. Н. Новгород: Нижегородская ВШ МВД РФ, 1995. С. 36-37.

² См.: Радько Т.Н. Функции права // Общая теория права / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород: Нижегородская ВШ МВД России, 1993. С. 274.

правовой жизни»¹.

Использование такого способа видового подразделения функций принимает во внимание как аспекты должного, так и элементы сущего. Это необходимо для того, чтобы интегрировать в общей конструкции все особенности правовой действительности, которые предельно многообразны. Их природа настолько динамична, что иным образом свести все функции, с учетом их специфики, воедино не представляется возможным или оказывается труднодостижимым.

В контексте сказанного следует вспомнить позицию М.И. Байтина по поводу характеристики функций права через конструкцию социальности. Он обращал внимание на неудачность применения термина «(обще)социальные функции» ибо все функции права, без исключения, являются социальными². Мы солидарны с такой позицией, поскольку функции права очевидно носят социальный характер, так как это пути воздействия социального регулятора (права) на общественные отношения и потому термин «общесоциальные» подвергаем определённым сомнениям. Однако, более корректного термина, к сожалению, пока не нашлось. Следует также иметь ввиду, что использование конструкции «общесоциальные функции права» является устоявшимся в юриспруденции.

Сам М.И. Байтин классифицировал функции права на основные и дополнительные; к первым относятся регулятивная и охранительная³. Выделенные функции свойственны всей действующей системе права. Статика и динамика предполагают позитивное регулирование, а правоохрана - негативное. В частности, регулятивно-статическая функция выражается в закреплении в праве реально достигнутого уровня развития его сфер и подсистем, регулятивно-динамическая - в обеспечении достижения запланированного в нормах права результата, регулятивно-охранительная - в

¹ Лебедева Е.Н. Указ. соч. С. 112.

² См.: Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 13-16.

³ См.: Там же.

предупреждении и пресечении правонарушений, защите и восстановлении нарушенных прав. Неосновной общей функцией М.И. Байтин считает воспитательную, содержание которой характеризует идеологическое воздействие права как надстроечного явления.

Что касается производных от основных функций права, то они делятся М.И. Байтиным на: общие (экономическая, политическая, социально-культурная), частные (экологическая, налоговая и т.п.), функции отраслей права (например, функции криминализации и пенализации преступных деяний в уголовном праве), функции правовых институтов (например, функция института приобретения права собственности в гражданском праве); функции отдельных правовых норм (например, многие нормы конституционного права выполняют учредительную функцию)¹. Учение о частных функциях права впоследствии получило дальнейшее развитие в трудах представителей Саратовской юридической школы².

Осмысливая данную классификацию, отметим, что она имеет прикладное значение в том плане, что в ней очевидна связь самого права и его функций с организацией законодательного регулирования в целом. Однако она излишне перегружена. Также в современных условиях двух указанных критериев классификации функций права недостаточно.

Возвращаясь к конструкции общесоциальных функций права, отметим, что их перечень до настоящего времени четко не определен.

А.В. Константинова, например, обращает внимание на тот факт, что поскольку основным критерием их выделения является сфера регулируемых правом общественных отношений, то и выделять их надо сообразно данным сферам. Следовательно, однозначно необходимо маркировать в ряду таких

¹ Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. С.175-176.

² См., например: Марченко Ю.В. Правовые формы осуществления государственных функций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008; Пискунова О.В. Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013; Балаев С.А. Механизм реализации функции налогообложения современного российского государства (общетеоретический аспект): автореф. дис. . канд. юрид. наук. Саратов, 2016, и др.

функций экономическую и политическую, а также идеологическую (является стержневой основой духовной сферы в любом обществе)¹. Логично здесь выделять и собственно социальную (в узком понимании) функцию права, как это делает В.Н. Карташов².

Что касается воспитательной функции, то А.В. Константинова призывает согласиться с мнением Ю.Г. Ткаченко в том, что «воспитание осуществляется во всех сферах общественной жизни»³. Парадоксально, что именно по этой причине она предлагает отказаться от выделения данной функции права как самостоятельной⁴. На наш взгляд, при таком подходе нивелируется роль правовоспитательного элемента в механизме правового регулирования, что крайне нежелательно и однозначно недопустимо, особенно в современных условиях.

Кроме того, сегодня уже не вызывает сомнения наличие у права и других, похожих по своей природе на воспитательную, функций: информационной⁵, культурно-исторической и социального контроля⁶, стимулирующей⁷, компенсационной⁸, экологической и демографической⁹, превентивной¹⁰ и пр.

¹ См.: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 28; Казакова Р.А. Идеологическая функция права в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 7.

² См.: Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. С. 115.

³ Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юрид. лит., 1980. С. 37.

⁴ См.: Константинова А.В. Указ. соч. С. 24.

⁵ См.: Червяковский А.М. Информационная функция права: монография. Омск: Изд-во Омской акад. МВД России, 2007; Сурин В.В. О понимании информационной функции права // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2017. № 6. С. 128-133.

⁶ См.: Кулапов В.Л., Малько А.В. Указ. соч. С. 135, 137; Репьев А.Г. Забота о человеке в контексте социальной функции права и государства: доктрина, практика, техника // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4 (141). С. 15-24.

⁷ См.: Лебедева Е.Н. Теоретические проблемы исследования стимулирующей функции права: монография / под ред. А.В. Малько. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2018; Малько А.В., Лебедева Е.Н. Место и роль стимулирующей функции права в системе функций российского права // Вестник ЮУрГУ. Сер. Право. 2016. № 3. С. 33-39.

⁸ См.: Власенко И.А. Компенсационная функция права (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995; Кузьмина М.В. Компенсационная функция права и механизм ее реализации по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

⁹ См.: Карташов В.Н. Указ. соч. С. 115, 116.

¹⁰ См.: Данченко А.А. Превентивная функция российского права: автореф. дис. ... канд.

И, естественно, данным функциям в этой классификации тоже нужно найти свое место.

Для решения возникшей проблемы предлагаем проанализировать еще одну научную классификацию функций права. Речь о так называемой «многорядовой» классификации, которая была предложена также И.Ф. Казьминым к концу XX в. В его подходе различаются универсальная управленческая функция права и конкретизирующие ее три ряда функций права. К функциям первого ряда он отнес как наиболее значимые собственно-юридические функции права - регулятивную и охранительную, к функциям второго ряда - социальные, выделенные по направленности и сферам реализации с разным сочетанием регулятивного и охранительного начал (политическая, идеологическая, экологическая, демографическая, обеспечения мира), к функциям третьего ряда - творческую, воспитательную, познавательную (информативную) как атрибутивные функции права, проявляющиеся через все другие функции права¹. В данной классификации есть разумное зерно, ибо автор пытается соединить в целое реально осуществляемые правом функции. Однако, как видим, из анализируемых автором «рядов функций права» все-таки выпали некоторые ранее обозначенные нами функции.

Таким образом, общесоциальными следует считать экономическую, политическую, социальную (в узком смысле слова), экологическую, идеологическую. К ним можно отнести и иные функции права, которые можно называть сквозными (универсальными): управленческая, воспитательная, культурно-историческая, информационная, коммуникативная, стимулирующая, ограничительная, социального контроля и т.д. Эти же функции в узком смысле могут быть отнесены к неосновным - собственно-

юр. наук. Н. Новгород, 2002; Репьев А.Г., Васильков К.А. «Превенция» как правовая категория: в порядке научной дискуссии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 35-42.

¹ См.: Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М.: Юрид. лит., 1986. С. 63-65.

юридическим.

Полагаем продуктивным будет двойное деление собственно-юридических функций права. Речь, в частности, о выделении второстепенных собственно-юридических функций права (наряду с регулятивной и охранительной). Их одновременно можно называть подфункциями. Например, статической и динамической в регулятивной функции права, компенсационной, восстановительной, превентивной (предупредительной) и карательной - в охранительной¹.

А.С. Палазян различает сущностные и производные функции права, каждая из которых предельно стратифицирована².

Е.Н. Лебедева считала, что подобного рода классификация, хотя и вызывает некоторые сомнения, вместе тем отличается перспективностью³.

По нашему мнению, приведенная классификация обладает некоторой новизной, возможно, как перечнем функций, так и их многообразием, но не полнотой.

Интересна градация функций права, которую предлагает В.А. Рыбаков и В.Н. Соловьев. Критерием их разграничения они называют объем и специфику правового регулирования. Авторы выделяют общие (общеправовые) и конкретные (частноправовые) функции права⁴. Проблема данной классификации, на наш взгляд, в том, что она не является в чистом виде классификацией именно таких функций и больше должна рассматриваться как классификация средств и способов их реализации (кроме стимулирующей и ограничивающей, но они - элементы праворегуляции и правоохраны, причем опять же не действующие изолированно друг от друга).

¹ См.: Макарова Н.А. К вопросу о подфункциях охранительной функции права // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 2. С. 194-199; Малько А.В., Липинский Д.А. О подфункциях охранительной функции права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 34-39.

² См.: Палазян А.С. Указ. соч. С. 10-15.

³ См.: Лебедева Е.Н. Функциональное назначение регулирования и стимулирования во властной деятельности государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 60.

⁴ См.: Рыбаков В.А., Соловьев В.Н. О методологических подходах к понятию функции права // Гражданское право. 2012. № 1. С. 30.

Продуктивно разделение функций права по элементам системы права. Оно позволяет связывать с правовой реальностью внутрисистемные свойства и связи права, подчеркнуть специфику конкретных отраслей права, учесть используемые ими средства и способы правового воздействия. Здесь обычно выделяются функции отраслей, подотраслей, институтов и отдельных норм права¹. Исследование таких функций - предмет научного внимания юристов-отраслевиков².

В.П. Реутов также предлагал классификацию функций права с учетом этапов, на которых реализуется само право. Им, в частности, в 70-х гг. прошлого столетия по этому критерию были выделены функции: познавательная, оценочная, ориентирующая, социальной адаптации и т.д.³

В последующем данная позиция была поддержана В.П. Казимирчуком и В.Н. Кудрявцевым, которые при анализе функций правовой системы обратили внимание на недостаточность выделения применительно к праву только двух аспектов его действия: регулятивного и охранительного, и предложили исследовать реальное (социальное, а не только юридическое) действие права, в связи с чем ими была выделена коммуникативная функция права⁴.

В зависимости от информационно-психологического действия права обычно выделяют воспитательную, информационную, коммуникативную, прогностическую, мотивационную⁵. Полагаем, здесь же должны быть

¹ См.: Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. Н. Новгород: Нижегородская ВШ МВД РФ, 1995. С. 46.

² См., например: Арапчор О.М. Превентивная функция российского трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013; Гуцко П.А. Реализация экономической функции права социального обеспечения на примере пенсионного законодательства // Трудовое и социальное право. 2021. № 4 (40). С. 30-35.

³ См.: Реутов В.П. О разграничении функций права и правового регулирования // Правоведение. 1974. № 5. С. 26.

⁴ См.: Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права: учебник. М.: Юрист, 1995. С. 68-73.

⁵ См.: Пискунова О.В. Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 8; Лебедева Е.Н. Функции современного российского права как общетеоретическая категория: понятие, признаки, классификация // Власть Закона. 2016. № 2. С. 115.

выделены как самостоятельные стимулирующая¹ и ограничительная² функции права. Особое внимание, по нашему мнению, следует уделить коммуникативной функции права, которую не стоит отождествлять с информационной³.

Подводя итог изложенному выше, констатируем следующее.

Во-первых, предназначение права как социального регулятора реализуется только при условии воплощения в действительности его положений, идей и принципов, что достигается через особое организующее воздействие на отношения, попадающие в сферу его влияния, а именно через его функции. Последние всегда нацелены на достижение конкретных социальных целей и задач, объективно соответствующих уровню развития социума в конкретный исторический период времени в соответствии с официально реализуемой политикой и функциями государства. Кроме того, функции права всегда связаны с обеспечением собственной ценности права и охраняемых им благ, значимых для общества, поскольку именно в функциях права и проявляется характер его влияния на общественные отношения.

Во-вторых, влияние права на регулируемые отношения есть особого рода правовое воздействие, которое начинается с установления нормативного правового предписания, нацеленного на достижение конкретного правового результата, его доведения до адресата, и продолжается в фактической правореализации. В функциональном влиянии права при этом сочетаются как собственно юридические (в конкретных правоотношениях), так и идеологические компоненты (вне правоотношений). Однако, на наш взгляд, в общей формулировке понятия функции права не обязательно характеризовать средства воздействия и вполне достаточно указания на его цели - достижение

¹ См., например: Малько А.В., Лебедева Е.Н. Место и роль стимулирующей функции права в системе функций российского права. С. 33-39.

² См.: Новиков М.В. Ограничительная функция права и ее реализация в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004.

³ В частности, А.Ф. Черданцев, характеризуя язык, как средство общения, различал выполняемые им информационную и коммуникативную функции. См.: Черданцев А.Ф. Толкование советского права. Теория и практика. М.: Юрид. лит., 1979. С. 8.

правового результата.

В-третьих, при характеристике функций права как направлений воздействия следует учитывать условность данного термина, который обычно имеет предметную привязку и применим в большей мере к отдельным функциям права, а не к функциям права вообще. Также условен и термин «основное направление», поскольку определить основной, то есть главный характер такого направления применительно к функциям права невозможно. Более того, если каждая функция права является основным направлением, ее невозможно соотносить с функциями отраслей, институтов и норм права. Поскольку для каждой функции права важны, прежде всего, однородность предмета, средств и способов правового воздействия, образующих некое организационное единство, предлагаем отказаться от использования в ее определении термина «основное направление». Кроме того, характеристика функций права предполагает ориентацию на их связь с назначением и социальной ролью права, его действием. И хотя в конкретные исторические периоды времени может меняться содержание функций права, сами эти функции стабильны и устойчивы как стабильно и устойчиво само право.

В-четвертых, при исследовании функций права необходимо использовать системный подход, позволяющий синтезировать содержание и механизм каждой отдельно взятой функции права и в последующем обобщить и свести их воедино. Обобщив и проанализировав различные подходы к классификации функций права, считаем важнейшей классификацией функций права их градацию на: общесоциальные и специально-юридические. Общесоциальными считаем такие, которые привязаны к назначению права в обществе и его влиянию на важнейшие сферы общественной жизни, специально-юридические - к правовым средствам, способам и механизмам его реализации. К общесоциальным мы относим экономическую, политическую, социальную (в узком смысле слова), экологическую, идеологическую, а к специально-юридическим - регулятивную и охранительную. Устоявшийся перечень общесоциальных функций можно дополнить сквозными

(универсальными): управленческая, воспитательная, культурно-историческая, информационная, коммуникативная, стимулирующая, ограничительная, социального контроля и т.д. Эти же функции в узком смысле могут быть отнесены к неосновным собственно-юридическим.

Регулятивная функция права делится на статическую и динамическую подфункции, охранительная - на компенсационную, восстановительную, превентивную (предупредительную) и карательную. Функции права могут классифицироваться и по иным основаниям: по объему и специфике правового регулирования; по элементам системы права; по этапам правореализации; а также с учетом характера информационно-психологического действия права.

1.2. Природа правовой коммуникации

Право в его нормативном понимании в обязательном порядке содержит в себе определенного рода юридическую информацию. Последняя во многом характеризует содержание права, оказывая непосредственное воздействие на участников правоотношений.

Аккумулятивная в юридических нормах информация отражает государственную волю общества, нуждающуюся в точной и эффективной правореализации. Тем самым право играет роль детерминанта коммуникации между субъектами, понуждая или (и) стимулируя вступать в общение между собой. В процессе такого общения происходит распространение информации, объективированной в определенных источниках – правовых текстах.

Таким образом, можно констатировать, что право не существует вне коммуникации, воспринимается в качестве коммуникации, посредством которой обеспечивается юридически регламентированное взаимодействие между соответствующими субъектами¹. К таким субъектам, с одной стороны, следует отнести уполномоченных лиц в сфере правотворчества,

¹ См.: Антонов М.В., Поляков А.В. Правовая коммуникация и современное государство // Правоведение. 2011. № 6 (299). С. 217.

правоприменения, официальной правоинтерпретации, выступающих в качестве адресантов и иных субъектов, выступающих в роли адресатов правовой информации.

Как итог, следует констатировать установление некоего взаимодействия, когда до адресата нормативно-правового предписания доводится правовая информация, обеспечивающая правовую коммуникацию¹.

Тем самым право становится одновременно источником и средством правовой коммуникации, значение которого состоит в возможности права эффективно выполнять миссию властного регулятора общественных отношений.

В этой связи аксиоматичной выступает идиома о том, что право, наряду с иными (прежде всего, регулятивной и охранительной) функциями, выполняет и коммуникативную функцию².

Здесь надо отметить, что информация, содержащаяся в нормативных предписаниях, олицетворяет особые «коммуникативные образцы поведения»³, к которым более чем применимо понятие правовой модели⁴.

Позитивная направленность и реальность данных моделей обуславливает широкое распространение коммуникативного подхода к правопониманию. Названный подход к праву получает особую популярность в связи с тем, что в условиях постмодерна особое внимание уделяется не только государственно-правовому принуждению, но и способности права интегрировать интересы

¹ См.: Там же.

² См., в частности: Попов В.И. Коммуникативная функция права // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 19-22; Баринов П.С., Катомина В.А. Коммуникативная функция права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4 (147). С. 22-29; Денисенко В.В. Коммуникативная функция права // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 3 (89). С. 231-238.

³ Юрашевич Н.М., Минько Н.С. Правовая коммуникация в современном обществе // Российская правовая система в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теория и практика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. Дню юриста / отв. ред. Е.П. Чорновол, И.Н. Бородина. Курган: Курганский гос. ун-т, 2018. С. 94.

⁴ См., в частности: Калинин С.А. Формирование модели устойчивого правомерного поведения как необходимое условие развития социального правового государства // Конституционный контроль и развитие социального правового государства: материалы Межд. науч.-практ. конф. (Минск, 9-10 сент. 2004 г.) / Европейская комиссия к демократии через право, Конст. Суд Респ. Беларусь. Минск: ООО «Смэтлок», 2004. С. 139-141.

многочисленных и разнообразных субъектов в ходе коммуникативного процесса. «В современном обществе постмодерна, - абсолютно справедливо пишет В.В. Денисенко, - право должно выступать не только как властный процесс упорядочения общественных отношений, но и как процедура легитимации правовых норм через коммуникативные процедуры и институты»¹.

Наличие коммуникативного подхода способствует появлению и структуризации коммуникативной теории права. В рамках последней право воспринимается как неотъемлемый компонент социальной действительности, отвечающей запросам социума, и, одновременно, воздействующий на протекающие в нем процессы². Коммуникативная теория права делает акцент не на статике, а на динамике права, детерминирующей взаимообусловленность и взаимодополняемость права и общества³.

В этом аспекте будет уместно заметить, что от эффективности правовой коммуникации, выступающей особой разновидностью коммуникации социальной, зависит успешность правовой регламентации. Правовая коммуникация непосредственно коррелирует с различного рода правовыми актами, обеспечивает должную реализацию прав и свобод участников правоотношений, удовлетворение их законных интересов. В правовой коммуникации раскрывается социальная сущность и бытие самого права, поэтому, как думается, нельзя не согласиться с тем, что «право - это и есть правовая коммуникация»⁴.

Можно также отметить, что правовая коммуникация органически связана не только с правом, но и с более широким понятием – правовой жизнью. Как думается, соотношение правовой коммуникации и правовой жизни более чем

¹ Денисенко В.В. Функции права в контексте теории гражданства // История государства и права. 2023. № 1. С.42.

² См.: Антонов А.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 80.

³ См.: Там же.

⁴ Поляков А.В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5 (298). С. 36.

оправдано, ибо последняя представляет собой матрицу социального взаимодействия¹.

Положения коммуникативной теории права основываются на коммуникативной теории общества, родоначальниками которой признаются разрабатывавшие ее во второй половине XX в. Ю. Хабермас, К.-О. Апель, Н. Луман.

Здесь, в частности, актуальна характеристика Н. Луманом общества как особой самовоспроизводящейся, то есть аутопойетической системы, базирующейся на механизмах коммуникации². Сердцевина механизма коммуникации - коммуникативное взаимодействие, которое, говоря словами Ю. Хабермаса, есть основанная на взаимопонимании и согласии коммуникация³. К.-О. Апелем соответствующее коммуникативное действие характеризуется как коммуникативный акт, воплощающийся во взаимодействии сообщества мыслителей, «способных к intersubjectivному взаимопониманию и формированию консенсуса»⁴. Такой консенсус между субъектами и является главной целью правовой коммуникации⁵.

Применительно к правовой жизни речь идет о правовых коммуникациях, базирующихся на предписаниях позитивного права. Правовые коммуникации эффективны, если действие права подкрепляется действием иных социальных регуляторов, например, морали⁶. Только так можно достигнуть максимального

¹ См.: Трофимов В.В., Свиридов В.В. Коммуникативная теория общества как современный социально-философский подход к изучению правовой жизни: к постановке проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 3. С. 16.

² См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. С. 4.

³ См.: Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. № 4. С. 43-63.

⁴ См.: Апель К.-О. Трансформация философии; пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. М.: Логос, 2001. С. 301.

⁵ См., например: Купцова О.Б. Принцип делиберативности и правовая коммуникация // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: сборник трудов международной научной конференции / (Воронеж, 11-12 сентября 2020 года). Воронеж: АНО по оказанию издательских и полиграфических услуг «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2020. С. 171.

⁶ См.: Денисенко В.В. Правовая коммуникация: теория права и реализация в правовых отношениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 317.

удовлетворения интересов субъектов правового общения. Как итог, средством социального управления по факту становятся конвенции как договоренности особого рода.

Одним из ведущих представителей коммуникативного подхода к праву в нашей стране является А.В. Поляков¹. На значимость правовой коммуникации в современном обществе обращают также внимание И.Л. Честнов, А.В. Назарчук, И.Д. Неважжай. В частности, И.Л. Честнов назвал саму коммуникацию «универсальной характеристикой права»², и с этим нельзя не согласиться, поскольку без коммуникации в принципе невозможно существование социума. Коммуникация в области права соединяет все его аспекты как сложного феномена с множеством граней. Именно правовая коммуникация в коммуникативной теории используется для демонстрации связей людей, юридических норм, смыслов и действий в правовой жизни.

Благодаря коммуникативному подходу самые разные явления правовой жизни общества изучаются как «непосредственная коммуникация»³. Тем самым конструируется правовая реальность, избираются рациональные и наиболее приемлемые модели поведения⁴.

Как итог, особым объектом исследовательского интереса является именно правовая коммуникация. Но суть данного процесса (либо явления) четко и однозначно не определена. Попытаемся установить, что есть правовая коммуникация. Обычно она характеризуется в широком смысле и трактуется как коммуникация в связи с правом и по поводу права. Речь в данном случае идет о таком общении, содержанием которого является правовая информация⁵. Это, так называемый, статический аспект правовой коммуникации, когда она

¹ См.: Поляков А.В. Коммуникативная теория права - актуальное направление юридической науки // Петербургский юрист. 2015. № 1. С. 20-29.

² Честнов И.Л. Практическое измерение коммуникативной теории права // Правоведение. 2015. № 4. С. 50.

³ Трофимов В.В., Свиридов В.В. Указ. соч. С. 22.

⁴ См.: Потемкина О.С. Значение правовой коммуникации в механизме действия права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 248.

⁵ См.: Графский В.Г. Правовая коммуникация и правовое общение // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 33.

напрямую связывается с правом как социальным регулятором.

Динамический аспект правовой коммуникации характеризуется как сам процесс общения¹. Здесь важно уже то, что в ходе правовой коммуникации создается, поддерживается на определенном уровне и преобразуется правовая реальность. При этом данный процесс сопровождается накоплением определенной правовой информации, созданием эталонных и иных баз данных правовой информации, в том числе проведением ее сбора, учета, обработки и передачи. Также эта информация систематизируется и официально публикуется. В последующем создаются системы, использование которых позволяет довести информацию до адресатов.

В другом (интегративном) подходе правовая коммуникация характеризуется в сочетании статической и динамической сторон. Каждая при этом имеет равное значение. По данному поводу Е.А. Романова, в частности, отмечает, что правовой коммуникацией следует считать «такой порядок взаимодействия субъектов, который основан на юридических нормах, нацелен на удовлетворение законных потребностей и интересов субъектов, связан с обменом правовой и иной информацией»². Точно также и А.В. Поляков характеризует правовую коммуникацию как «правовое взаимодействие между субъектами»³.

Практическое значение коммуникативной теории права заключается в том, что особый акцент делается на фактической правовой реальности. В ней связываются суть права и его жизнь. Хотя данная теория не снимает многих проблемных вопросов в определении природы самого права, тем не менее она позволяет отслеживать и обеспечивать эффективное действие уже принятых правовых норм. Именно эффективная правореализация является в конечном итоге содержанием правовой коммуникации в узком смысле.

¹ См.: Усманова Е.Ф. Понятие и элементы правовой коммуникации // Мир науки и образования. 2018. № 1 (13). С. 13.

² Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 9.

³ Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис.д-ра юрид. наук в виде науч. докл. СПб., 2002. С. 9.

Таким образом, правовую коммуникацию, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в широком и узком смыслах¹. Методологическое значение такого разграничения заключается в том, что в последующем, исходя из данного разграничения, мы сможем конкретизировать механизмы коммуникативного взаимодействия в правовой сфере, благодаря чему определяются функциональные стороны действия самого права.

Правовая коммуникация в широком смысле - это как юридизированный, так и неюридизированный обмен информацией, имеющей правовое значение, выражающийся в социально-правовых связях и отношениях по поводу удовлетворения прав и законных интересов субъектов правовой реальности.

Понимаемая в таком аспекте правовая коммуникация воплощается в итоге как коммуникативная функция права в широком смысле, то есть как общесоциальная функция права.

Ее содержание образуют любые явления и процессы в правовой сфере (нормативные предписания в любой форме выражения, конкретные субъективные права и юридические обязанности, правовые связи в обществе (особенно статусные), юридические идеи, мысли, концепции и т.д.)). Тем самым это любое взаимодействие субъектов в правовой сфере.

Формами правовой коммуникации в данном случае будут не только такие ключевые виды юридической деятельности как правотворчество и правоприменение, но и непосредственные формы реализации права, и толкование права, в том числе неофициальное, и правовой мониторинг, и систематизация законодательства, и правовое воспитание².

По сути, любое общение в области права есть правовая коммуникация³. Так, миграционные процессы, протекающие в нашей стране, по мнению В.В. Косаревой, следует считать «особой формой социально-правовой

¹ Идея о рассмотрении правовой коммуникации в широком и узком смысле была высказана Марком ван Хуком (в ряде источников Марком Ван Хоеком) (См., например: Хоек Марк Ван. Право как коммуникация // Правоведение. 2006. № 2. С. 44-54).

² См.: Потемкина О.С. Значение правовой коммуникации в механизме действия права. С. 248.

³ См.: Поляков А.В. Нормативность правовой коммуникации. С. 29-30.

коммуникации»¹. Примерами несколько иного рода, но также относящимся к общению, выступающему как правовая коммуникация, относятся, в частности алеаторные процедуры², различного рода примирительные процедуры³ и т.п.

Нередко понимаемая в широком смысле коммуникация нацелена не на конкретного адресата, а на широкий круг лиц, можно даже сказать, на массового адресата. Обеспечению массового взаимодействия широкого круга субъектов способствуют весьма популярные в современном обществе технологии информационного и интерактивного свойства. Более того, многие институты гражданского общества лишены возможности действовать, реализовывать свой потенциал вне системы коммуникации, что в конечном итоге образует метасистему «личность - общество»⁴.

Большую роль в характеристике правовой коммуникации в широком смысле играет знаковое выражение права. Оно проявляется как результат познания смысла права субъектами и адресатами правового воздействия и в последующем реализуется с учетом этого смысла. В сфере права при этом оказываются только такие социальные процессы и явления, которые имеют юридическое значение. Познанный и усвоенный в ходе коммуникации образец юридически значимого поведения становится неким идеалом и в последующем воспроизводится в коммуникативном общении. Это проявление коммуникации в реальности⁵.

Не следует, однако, ожидать, что правовая коммуникация является процессом, протекающим беспрепятственно и беспроблемно. Из-за отсутствия единства в понимании права и его внутренней сущности (так называемый

¹ Косарева В.В. Правовые формы реализации миграционной функции современного российского государства (вопросы общей теории и юридической техники): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 23.

² См.: Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Делибиративность и алеаторные процедуры как легитимация соматических прав человека: опыт Республики Ирландия и Австралийского Союза // Государство и право. 2023. № 1. С.100-113.

³ См., например: Мачучина О.А. Институт примирения: теоретико-правовые основы. М.: Юрлитинформ, 2021.

⁴ См., например: Попов В.И. Право как основное средство обеспечения коммуникации государства и гражданского общества в различных областях общественной жизни // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 37-39.

⁵ См. об этом, в частности: Поляков А.В. Нормативность правовой коммуникации. С. 36.

правовой плюрализм) весьма высока вероятность «сбоев» в коммуникативном влиянии права на общество, ибо по-разному понимающие его адресаты правового воздействия по-разному его реализуют. И проблема здесь, прежде всего, в социальности самого права¹.

В узком смысле правовая коммуникация есть протекающий в особом порядке с соблюдением определенных процедур юридически регламентированный процесс, в рамках которого происходит обмен правовой информацией между субъектами правового общения, результатом которого является конкретное правовое взаимодействие.

Правовая коммуникация в узком смысле предполагает использование специальных юридических средств, ее субъекты всегда стремятся к достижению точно определенного юридического результата.

Здесь речь идет уже о правовом взаимодействии на уровне коммуникативной функции права как специально-юридической. Она в итоге получается, по сути, сквозной (универсальной), поскольку может реализовываться и как общесоциальная, и как специально-юридическая, о чем мы говорили в предыдущем параграфе.

Если соотносить коммуникативный подход к пониманию права с иными, то следует отметить, что коммуникативные качества права не отрицались в принципе, но никак не связывались с его сущностными характеристиками. Это и не было возможно в условиях господства нормативного подхода к праву. Но поскольку без коммуникации невозможны ни праворегуляция, ни правоохрана (как базовые специально-юридические функции права), мы полагаем, что акцент на коммуникативных качествах права никак не противоречит нормативизму.

¹ В данном контексте нельзя не согласиться с М.И. Байтиным, который, критикуя коммуникативную концепцию права, писал, в частности, следующее: «... нетрудно заметить, что А.В. Поляков, говоря о праве вообще, ведет речь о *праве общества*, возникающем и функционирующем *независимо от государства*, т.е. о *праве не в собственно юридическом смысле*» (Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Изд. 2-е доп. М.: «Право и государство», 2005. С. 115.

Сфера правовой коммуникации совпадает со сферой действия права¹. Данный процесс сопровождается легитимацией права в сознании тех субъектов, которые либо создают, либо реализуют права при осуществлении конкретного вида юридически значимой деятельности². «Легитимация является необходимым условием правовой коммуникации»³. При этом внутренняя легитимация права предваряет деятельность, то есть правореализацию. Тем самым, границы права становятся более определенными и соответствуют организуемой правом реальности, причем как там, где устанавливаются общие для всех правила, так и там, где действуют, так называемые, исключительные правила⁴. По сути, речь об интересубъективности⁵, которая пронизывает все процессы правовой коммуникации и обеспечивает действенность права, не оставляя его только абстрактной конструкцией⁶.

Коммуникация связывает субъектов правового общения с самим правом. И средством такой связи, прежде всего, являются существующие как знаковые системы правовые тексты⁷. Речь идет, прежде всего, об институционности права, которая заключается в том, что образующие его нормы объективируются в определенных знаковых системах⁸. «Право, - как верно пишет А.В. Поляков, - не существует вне *текстуальных форм своей объективации...*»⁹.

¹ См.: Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 83.

² Об отражении понятия «легитимность» в коммуникативных концепциях права см. подробно: Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование). М.: Проспект, 2022. С. 78-96.

³ Поляков А.В. Что есть право? // Правоведение. 2012. № 6 (305). С. 206.

⁴ См.: Суменков С.Ю. Нормативный правовой акт как базовая форма воплощения исключений в праве // Lex russica. 2016. № 7. С. 60; Репьев А.Г. Специальные преимущественные и исключительные правовые нормы в условиях цифровизации экономики и оказания онлайн-услуг обществу // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 1 (92). С. 3136.

⁵ Данный термин был введен в научный оборот Э. Гуссерлем (см. об этом: Денисенко В.В. Правовая коммуникация: теория права и реализация в правовых отношениях. С. 314).

⁶ См.: Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 1-2008. С.18.

⁷ Власенко Н.А. Избранное. М.: Норма, 2015. С. 116.

⁸ См.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 66.

⁹ См.: Поляков А.В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение.

Правовая информация в них излагается особым юридическим языком, выступающим как код коммуникации, доступный и понятный всем субъектам правового общения¹. Базирующаяся на праве коммуникация воплощается в межличностном поведении², прежде всего, правомерном³.

В результате правовой коммуникации образуется и воплощается такая система взаимодействия субъектов правовой жизни, когда создается, определенным образом визуализируется и передается правовая информация, устанавливаются критерии ее достоверности и допустимости, принимаются, интерпретируются и применяются правовые тексты. Это есть целенаправленное информационное влияние права на конкретные сферы общественной жизни и общество в целом⁴.

С учетом сказанного, хотелось бы обратить внимание еще на один факт. В современной социологии права, в частности, формируется информационно-коммуникационная парадигма развития российской государственности, которая нацелена на создание такого типа политической организации общества, когда человек полностью «включен в него». И условием такой включенности для достижения государством его исторического предназначения признается наличие и функционирование в нем информационно-коммуникационной инфраструктуры⁵. Тем самым акцент делается на коммуникативном аспекте функционирования власти, который

2006. № 2. С. 29.

¹ См., например: Пискунова С.С. Правовая информация как средство формирования правового сознания граждан: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2004.

² См.: Громицарис А., Кравиц В., Федделер К. Правовая коммуникация в современной правовой системе // Правоведение. 2013. № 6. С. 77.

³ См., например: Усманова Е.Ф. Коммуникативная функция правовой культуры // Российский юридический журнал. 2015. № 5 (104). С. 9,13.

⁴ См. об этом также: Осипов Р.А. Правовое информирование: понятие и соотношение со смежными категориями // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 153-158; Его же. Правовая информированность: понятие и структура // Осипов Р.А. Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 305-309; Его же. Теоретико-методологические основы концепции информационно-правовой политики в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 63-67.

⁵ См.: Шарков А. Информационно-коммуникационная парадигма развития российской государственности // Коммуникология. 2014. Т. 3. № 1. С. 112.

подкрепляет управленческую (директивную) сферу его деятельности, но никак не поглощает ее, а продолжает. Власть реализуется через общение и невозможна без него. В ходе такой коммуникации осуществляется властное взаимодействие, субъекты которого согласованно сотрудничают друг с другом (коммуницируют)¹.

В правовой сфере коммуникация может реализовываться не только в сфере деятельности государства, но и при договорном регулировании, то есть и в частном праве. Толкование права также можно оценивать как правовую коммуникацию, ибо в ходе правоинтерпретации используется язык, олицетворяющий коммуникационный контекст².

Коммуникация есть процесс, непосредственно основанный на общении³. В принципе оно является частью данного процесса, так как любое общение включает три базовых элемента: коммуникативный, интерактивный и перцептивный. Коммуникативный связан с передачей информации, интерактивный заключается, собственно, во взаимодействии, перцептивный - в осознании и восприятии⁴. Именно поэтому А.В. Поляков считает взаимодействие особой функцией осознанного поведения⁵. Только в этом случае, то есть только там, где есть взаимопонимание и основанное на нем взаимодействие, право реализуется и можно, как утверждает В.А. Спивак, вести речь о том, что оно «соприродно» человеку⁶.

По этой причине актуален вопрос о характеристике структурно-системной организации правовой коммуникации. Этот вопрос в теории права

¹ См.: Зацепилин Ю.В., Чупров А.С. Коммуникативная природа власти (опыт интерпретации Никласа Лумана) // Социум и власть. 2004. № 1. С. 25-29; Ёдко Н.А. Коммуникативная теория власти Н. Лумана // Гуманитарный научный вестник 2020 № 6. С. 36-43.

² См.: Ромашов Р.А. Толкование. Интерпретация. Герменевтика. Проблема определения категориального смысла // Юридическая герменевтика в XXI веке / под общ. ред. Е.Н. Гонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб.: Алетей, 2016. С. 66.

³ См.: Там же. С. 55.

⁴ См. об этом, например: Макушина Е.Б. Правовая коммуникация как феномен права и общения // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. № 1. С. 142.

⁵ См.: Поляков А.В. Право и коммуникация // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник статей. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД РФ, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fr.b-ok.cc/book/3120224/7a832a> (дата обращения 11.05.2020).

⁶ См.: Спивак В.А. Современные бизнес-коммуникации. СПб.: Питер, 2002. С. 13.

не изучен должным образом и не решен однозначно. Здесь актуально исследовать уровни, подуровни и цели правовой коммуникации. Тем самым мы одновременно раскроем и смысл коммуникативной функции права в широком смысле.

Как уже отмечалось, содержание правовой коммуникации - это общение. Оно представляет собой особый диалог в форме интерактивного взаимодействия. И.Л. Честнов такой диалог сопоставил с эмпатией ситуации, когда интенция личности соотносится с оценкой ситуации и ожиданием конкретного юридически значимого поведения от другого субъекта. Соответствующая эмпатия имеет характер двусторонней, то есть другая сторона тоже пребывает в аналогичном ожидании. Как итог, коммуникация в области права предполагает перенесение смысла права из правовой нормы в ситуацию, где эта норма реализуется. И именно реализация права по факту становится согласованным взаимодействием ее акторов¹.

В основе правовой коммуникации находятся правовые образы, которые формируются внутри нее как результат неких стереотипных типизационных процессов. Такие стереотипы и типизации в лингвистике, семиотике, кибернетике и в других науках обозначаются через понятия фреймов и скриптов.

Понятие «фрейм» в научный оборот ввел М. Минский. К фрейму он относил такую систему, где соединены множества ячеек, каждая из которых содержит определенную информацию². Все фреймы сложно структурированы и организованы по принципу лестницы. Каждая ступень содержит информацию, воспринимаемую разными способами. Например, если информация находится на верхней ступени, то она воспринимается такими органами чувств как слух, зрение, осязание. На второй ступени будет информация, которая используется для реализации конкретных потребностей.

¹ См.: Честнов И.Л. Практическое измерение коммуникативной теории права // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 55-57.

² См.: Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. С. 7.

Третья ступень содержит информацию, которая может быть получена только через применение специальных знаний и теоретических конструкций. Каждый фрейм параллельно является не только источником информации, но и ее накопителем, а потому может использоваться как для хранения и систематизации информации, так и для последующей ее передачи¹.

Фреймы на первом уровне являются элементами когнитивного сознания². В них аккумулирован прошлый опыт. По этой причине на их основе можно делать прогнозы о том, как будет изменяться состояние некоторых событий и процессов, происходящих как в правовой сфере, так и в социуме в целом. Реализация таких фреймов проходит ассоциативно из-за того, что информация, содержащаяся в них является простой. Они нередко возникают как ситуативные, но при этом формируют четкое представление о процессе или предмете, то есть задают определенный концепт. По этой причине такие фреймы иногда называют также «ментальной структурой знания»³.

На втором уровне фреймы имеют уже объективированную форму. Она может выступать как, например, язык, являющийся средством формулирования определенной модели, схемы или структуры познания и деятельности⁴. Знание здесь уже не ассоциативное, а прототипное. Оно представляет структурированный концепт-категорию, где отражены характеристики элементов объекта взаимодействия. Также здесь уже формируется деятельностная модель-пропозиция, в которой фиксируется поведение как отношение между субъектом (субъектами) и объектом взаимодействия. По факту на втором уровне формируется так называемый скрипт, который является прообразом или сценарием конкретного вида деятельности, например, процесса применения нормы права в том виде, в каком он закреплен на

¹ См., в частности: Ежова Е.А. Фрейм как метод структурирования логико-семантического пространства системы 2 + // Современные научные исследования. 2013. № 10 (30). С. 33.

² См. об этом, например: Ивашкевич И.Н. Фрейм как структура представления знаний в когнитивном аспекте // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2011. № 2. С. 77-82.

³ См.: Минский М. Указ. соч. С. 9.

⁴ См.: Песина С.А. Фрейм как мыслительная репрезентация // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2015. № 29. С. 61-66.

законодательном уровне, и то как он будет реализован в конкретной ситуации.

Скрипт представляет собой, по сути, картину объективно сложившейся реальности, которая образуется в сознании субъектов социального взаимодействия. Они формируются из-за образного сопоставления разно протекающих жизненных ситуаций и абстрагирования в последующем от их конкретики¹. В этом смысле скрипт как сценарий статичен, тогда как фрейм, напротив, динамичен. Поэтому он выступает как основа для передачи информации.

На третьем уровне фрейм существует как целостный образ, в котором пересеклись чувственное и рациональное. Этот образ получил название гештальта².

Использование для объяснения правового взаимодействия категорий фреймов и скриптов характеризует динамику коммуникативной функции права. В то же время они не популярны в правоведении, поскольку используются в основном в лингвистике, кибернетике, социологии, психологии и др. Мы воспринимаем такой подход односторонним, полагая, что для объективного и более полного анализа процессов передачи информации должны использоваться знания иных, а не только юридических наук. Поэтому можно только солидаризоваться с некоторыми авторами, имплементирующими названный термин в сферу права и правовой политики³.

Однако следует иметь в виду, что юристы активно используют заимствованную из психологии и привязанную к отдельной личности конструкцию образа. Он представляет собой результат отражения в сознании человека предметов и явлений материального мира⁴, в том числе и

¹ См.: Карипжанова Т.К., Абикинов М.Т. Скрипт, фрейм, схема в художественном тексте // Гуманитарный вектор. Сер. Филология, востоковедение. 2016. № 3. С. 106.

² См.: Ермолаева В.А. Коммуникативный гештальт в семантической организации диалога // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 4 (60). С. 275-280.

³ См. об этом: Кириллова Н.П., Смирнова И.Г. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 116-127.

⁴ О понимании образа в психологической науке см., например: Осинская С.А. Категория «образ» в системе психологического знания // Актуальные вопросы современной науки.

применительно к правовой сфере. В сознании носителя образ по-разному выражается на разных его уровнях: на уровне познания реальности - это некие восприятия и ощущения; на уровне мышления - это суждения и умозаключения. Одним из источников образов в правовой сфере, то есть правовых образов, может быть групповой опыт. На основе образа формируются правовые установки.

Объективная необходимость образа в правовой коммуникации обусловлена неготовностью и неспособностью субъектов правового общения к точному восприятию и идентификации объектов правовой реальности. В итоге образ со временем становится неким кодом социально-правового взаимодействия¹.

Процесс правовой коммуникации внутренне структурирован. Его основными элементами, например, А.Ю. Бабайцев называет участников-коммуникантов (их должно быть не менее двух), правовые сообщения в форме юридических текстов, цели и мотивы общения, передача текстов, восприятие сообщения и его отражение в поведении².

А.В. Поляков в структуре правовой коммуникации различает такую единицу общения как текст, а также замысел, предпосылки общения, к которым привязаны субъекты правового взаимодействия³.

Однозначно, по мнению большинства исследователей правовой коммуникации, да и любой коммуникации вообще, ее главным элементом считаются связи⁴. Однако соответствующие связи не могут возникать без

2012. Вып. 22. С. 69–76.

¹ Об образах права и образах в праве см.: Марова О.О. Два подхода к образу права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6-7. С. 148-152; Репьев А.Г. Визуализация правовых преимуществ: теоретико-правовой и исторический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 39-44.

² См.: Бабайцев А.Ю. Коммуникация // Постмодернизм. Энциклопедический словарь. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 372.

³ См.: Поляков А.В. Право и коммуникация // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник статей. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД РФ, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fr.b-ok.cc/book/3120224/7a832a> (дата обращения 11.05.2020).

⁴ См.: Орлов А.С. Введение в коммуникационный менеджмент: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005. С. 6.

субъектов, каковыми являются отправители и получатели информации. В данном контексте можно солидаризоваться с тем, что «вне и без человека коммуникация не существует»¹.

У Е.А. Романовой элементами правовой коммуникации называются цель и принципы правовой коммуникации, ее объекты и субъекты, нормативная база, юридическая информация, правовые тексты, средства, приемы и способы коммуникации, обратная связь². Примерно также рассуждает и Е.Ф. Усманова³.

Мы согласны с таким подходом и, в свою очередь, считаем, что структура правовой коммуникации может быть дополнена и должна включать в себя следующие элементы: *цели, субъектов, правовую информацию и выражающие ее юридические тексты, принципы правовой коммуникации, ее объекты, нормативное основание, средства, способы, стратегию и тактику, коммуникативные связи*. Проведем анализ названных элементов правовой коммуникации⁴.

Начнем с анализа цели правовой коммуникации. Как идеальное представление о результате правового общения такая цель выражается в достижении понимания и согласованного взаимодействия субъектов правового общения. «Вступая в правовую коммуникацию, каждое лицо преследует свою особую цель..., которая не может быть осуществлена им самостоятельно, без участия других лиц»⁵.

Цель такого взаимодействия будет совпадать с целями правового регулирования. Достижение подобной гармонии, как думается, является общей целью как участников правовой коммуникации, так и субъекта правотворческого процесса.

¹ Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права. С. 84.

² См.: Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 92.

³ См.: Усманова Е.Ф. Понятие и элементы правовой коммуникации. С. 13.

⁴ См.: Потемкина О.С. Коммуникативное взаимодействие как цель и содержание коммуникативной функции права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5 (144). С. 89.

⁵ Архипов С.И. Понятие правовой коммуникации // Российский юридический журнал. 2008. № 6 (63). С. 9.

Основу коммуникативного взаимодействия составляет коммуникативная потребность, которая существует как импульс к осуществлению определенной деятельности в результате осознания той или иной информации¹. Детерминантой к социально-правовому взаимодействию будет основанный на интересах и потребностях субъектов их взаимный интерес, который к тому же выражен в праве².

Тем самым субъекты вступают в правовое взаимодействие ради достижения собственных целей и целей самого права как государственной воли всего общества. В данном контексте мы солидарны с высказыванием Е.А. Романовой, характеризующей правовую коммуникацию как некое «действие ради воздействия»³. На достижение этой цели и направлена собственно коммуникативная функция права.

При характеристике цели правовой коммуникации следует обратить внимание на то, что она вариабельна и связана с целями конкретных видов правовой деятельности. «Право, - отмечает В.И. Попов, - транслирует социальному субъекту готовые варианты решения конкретных ситуаций и надлежащие модели поведения в них»⁴.

Происходящий в ходе правовой коммуникации обмен правовой информацией сопровождается передачей определенных правовых сведений. С качественной стороны этот обмен характеризуется как понимание. Такое понимание можно считать эффективным, если субъекты должным образом понимают соответствующую информацию и достигают того результата, который запланирован в праве⁵.

¹ «Интерес является побудителем к определенным действиям, но потребность способно удовлетворить именно благо, ради получения которого субъект и вступает в различные социальные связи...» (Субочев В.В. Законные интересы. М.: Норма, 2008. С. 8).

² Однако здесь надо учитывать то, что «количество интересов, которые нуждаются в законодательном их закреплении... гораздо обширнее норм, составляющих законодательную основу регулирования общественных отношений» (Субочев В.В. Указ. соч. С. 80).

³ Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 93.

⁴ Попов В.И. Коммуникативная функция права. С. 21.

⁵ См., например: Баринов П.С., Катомина В.А. Указ. соч. С. 25.

В идеале цель правовой коммуникации должна быть максимально конкретизирована, а результаты правового взаимодействия - измеримыми¹. Отправителю правовой информации для определения цели правового взаимодействия должны быть точно известны характеристики субъектов, являющихся его адресатами². Он также точно должен корректно определять и соблюдать пределы правового регулирования³.

Таким образом, главная его задача заключается в отыскании точной формулировки правовой цели и правового общения, а также ожидаемого результата.

Правовая коммуникация помимо общих (магистральных) целей может выполнять, исходя из классификационных оснований стратификации правовых целей⁴, и более дифференцированные целевые установки.

Так, одной из целей правовой коммуникации может и должна выступать легитимность права. Об этом пишут Марк ван Хук⁵, А.В. Поляков⁶, В.В. Денисенко⁷. Несмотря на определенные нюансы и разночтения в позициях авторов, интегративной все же выступает тезис о том, что завершением процесса легитимации служит полноценное включение нормативного предписания в коммуникацию, происходящую между субъектами⁸.

Также бесспорно важной задачей является обеспечение должной коммуникации государства и гражданского общества, что достигается

¹ См. об этом, например: Романова Е.А. Указ. соч. С. 93; Мухтаров Т.Д. Теоретические аспекты правовой коммуникации // Лучшая научная работа 2021. Сборник статей II Междунар. науч.-исслед. конкурса: Пенза: Наука и просвещение, 2021. С. 160.

² См. Романова Е.А. Указ. соч. С. 93-94.

³ См.: Суменков С.Ю., Ловцов А.Н. Понятие и признаки пределов в праве // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3. С. 30-34.

⁴ См., например: Мызникова Е.А. Цели в праве: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 16.

⁵ См: Марк ван Хук. Право как коммуникация: / Пер. с англ. М. В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. С. 264-269.

⁶ См.: Поляков А.В. Легитимность как свойство права // Легитимность права / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2019. С. 54-66.

⁷ См.: Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование). С. 99-103.

⁸ Там же. С. 103.

посредством права¹.

Некоторые авторы утверждают, что целью правовой коммуникации выступает выработка новых правовых знаний и развитие правовой культуры².

С этим, как думается, можно согласиться, особенно с учетом того, что правовая культура, с одной стороны, сама по себе выполняет коммуникативную функцию³, а с другой – именно правовая коммуникация играет приоритетную роль в формировании и развитии правовой культуры⁴. Что же касается повышения правовой грамотности населения, то эта апория тоже вполне оправдана, подтверждается формулировками федеральных и региональных правовых актов, интегрирующих правовое просвещение и правовую информированность⁵.

Действительно, для эффективной правовой коммуникации необходима полная и достоверная информация - важнейший элемент правовой коммуникации⁶. Здесь не стоит ограничивать восприятие правовой информации лишь как сведений из правовых текстов⁷. В.В. Денисенко, анализируя речевые акты в контексте учения Ю. Хабермаса, пишет о речевых актах, включающих в себя и акты как средства стратегических взаимодействий⁸. При этом коммуникативный акт включает в себя и

¹ См.: Попов В.И. Право как основное средство обеспечения коммуникации государства и гражданского общества в различных областях общественной жизни // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 37-39.

² См.: Кумахова Д.Б., Мухтаров Д.Д. Правовая коммуникация: структура, цели и субъекты // Журнал прикладных исследований. 2021. № 6-2. С. 181.

³ См. об этом: Усманова Е.Ф. Коммуникативная функция правовой культуры. С. 9-14.

⁴ Усманова Е.Ф. Роль правовой коммуникации в формировании и развитии правовой культуры общества // Мир науки и образования. 2015. № 4 (4). С. 21.

⁵ См. об этом, например: ст. 18 «Правовое просвещение и правовое информирование» ФЗ от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2016. № 26 (часть I). Ст. 3851); ст. 13 «Правовое информирование и правовое просвещение населения в Алтайском крае» Закона Алтайского края от 08 апреля 2013 г. № 11-ЗС «О бесплатной юридической помощи в Алтайском крае» (Сборник законодательства Алтайского края. 2013. № 204. Ч. 1. С. 44).

⁶ Правовая информация как элемент правовой коммуникации более чем основательно описана Е.А. Романовой (См. Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 104-114).

⁷ Там же. С. 110-111.

⁸ См.: Денисенко В.В. Нарративы и дискурсивная теория права // Право и нарративы / Под общ. ред. В.В. Денисенко, А.К. Соболевой, И.Л. Честнова. М.: Проспект, 2022. С. 79.

вербальный (письменный либо устный) и конклюдентный акт¹. Коммуникативный акт в рамках правовой жизни выступает и одновременно и как действие и как источник правовой информации.

Если информации недостаточно, или она искажена, а также при полном ее отсутствии, коммуникация не будет эффективной; она вообще может не состояться в конкретном случае. С.А. Белов верно характеризует подобное положение как коммуникативную неудачу, своего рода сбой в коммуникации².

Здесь можно вести речь о прямой связи между информацией и коммуникацией: «нет информации - нет коммуникации» и «нет коммуникации - нет смысла в информации». Они связаны функционально, не существуют друг без друга³.

В результате создается особая коммуникативная среда⁴. В ней возможно одновременное существование как управления, так и контроля. Следует иметь в виду, что в современном обществе процессы передачи информации ускорены, что позволяет не только быстро ее передавать, но и вовремя организовывать и корректировать общение⁵.

Вся информационно-коммуникационная система⁶ имеет характер семиотической⁷. Каждый ее элемент-сообщение является коммуникативной моделью поведения. Данное качество присуще даже нетипичным нормативным

¹ Там же.

² См.: Белов С.А. Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 4. С. 845.

³ См., в частности: Голубихина Н.В., Назарова В.А. Правовая информация как элемент коммуникативного процесса в обществе XXI века // Общество и право. 2021. № 4 (78). С. 99.

⁴ В. Кравиц предпочитает несколько иной термин: информационно-коммуникативное общество (См. об этом: Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива). Пер. с нем. М.В. Антонов // Правоведение. 2011. № 5. С. 9, 14).

⁵ См.: Троян Н.А. Информационно-правовое обеспечения развития национальной правовой информации в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4 (37). С. 28-32.

⁶ Данный термин активно используется В. Кравицем, считающим, что все правовые системы современного общества являются информационно-коммуникативными системами (См.: Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива). С. 17)).

⁷ См.: О семиотике в коммуникации: Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста. Пер. с англ. и ит. М.: АСТ, 2021. С. 16-20.

предписаниям, которые действуют не напрямую, через другие правовые предписания, но в итоге все равно приводят к коммуникации¹.

Что касается субъектов правовой коммуникации, то к ним относятся все субъекты правового общения как носители субъективных прав и юридических обязанностей². Их конкретизируют как вовлеченных в сферу правового взаимодействия субъектов права и правоотношений. Субъект правовой коммуникации обычно определяется стандартно: индивидуальный либо коллективный³.

Весьма нестандартной служит точка зрения С.И. Архипова, считающего, что субъект правовой коммуникации – «...правовая индивидуальность, лицо, обладающее особым правовым сознанием, особым масштабом права, правовым достоинством, реализующее в юридических отношениях собственную правовую волю»⁴.

Категоричность подобной позиции объясняется, как думается, тем, что непосредственно в правовое общение может вступить только человек⁵. Иное дело то, что в коммуникации, на наш взгляд, принимают участие и коллективные субъекты, обоснованно определяемые как обособленные группы людей⁶. При этом субъект, передающий информацию, является ее коммуникатором (адресант), а принимающий – реципиентом (адресат).

Соответственно, государство также необходимо определять в ряду субъектов коммуникации, хотя бы и вовлеченных в этот процесс опосредованно (в том числе при правотворчестве, правоприменении,

¹ См. о нетипичных правовых предписаниях: Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С.113-118; Апт Л.Ф. Нетипичные предписания в федеральном законодательстве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 3 (13). С. 25-43; Чуфаров В.Ю. Нетипичные нормативные предписания в трудовом праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

² См., например: Неважжай И.Д. Коммуникативный правогенез // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4. С. 221.

³ См., например: Баринов П.С., Катомина В.А. Указ. соч. С. 25.

⁴ Архипов С.И. Указ. соч. С. 8-9.

⁵ По нашему мнению, С.И. Архипов не учитывает того, что в ходе коммуникации могут взаимодействовать, например, малолетние, которые не могут реализовывать в правоотношениях собственную правовую волю.

⁶ См.: Попов В.И. Коммуникативная функция права. С. 21.

правореализации).

Правовая коммуникация является адресной, направлена на конкретного субъекта или нескольких лиц, или на неопределенное число адресатов¹. Именно в силу того, что в ней могут участвовать практически все субъекты права, она является всеобщей, в отличие от моральной, религиозной и даже политической форм социального взаимодействия².

При характеристике субъектов правовой коммуникации, в рамках объективирования коммуникативной функции права, необходимо обращать внимание на их автономность, привязанную к правовому статусу, организационной специфике (индивидуальный или коллективный субъект), объему правосубъектности, способности конкретного лица воспринимать и реализовывать правовую информацию.

Весьма важным требованием к субъекту правовой коммуникации является возможность его идентификации³.

В рамках правовой коммуникации именно субъектами правового общения определяется потребность в ней⁴. Она тестируется на предмет пригодности и информационной значимости, обязательности правовых предписаний.

Чем выше при этом уровень правосознания и правовой культуры таких субъектов, тем качественнее сама правовая коммуникация⁵.

Если вести речь о принципах правовой коммуникации, то такие принципы представляют собой детерминированные правом отправные (магистральные, главные) концепты коммуникативного взаимодействия, зафиксированные в действующем законодательстве.

¹ См.: Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. д-ра юрид. наук в виде науч. докл. СПб., 2002. С. 9-10.

² См.: Архипов С.И. Указ. соч. С. 10.

³ См.: Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. С. 115.

⁴ См.: Лушников П.В. Правовая коммуникация и её участники: теоретический аспект // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. №3. С. 369-378.

⁵ См.: Руф В.С. Правосознание и правовая культура как показатели уровня развития общества // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3 (20). С. 66.

При этом надо понимать, что принципы правовой коммуникации тесно связаны с принципами права; связь эта дихотомична: с одной стороны принципы права обуславливают принципы правовой коммуникации, с другой – последние обуславливают динамику принципов права, их реализацию и правоинтерпретацию.

При этом, безусловно, принципы правовой коммуникации объективно не могут отождествляться с принципами права.

Принципы права (в особенности такой значимый их компонент как общеправовые принципы) отражают нормативное содержание права как государственной воли общества и властного социального регулятора¹.

Арсенал таких общеправовых принципов, как правило, стандартен, хотя и может варьироваться. В частности, к общим принципам права относятся законность, гуманизм, демократизм, справедливость, равноправие, единство прав и обязанностей.

Названные принципы характеризуют сущность права и его содержание в целом, но распадаются на специфические разновидности для конкретных отраслей с учетом специфического проявления их отраслевой нормативности².

В правовой коммуникации общие принципы права сохраняют свою природу, однако их содержание получает специфику в проекции к самой коммуникации. Если речь, например, о законности, она выражается в обязанности субъектов правовой коммуникации соблюдать и исполнять требования, зафиксированные в законодательстве³. Гуманизм означает

¹ См.: Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Вопросы общей теории государства и права. 2006. С. 156.

² См., например: Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2006; Арендаренко А.В. Общеправовой принцип справедливости и его реализация в уголовном праве России (теоретико-правовые аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

³ См., например о содержании принципа законности: Пономарев Д.А. Теоретические проблемы развития понятия законности в отечественной юридической науке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002; Чечулина А.А. Правовая законность: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004; Теткин Д.В. Законность как реальное выражение права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007 и др.

недопущение унижения и страданий по отношению к субъектам права¹. Справедливость выражается в соразмерности государственно-правового воздействия на участников общественных отношений². Единство прав и обязанностей можно кратко охарактеризовать как постоянное коррелирование права и обязанности, когда право одного осуществляется за счет обязанности другого, а последняя заключается в реализации того либо иного права³.

Самое главное, как думается, состоит в том, что в правовой коммуникации принципы права адаптируются к обеспечению должного взаимодействия между субъектами, позволяя праву в целом выполнять роль арбитра, который как контролирует состояние правоотношений, так и устанавливает их основы и правила. Данные принципы далее уточняются в отраслевом законодательстве и существуют, как уже было сказано, как принципы отраслевого характера⁴.

В правовой коммуникации также должны учитываться принципы правового регулирования, которые связаны уже с определением рамок такого регулирования при последующей правореализации.

По нашему мнению, принципы правового регулирования в безусловном порядке должны находить свое отражение в действующем законодательстве, что позволяет в определенной степени причислять их к принципам последнего. Мониторинг законодательства позволяет сделать вывод о достаточно ограниченном наборе источников права в юридическом смысле, содержащих в

¹ См. о принципе гуманизма в праве: Филимонов В.Д. Гуманизм как принцип права // Государство и право. 2013. № 1. С. 102-108.

² См., в частности: Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

³ См.: Грачев Т.С. Единство прав и обязанностей как принцип права: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.

⁴ К примеру, общеправовой принцип равенства в уголовно-исполнительном праве проявляется как принцип «равенства осужденных перед законом» (Уголовно-исполнительный кодекс РФ). Об этом подробнее см.: Репьева А.М. Воздействие на несовершеннолетнего осужденного путем реализации общеправовых принципов при исполнении наказания. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. С. 35-56.

себе именно принципы правового регулирования¹. Несколько особняком находятся нормативные акты, устанавливающие признаки организации чего-либо²; интересным представляется то, что в некоторых законах о принципах организации отдельным элементом выступают положения о принципах правового регулирования³.

Именно такие принципы, облеченные в нормативную форму, позволяют учитывать объективно-субъективное состояние правовой реальности, о наличии которой велись острые дискуссии в советской общей теории права⁴.

Принципы правового регулирования в контексте правовой коммуникации дают возможность определить необходимость юридической регламентации конкретного правоотношения⁵, уточнить пределы правового регулирования⁶, выявить источники легитимации права⁷, способы и приемы формализации нормативных предписаний⁸.

¹ См., в частности: ст. 2 Трудового кодекса РФ; ст. 2 ФЗ от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» (СЗ РФ. 1995. 1995 г. № 48. Ст. 4552); ст. 2 ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448); ст. 4 ФЗ от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5711); ст. 2 ФЗ от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 3735); ст. 3 ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598).

² См., например: ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 903.

³ См.: ст. 18 ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822).

⁴ См.: Шаргородский М.Д. Объективное и субъективное в праве // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. Тезисы докладов и научных сообщений (6-9 марта 1962 г.). Харьков, 1962. С. 11-14; Орзих М.Ф. Объективное, субъективное и юридическое (к дискуссии «Объективное и субъективное в праве») // Правоведение. 1972. № 3. С. 94-98; Недбайло П.Е. Объективное и субъективное в праве (к итогам дискуссии) // Правоведение. 1974. № 1. С. 14-25.

⁵ См.: Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010.

⁶ См.: Зайцева Е.С. Пределы правового регулирования (общетеоретический аспект). Омск: Омская академия МВД России, 2020.

⁷ О легитимации права см. подробно: Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2020.

⁸ См.: Марченко М.Н. Источники права. М.: Проспект, 2015.

В ходе практического воплощения принципов правового регулирования в коммуникативном взаимодействии можно выявить требуемые и возможные пути оптимизации правореализации, прежде всего применения конкретных юридических норм. В проекции к сказанному, исходя из соотношения принципов правового регулирования и правовой коммуникации, представляется вполне обоснованной точка зрения С.И. Архипова о производности первых от вторых¹.

Безусловно, доминантное значение имеют непосредственно принципы самой правовой коммуникации как динамичного явления, особого рода процесса общения, опосредованного правом. В числе таких принципов, исходя из анализа как юридической литературы, так и нормативного материала, можно назвать следующие: планирование коммуникации; структурирование коммуникации, постановка проблемы, обобщение и повторение, изложение и оценка фактов; учет особенностей субъектов коммуникации, определение правильных форм и каналов коммуникации; контроль коммуникации².

Учет названных принципов в правотворческом процессе позволит в максимальной степени обеспечить эффективность правовой коммуникации, действенную реализацию производной от нее коммуникативной функции.

Надо отметить, что принципы правовой коммуникации способны к дифференциации, а точнее к детерминации их на более конкретные коммуникационные концепты, предназначенные для весьма специфических субъектов³ и для конкретной сферы отношений⁴.

¹ См.: Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 18.

² См.: Потемкина О.С. Коммуникативное взаимодействие как цель и содержание коммуникативной функции права. С. 90.

³ См.: Попов В.И. Характеристика правовых принципов коммуникации гражданского общества и государства // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2. С. 190-193.

⁴ См., например: Попов В.И., Мамонтов А.Г. Особенности правовой коммуникации в процессе предварительного расследования // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: материалы III Всероссийской молодежной научно-практической конференции. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. 2020. С. 79-81

Следующим элементом правовой коммуникации служит ее объект, представляющий собой неоднозначную и сложную категорию, неоднозначно воспринимаемую в ходе научного, в том числе и философского осмысления¹.

По нашему мнению, при определении объекта правовой коммуникации, надо исходить из дефинирования объекта правоотношений, то есть понимать под объектом то, на что направлены права и обязанности их участников, по поводу чего оно осуществляется².

В правовой коммуникации в роли такого объекта будет выступать информация³; подобный тезис подтверждается положением действующего законодательства, в котором регламентировано значение информации как объекта правовых отношений (ст. 5 ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴).

Таким образом, правовая информация – это более чем определенный объект, присутствующий как в сфере публично-правового⁵, так и частноправового⁶ регулирования.

Именно в правовой информации, воспринимаемой в качестве особого рода объекта правовых отношений, фиксируются блага, к получению которых стремится субъект коммуникации, а также механизмы и процедуры как получения такого блага, так и пользования им. Такая информация визуализируется в виде правового текста, который П.С. Баринов и В.А. Катомина рассматривают и как объект и как предмет правовой

¹ См.: Рогожкин Л.П. Становление и развитие категории объекта в истории философии и история науки: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону. 1999.

² См. об этом, например: Суменков С.Ю. Суменков С.Ю. Правоотношения / Актуальные проблемы права: учебник для магистрантов / под ред. В.Л. Кулапова; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. С.390.

³ См.: Семилетов С.И. Информация как особый нематериальный объект права // Государство и право. 2000. № 5. С. 67-74.

⁴ СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

⁵ См., в частности: Пащенко И.Ю. Информация как объект публично-правового регулирования в условиях цифровизации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022.

⁶ См, например: Снытников А.А. Информация как объект гражданских правовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.

коммуникации¹. С этим, пожалуй, можно согласиться, но с оговоркой о том, что предметом выступает содержание текста. В любом случае текст, содержащий информацию, предстает не только как объект, но и как средство управления² и (или) правовой коммуникации³.

В контексте сказанного нельзя солидаризоваться с Е.В. Дженаковой, определяющей распространение информации как объект права⁴. Распространение информации происходит в процессе общения в виде коммуникативных сообщений, облеченных в текстуальную форму. Тем самым распространение правовой информации – это не объект, а реализация правовой коммуникации и или (и) коммуникативной функции права.

В контексте сказанного представляется необходимым кратко осветить средства правовой коммуникации⁵. Надо отметить, что средством последней является исключительно юридический текст, выступающий одновременно и ее средством и компонентом, без которого нет и не может быть правовой коммуникации⁶. Последняя «представляет собой человеческое взаимодействие, основанное на знаковой, текстуальной информации»⁷.

Тем самым можно однозначно констатировать, что текст – инструмент фиксации и передачи информации, необходимой для правового общения, служащего основой коммуникации. Характерным представляется то, что в данном случае подразумевается любой текст (конечно, при условии наличия в нем смыслового содержания): вербальный (устный либо письменный),

¹ Баринов П.С., Катомина В.А. Указ. соч. С. 26-27.

² Петров В.К. Информация как объект познания и средство социального управления: социально-философский аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2000.

³ См.: Романова Е.А. К вопросу о правовом тексте как информационном средстве правовой коммуникации // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 2. С. 78-82.

⁴ См.: Дженакова Е.М. Распространение информации как объект права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 6. С. 29-35.

⁵ Подробный анализ инструментального аспекта коммуникативной функции права будет представлен в ходе непосредственного исследования средств реализации названной функции.

⁶ См.: Воронцова Ю.А., Галиева Д.А., Хорошко Е.Ю. Юридический текст как базовый конструкт правовой коммуникации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 168-175.

⁷ Поляков А.В. Либертарное правопонимание и коммуникативный подход // Правоведение. 2014. № 3 (314). С. 11.

визуальный¹, конклюдентный²; даже молчание может расцениваться как компонент коммуникативного поведения и средство общения³.

Безусловно, вышесказанное относится к тексту как юридическому средству, с присущими именно такому средству качествами⁴. В таком аспекте можно быть согласным с тем, что само по себе право (которое облечено в текстуальную форму) также признается в качестве средства коммуникации⁵.

В этой связи надо, поскольку речь идет именно о правовой коммуникации, охарактеризовать ее нормативную базу, которая также играет роль элемента правовой коммуникации. Исходя из нормативного понимания права, последнее представляет собой огромную совокупность юридических норм⁶. Как ни парадоксально, данный концепт симфоничен мнению А.В. Полякова, о том, что право и его нормы априори наделены качеством коммуникативности⁷.

Подобное объясняется тем, что, как уже отмечалось выше, нормы права обладают качеством институциональности и выражаются в определенных знаковых символах⁸; именно из этих символов состоят правовые тексты, содержащие в себе соответствующую информацию.

¹ См. об этом: Загидуллина М.В. Изображение становится текстом: об экспансии пиктографии и визуальных образов в пространстве текстовых сообщений // Медиасфера. 2017. № 12. С. 10-14.

² См.: Раренко М.Б. Жестовые языки как полноценное средство коммуникации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2021. № 2. С. 83-91.

³ См. об этом, в частности: Инубуси Й. Феномен молчания как компонент коммуникативного поведения: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2003; Крестинский С.В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2011. Вып. 1. С. 34-37; Юсифова П.Т. Молчание как средство невербальной коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 472-475 и др.

⁴ О средствах в праве см. подробно: Шундигов К.В. Цели и средства в праве: Общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999; Малько А.В., Шундигов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. акад. права», 2003.

⁵ На наш взгляд, показательным является само название упомянутой выше книги Марка ван Хука: «Право как коммуникация».

⁶ См.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 63.

⁷ См.: Поляков А.В. Нормативность правовой коммуникации С. 27-45.

⁸ См.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 66.

В свою очередь юридические тексты (по крайней мере те из них, которые обладают официальным характером) объективируются в правовых актах; они представляют собой огромную совокупность, у которой нельзя отрицать качества системности¹.

При этом нормы права выражаются в правовых актах, называемых источниками права в юридическом смысле, либо, по-другому, форма права². Естественно, что приоритет имеют те нормы, которые отражаются в доминирующей в данной правовой системе форме права, в частности в России – в нормативном акте³.

Тем самым можно констатировать, что формы права, в которых получают свою визуализацию юридические нормы, и являются нормативной основой правовой коммуникации.

Стратегию и тактику правовой коммуникации представляют собой вариации направлений общения между коммуницирующими субъектами. Как думается, необходимость в стратегии и тактике непосредственно в процессе общения предопределена наличием стратегических и тактических целей правовой коммуникации⁴.

По нашему мнению, стратегия, как элемент структуры правовой коммуникации, может восприниматься в широком и узком смысле. В последнем она предполагает собой некий правовой документ⁵, определяющий, в том числе нормативно⁶, магистральные векторы регуляции правовых отношений и, соответственно, линии взаимодействия участвующих в них

¹ См.: Шопина О.В. Система правовых актов в современной России: проблемы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

² См.: Бошно С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

³ См. об этом, например: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 206-207.

⁴ См.: Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. С. 134.

⁵ См.: Говорухина Ю.В. Стратегия как правовой документ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021.

⁶ См., например: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

субъектов.

Широкий аспект детерминирован алгоритмом «интерес-общение-текст-информация»; в данном контексте безусловно важны юридические стратегии непосредственно в коммуникативном дискурсе¹. Однако самым главным представляется тот концепт, что сама по себе правовая стратегия выступает как источник развития права².

Интеграция названных двух аспектов позволяет солидаризоваться с тем, что стратегия в правовой коммуникации предполагает возможность определения варианта взаимодействия в процессе общения, посредством которого достигается искомый (запланированный) результат³.

Тактика правовой коммуникации – это характеризующаяся системностью совокупность согласованных действия, направленных на достижение коммуникативного консенсуса.

По мнению Е.Ф. Усмановой, тактика олицетворяет собой практического рода ходы, реализуемые в процессе стратегии⁴.

По нашему мнению, в качестве примера подобного рода практических ходов можно привести алеаторные процедуры, направленные, в частности, на легитимацию каких-либо прав человека на определенной территории⁵. Последнее будет представлять собой стратегию, а названные процедуры, точнее механизм их осуществления – коммуникативную тактику⁶.

В этом смысле тактика трактуется как некий код⁷, который, исходя из позиции Н. Лумана, можно обозначить в качестве механизма управления

¹ См., например: Никифорова Э.Ш., Надобко Ю.В. Основные коммуникативные стратегии в юридическом дискурсе // *Lingua mobilis*. 2011. № 7 (33). С. 64-67.

² См.: Правкина И.В. Правовые стратегии как источник развития современного права: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2016.

³ См.: Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ // *Вестник Саратовской государственной академии права*. 2009. № 4. С. 30.

⁴ См.: Усманова Е.Ф. Понятие и элементы правовой коммуникации. С. 13.

⁵ См., в частности: Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Указ. соч. С.100-113.

⁶ Одновременно алеаторные процедуры могут выступать как средства достижения целей правовой коммуникации и как форма реализации коммуникативной функции права.

⁷ «Код – это язык, - пишут Д.Б. Кумахова и Д.Д. Мухтаров, - который используется участниками конкретного акта правовой коммуникации». (Кумахова Д.Б., Мухтаров Д.Д. Указ. соч. С. 181).

коммуникационными процессами¹.

Тактика правовой коммуникации может считаться эффективной, если в сознании различных субъектов правового общения кодовые смыслы одного и того же явления или процесса симфоничны друг другу; в такой трактовке саму правовую коммуникацию можно дефинировать как процесс передачи информации, в которой содержатся общие коды, от одного субъекта (коммуникатора, адресанта) к другому (реципиента, адресата) в ходе общения.

Здесь представляется необходимым проанализировать такой элемент правовой коммуникации как связи. Они присутствуют в коммуникации объективно, поскольку коммуникативное общение априори предполагает взаимосвязь между его участниками. «В рамках правового общения... образуются устойчивые коммуникативные связи между лицами»².

Коммуникативные связи более чем разнообразны, представляют собой многовариативный конгломерат, перечисление полиморфии которого не имеет, на наш взгляд, какой-либо гносеологической ценности.

Превалирующей выступает стратификация связей на обратную и прямую.

Обратная связь - это ответная реакция на полученное адресатом коммуникативное сообщение³. Именно наличие подобного рода связи служит индикатором эксплицирования субъекта в коммуникативное взаимодействие.

Значение обратной связи в коммуникации объясняется прежде всего тем, что они позволяют учитывать не только субъектов, которые передают информацию, но и субъектов, получающих и передающих ее. Именно этим достигается полнота, эффективность, дифференцированность, а в некоторых случаях и оперативность правовой регламентации общественных отношений.

Важность обратных связей в правовой коммуникации не нивелирует значение их противоположности – прямых связей. Суть прямой связи в самом

¹См.: Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 54.

² Антонов М.В., Поляков А.В. Правовая коммуникация и современное государство. С. 217.

³ Об обратных связях см. подробнее: Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Питер, 2001. С 46.

общем виде заключается в том, что субъект, распространяющий информацию, приоритетом считает не столько распространение информации, сколько надлежащую реализацию заложенных в ней установок. Несмотря на то, что распространение и реализация часто понимаются как дуалистические аспекты одного и того же явления, надо понимать, что, например, субъект правотворчества, правоприменения, правоинтерпретации изначально рассчитывает на то, что информация, заложенная в соответствующем акте, достигнет поставленной данным субъектом цели.

Интеграция прямых и обратных связей способствует результативности правового регулирования. В частности, «сопутствующим» эффектом такого синтеза выступает валидность права, выражающаяся в устранении так называемых невалидных (недействительных) норм¹. Подобное возможно только при симфонии участников правового взаимодействия, адекватно воспринимающих коммуницирующих с ними контрагентов. В этой связи можно, хотя и с оговорками, солидаризоваться с тем, что, например, вряд ли следует считать правовой нормой такую норму, которая в правосознании субъектов не оценивается позитивно².

Тем самым в контексте к понятию «валидность» стоит отметить включение в процесс правовой коммуникации таких концептуальных уровней правосознания как правовая психология и правовая идеология.

Подводя итог сказанному выше, считаем необходимым резюмировать следующее.

Во-первых, право и правовая коммуникация органически взаимосвязаны между собой. Подобное объясняется тем, что право объективируется в различного рода юридических текстах, содержащих информацию, которой обмениваются участники правоотношений, вступающие в общение и

¹ См. об этом: Васильева Н.С. Проблема действительности права в антиметафизической традиции (концепция Альфа Росса) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 3. С. 396-414. Ее же. Альф Росс о понятии и действительности права: реалистический подход // Правоведение. 2018. № 1 (336). С. 84-117.

² См.: Четвернин В.А., Яковлев А.В. Институциональная теория и юридический либертаризм // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М.: ГУ ВШЭ, 2008. С. 215-238.

взаимодействующих между собой для получения возможности удовлетворения как индивидуальных, так и групповых интересов. Тем самым право в его нормативном понимании не только не противоречит, но и более чем соответствует природе правовой коммуникации.

Во-вторых, правовая коммуникация, выступая разновидностью социальной коммуникации, представляет собой сложный и неоднозначный феномен, традиционно воспринимаемый в широком и узком смысле, а также равным образом отражающий статику и динамику в конструкции как права, так и правовой жизни. Формальная эволюция неправовой коммуникации в правовую достигается благодаря опосредованию коммуникативных процессов в источниках права.

В-третьих, краеугольным компонентом и одновременно детерминантом правовой коммуникации служит правовая информация, зафиксированная в юридическом тексте. Содержание правовой коммуникации составляет общение как особого рода диалог, приводящий к взаимодействию субъектов, которое направлено на удовлетворение определенных целей. Особенностью правовой коммуникации выступает широкое использование правовых образов, обозначаемых через понятия фреймов и скриптов.

В-четвертых, правовая коммуникация представляет собой структурированный процесс, включающий в себя множество различных элементов. Несмотря на дискуссионность воззрений на структуру правовой коммуникации, можно выработать интегративный подход к набору составляющих ее звеньев. Подробный их анализ позволяет убедиться в симфонии правовой коммуникации, правового регулирования и правового воздействия.

В-пятых, неразрывность правовой коммуникации и права, а также исходящих от права явлений, позволяет утверждать о наличии у права особой коммуникационной функции, нуждающейся в общетеоретическом осмыслении и научном дефинировании.

1.3. Понятие и содержание коммуникативной функции права

Коммуникативная функция права, как и всякая функция права, отличается особой однородностью предмета, средств и форм правового воздействия, что образует организационное единство каждой конкретной функции¹.

При этом каждый элемент такого единства связан с внешней по отношению к нему структурой – самой коммуникативной функцией, а коммуникативная функция как самостоятельная функция права является элементом системы (комплекса) функций права в целом.

Процесс правовой коммуникации, выступающей в качестве детерминанты коммуникативной функции права, обеспечивает достижение целей правового регулирования через воздействие на сознание, мысли и духовный мир субъектов правового общения.

Последнее уже затрагивалось в предыдущем параграфе как важнейший компонент коммуникации, в том числе и правовой. Соотношение права, общения и коммуникации крайне сложное, неоднозначное, более чем дискуссионное.

Как думается, в проекции к исследованию коммуникативной функции права целесообразно придерживаться точки зрения об органической связи права, коммуникации и общения. «Тем самым, - пишут яркие представители коммуникативного подхода, - оказывалось возможным коммуникативное понимание права как результата и в то же время катализатора и медиума межличностного и межгруппового общения»².

Конечно, излишне категоричным представляется в данном ракурсе мнение Н.С. Тимашева, полагающего правовую коммуникацию возможной только при опосредовании юридически значимыми текстами и государственно-

¹ См.: Потемкина О.С. Коммуникативное взаимодействие как цель и содержание коммуникативной функции права. С. 88.

² Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 90.

властной поддержкой¹. Правовое общение появляется как итог интеграции начал равенства и свободы и олицетворяет собой равнозначность различных элементов, составляющих право (социального, психологического, идеального, нормативного)².

В свою очередь, и об этом уже говорилось, правовое общение есть ядро и основа правовой коммуникации, как более широкой категории. Однако эта «широта» не умаляет значения общения как генератора коммуникативных связей. «В рамках правового общения... образуются устойчивые коммуникативные связи между лицами»³.

Коммуникативные связи уже были охарактеризованы в качестве структурного компонента правовой коммуникации. Последняя достаточно часто понимается в контексте правового взаимодействия именно как совершение социально значимых действий в связи с обменом той или иной информацией⁴.

Здесь можно выразить солидарность с существующей в науке позицией относительно нацеленности правовой коммуникации в широком плане (а значит, и коммуникативной функции права как общесоциальной) на такие компоненты как: сохранение правовой коммуникации и соответствующего пространства; нахождение компромисса между интересами и правовыми установками участников правовой коммуникации; сохранение и улучшение доступности, быстроты и устойчивости правовых взаимодействий⁵.

Наша принципиальная позиция, подтверждаемая приведенными выше тезисами, состоит в том, что в социальном аспекте соотношение общения и коммуникации должно расцениваться как соотношение целого (общение) и

¹ См.: Там же. С. 91.

² См.: Там же. С. 92.

³ Антонов М.В., Поляков А.В. Правовая коммуникация и современное государство // Правоведение. 2011. № 6 (299). С. 216.

⁴ См.: Синицына Л.Н. Принципы герменевтики в социологии: учебное пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. С. 95.

⁵ См. об этом, в частности: Лушников П.В. Правовая коммуникация и её участники: теоретический аспект // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. № 3. С. 369-378.

части (коммуникация), то есть коммуникация – это часть общения. Но, как ни парадоксально, в юридическом контексте сопоставление несколько иное: правовая коммуникация более емкое понятие, чем правовое общение; последнее можно охарактеризовать как инструментальный компонент первого, его динамический элемент¹. Подобное можно объяснить трансформацией значения коммуникации даже в социальном плане, так как нельзя не согласиться с тем, что именно коммуникация в настоящее время вполне соизмерима в содержательном аспекте с термином «социальное общение» и «охватывает социальное взаимодействие, обмен информацией, фиксацию ценностных и технико-организационных установок»².

Краеугольной лексемой, уже несколько раз объективированной при цитировании позиций различных ученых, служит синтагма «правовое взаимодействие». Как думается, именно оно является синтезирующим звеном между правовой коммуникацией и правовым общением³. Подобное объясняется тем, что понимание правовой коммуникации как процессуально-процедурного феномена неизбежно приводит к использованию коммуникации,

¹ Предельно четко стратификация и соотношение коммуникации, общения и взаимодействия изложены, по нашему мнению, например, в п.п. 3 п. 5.2.1. Федеральной адаптированной образовательной программы дошкольного образования для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (утв. Приказом Министерства просвещения РФ от 24 ноября 2022 г. № 1022 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301270036> (дата обращения 24.12.2022 г.)). Согласно данному акту, коммуникативная деятельность включает в себя общение и взаимодействие.

² Графский В.Г. Правовая коммуникация и правовое общение // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 35.

³ В данной связи хотелось бы выразить свое несогласие с позицией В.Ю. Панченко, считающего возможным отождествление лексем «взаимодействие», «коммуникация», «общение» на основании того, что они, по сути, представляют собой единый процесс объективированного обмена информацией (См.: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 28). По нашему мнению, подобная позиция несколько противоречит сложившемуся восприятию понятий права и правовых понятий, юридических терминов, дефиниций. Как видится, каждая из названных синтагм обозначает достаточно конкретизированный феномен, имеющий свою специфическую природу и функциональное предназначение. Доказательством тому служит сама работа В.Ю. Панченко, посвященная изучению именно правового взаимодействия.

наряду с термином «диалогичность», в анализе правового общения, как всевозможного взаимодействия двух и более субъектов¹.

Критичность воззрений В.Г. Графского на данную апорию отчасти понятна, ибо, как он отмечал, процедурное толкование правовой коммуникации сосредоточено на ее функционировании, а не на том, что же представляет собой правовая коммуникация и ее природа².

В ракурсе настоящего исследования, подобного рода упрек, вне зависимости от его справедливости, скорее комплиментарен, поскольку речь идет не о самой правовой коммуникации, а о коммуникативной функции права.

При реализации коммуникативной функции право само выступает как коммуникационная система, транслируя правовую информацию. В этом ракурсе само право можно воспринимать, хотя и с некоторыми оговорками, как особый передатчик правовой информации, нормативно обеспечивающий коммуникативные связи между субъектами правового регулирования. В названном аспекте еще раз подчеркнем обоснованность суждений А.В. Полякова, М. ван Хука, В. Кравица, рассматривающих право как коммуникацию. «В структурно-функциональном аспекте, - писал, в частности, В. Кравиц, - правовая коммуникация отличается от других видов нормативной коммуникации прежде всего тем, что она происходит через отсылку к уже действующим и действенным правовым нормам...»³.

В свою очередь общество также предстает как особого рода коммуникативная система⁴, субъекты которой, вступая в общение, взаимодействуют между собой.

¹ См.: Графский В.Г. Современное право и правовое общение глазами историка // Государство и право. 2013. № 9. С. 11.

² См.: Там же. С. 11-12.

³ Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива). Пер. с нем. М.В. Антонов // Правоведение. 2011. № 5. С. 18.

⁴ См. об этом: Луман Н. Власть. М., Праксис, 2001; Его же. Общество как социальная система. М., Логос, 2004.

Предназначение коммуникативной функции права (в особенности в широком ее понимании) как раз и заключается в гармоничном сочетании таких коммуникативных систем как общество и право.

Право обеспечивает взаимосвязь и взаимодействие субъектов общественных отношений посредством определения дозволенного и недозволенного (соответственно, правомерного либо противоправного) поведения. Тем самым санкционируются те отношения, в которых заинтересовано государство, и, напротив, ограничиваются (под угрозой потенциального применения принуждения) те, которые, с точки зрения государства, тормозят развитие социума.

Для этого у государства в арсенале имеются юридические средства, обеспечивающие коммуникативное взаимодействие различными способами¹ и в разных формах. Именно поэтому право и стоит характеризовать как особую коммуникативную систему, направленную на достижение надлежащего взаимодействия в обществе.

В названном контексте будет уместным обращение к понятию коммуникации в широком и узком смысле.

По нашему мнению, названные аспекты правовой коммуникации непосредственно коррелируют с макро и микроуровнем правовой регламентации и проецируется на коммуникативную функцию права.

В частности, государство воздействует на общество посредством права, добиваясь необходимого для него уровня консенсуса и должного взаимодействия. В качестве примера можно привести положения ст. 20 ФКЗ от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»², предельно широко регламентирующие полномочия высшего органа

¹ Как представляется, более чем точно коммуникативные формы взаимодействия изложены в п. 23.11 Федеральной образовательной программы начального общего образования (утв. Приказом Министерства просвещения РФ от 16 ноября 2022 г. № 992 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212220053> (дата обращения 24.12.2022 г.), согласно которому они подразумевают собой «договариваться, рассуждать, находить компромиссные решения».

² СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

исполнительной власти страны с институтами гражданского общества. Как думается, это и есть макроуровень, на котором реализуется, в том числе, коммуникативная функция права.

Вместе с тем, правовое регулирование немислимо и без микроуровня, то есть нормативного упорядочения нуждающегося в этом казуса. Иллюстрацией может быть предписание, содержащееся в Распоряжении Минпросвещения России от 28 декабря 2020 г. № Р-193, предусматривающее, в частности, обязательный учет конкретных особенностей восприятия ребенком ситуации коммуникативного взаимодействия (неумение договариваться, согласовывать свои действия, контролировать их и т.д.)¹.

Конечно, конкретность приведенного примера достаточно относительна; она связана с важнейшей функциональной характеристикой самого права, а именно адаптацией права к требуемой абстракции и необходимой конкретности².

Большой конкретности можно добиться в подзаконных нормативных актах и, тем более, в актах правоприменения. В частности, развивая тему взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества, можно привести предельно конкретизированное положение, зафиксированное в п. I «Мероприятия по совершенствованию государственного управления и взаимодействию с институтами гражданского общества», закрепленное в соответствующем правоприменительном акте Правительства РФ³.

В любом случае необходимо признать, что только гармоничное сочетание макро и микроуровня правовой регламентации, правовой

¹ Распоряжение Минпросвещения России от 28 декабря 2020 г. № Р-193 «Об утверждении методических рекомендаций по системе функционирования психологических служб в общеобразовательных организациях» // СПС «Консультант Плюс» (текст документа официально опубликован не был)

² См. об этом: Суменков С.Ю. Способность права к абстракции и конкретности как его важнейшая функциональная характеристика // История государства и права. 2023. № 1. С. 14-19.

³ Распоряжение Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 204-р «Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2022-2032 гг. в РФ Международного десятилетия языков коренных народов» // СЗ РФ. 2022. № 7. Ст. 1029.

коммуникации в широком и узком смысле, коммуникативной функции права как общесоциальной, так и специально-юридической позволяет достигать как эффективности, полноты и дифференцированности правового регулирования, так и обеспечивать необходимое коммуникативное взаимодействие.

Именно поэтому коммуникативное взаимодействие должно в обязательном порядке исследоваться при осмыслении коммуникативной функции права, причем как общесоциальной, так и специально-юридической.

Подобное объясняется тем, что сама по себе правовая коммуникация подразумевает должный уровень взаимодействия, достигаемый за счет коммуникативных умений¹, коммуникативных навыков², коммуникативных качеств³ и т.п.

Таким образом, можно резюмировать, что коммуникативная функция права одновременно имеет своим содержанием и целью протекающее циклично, постоянно и планомерно правовое взаимодействие⁴.

В этой связи можно, хотя и несколько условно, солидаризоваться с позицией Л.С. Мамута, который рассматривает правовое общение как особого

¹ В частности, абз. 4 п. 19.5.6. Федеральной образовательной программы основного общего образования (утв. Приказом Министерства просвещения РФ от 16 ноября 2022 г. № 993 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212220024> (дата обращения 10.12.2022 г.)), предусматривает совершенствование у учащихся коммуникативных умений, обеспечивающих эффективное взаимодействие с окружающими людьми в ситуациях формального и неформального межличностного и межкультурного общения».

² См., например: Приказ Департамента здравоохранения Тюменской области и Департамента здравоохранения администрации г. Тюмени от 2 сентября 2015 г. № 973/26-34-408/5 «О контроле мероприятий, направленных на развитие коммуникативных навыков сотрудников медицинских организаций города Тюмени» // Официальный портал органов исполнительной власти Тюменской области. URL: <http://www.admtyumen.ru> (дата обращения 11.12.2022 г.).

³ Так, п.п. 2 и 3 Приложения № 15 к Порядку отбора и назначения граждан на руководящие должности в центральном аппарате Министерства Российской Федерации по налогам и сборам (утв. Приказом МНС РФ от 16 января 2004 г. № БГ-3-15/21@ // СПС «Консультант Плюс» (текст документа официально опубликован не был)), под коммуникативными качествами подразумевают эффективное взаимодействие с людьми.

⁴ Свойство цикличности в рамках данного контекста употребляется не в философском значении (т.е. в понимании движения явлений и процессов по замкнутому кругу с постоянным возвращением вспять), а в общеупотребительном, означающем совокупность связанных между собой процессов и действий, в том числе, объединенных между собой общим признаком (См.: Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альта-Принт», 2008. С. 1171).

рода (ролевое и обоюдopoлезное) взаимодействие участвующих в общении людей, реализация которого происходит посредством обмена социальными благами¹. Развивая данный контекст, В.В. Денисенко более чем категорично заявляет о том, что именно эти черты отграничивают правовое общение от всех иных форм взаимодействий².

Взаимодействие в буквальном смысле обозначает взаимную связь двух явлений; взаимную поддержку³.

Взаимодействие – предельно широкая категория; более чем значимой разновидностью взаимодействия выступает социальное взаимодействие, то есть взаимодействие членов социума, олицетворяющее собой действие, соотносимое с действием иного лица и ориентирующееся на него⁴.

В свою очередь особой вариацией социального взаимодействия служит правовое взаимодействие⁵. Последнее представляет собой синтагму, которая должна быть зафиксирована в тексте нормативных актов.

Однако непосредственно такое словосочетание не встречается в нормативном тексте. Соответственно, можно сделать вывод, что «правовое взаимодействие» представляет собой правовое понятие, а точнее, понятие науки права⁶.

При этом данное понятие не проявляется затем в юридических терминах, а также не имеет легальной дефиниции.

В этом отличие словосочетания «коммуникативное взаимодействие» от лексемы «правовое взаимодействие». Первое может выступать как в качестве

¹ См.: Мамут Л. С. Правовое общение: очерк теории. М.: ИНФРА-М, 2011. С. 15-16.

² См.: Денисенко В.В. Правовое общение в демократическом гражданском обществе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 1. С. 30.

³ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. С. 65.

⁴ См. об этом: Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 602-603.

⁵ На наш взгляд, данная корреляция более чем логична, во многом презюмирована тем, что юридические нормы являются особой разновидностью социальных норм.

⁶ Власенко Н.А. Избранное. М.: Норма, 2015. С. 196.

научного понятия, причем не только юридической науки¹, так и юридического термина, используемого в достаточно определенном смысловом контексте².

Правовое взаимодействие – это исключительно понятие юридической науки, во многом привнесенное достижениями философии и социологии.

В настоящее время в российской общей теории права правовое взаимодействие как разновидность социальной коммуникации было подвергнуто детальному изучению в докторской диссертации В.Ю. Панченко³.

Ученый правильно пишет, что «термин "взаимодействие" используется достаточно часто в самых разнообразных контекстах в нормативных правовых актах...»⁴. Более чем интересными и познавательными являются примеры фиксации слова «взаимодействие» в тестах НПА. В частности, речь идет об употреблении названной синтагмы при характеристике взаимодействия органов публичной власти как друг с другом (на различных уровнях), так и с институтами гражданского общества и населением; освещении различных форм корпоративного сотрудничества; обозначении информационных, электронных, дистанционных способов взаимодействия; иллюстрации взаимодействия относительно результатов человеческой деятельности, которые имеют юридическое значение; исследовании взаимодействий в зависимости от их уровня (международный, в том числе межгосударственный, и национальный (с участием различных субъектов внутригосударственного права)); стратификации правового взаимодействия в зависимости от сферы применения и т.д.⁵.

¹ См., например: Воробьев Ю.Л. Коммуникативное взаимодействие гражданского общества и структур публичной власти как управленческий процесс: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. М., 2008.

² См., в частности: абз. 4 п. 5.3 Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 42.03.04 Телевидение (уровень бакалавриата) (утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 7 августа 2014 г. № 945 // Российская газета. 2015. 28 янв. (без Стандарта)).

³ См.: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ См. подробнее: Там же. С. 29-32.

Как думается, перечень примеров с нормативным закреплением слова «взаимодействие» можно продолжать до бесконечности долго¹. Но этот перечень примеров все же не дает ответа на то, чем же является взаимодействие в юридико-лингвистическом аспекте. Так, в приведенной выше цитате из диссертации В.Ю. Панченко, взаимодействие обозначалось как термин; в свою очередь затем уважаемый профессор называет взаимодействие понятием².

По нашему мнению, взаимодействие – это научное понятие, а правовое взаимодействие, как уже отмечалось, понятие науки права.

Взаимодействие можно называть в качестве термина сугубо в лингвистическом аспекте; данная лексема не может быть обозначена в качестве нормативного (юридического) термина, поскольку не отвечает доктринально выделенным свойствам последнего³.

В контексте сказанного можно резюмировать, что взаимодействие становится правовым при включении данного слова в юридический текст. Право, регламентируя общественные отношения и осуществляя, в том числе, и коммуникативную функцию, использует данную языковую частицу для обеспечения должного общения субъектов, реализации их законных интересов в ходе коммуникации.

О том, что удовлетворение законных интересов является целью правового взаимодействия, для достижения которых индивиды⁴ и вступают в

¹ В частности, В.Ю. Панченко отмечает, что на момент написания им диссертационного исследования, СПС «Консультант Плюс» только на федеральном уровне выдавало около двадцати тысяч НПА, содержащих слово «взаимодействие» в единственном или множественном числе (См.: Панченко В.Ю. Указ. соч. С. 29). Можно смело предположить, что, с учетом прошедшего исторического периода, число таких упоминаний только увеличилось.

² Панченко В.Ю. Указ. соч. С. 33.

³ См. об этом: Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. С. 10.

⁴ Наша принципиальная позиция состоит в том, что непосредственно правовое взаимодействие, а если брать шире – правовое общение и правовую коммуникацию, могут осуществлять между собой только люди. Даже если речь идет о взаимодействии между государствами, органами публичной власти, учреждениями, организациями и предприятиями вне зависимости от форм собственности и ведомственной принадлежности – их физическим воплощением выступают люди, которые взаимодействуя, общаются между собой. Соответственно, правотворческим путем может быть закреплено взаимодействие по поводу, например объектов материального мира либо живой природы, но никак не их между

урегулированные правом отношения между собой, пишет В.М. Сырых¹. В его трактовке правовое взаимодействие есть всегда взаимосвязь², с чем нельзя не согласиться, учитывая роль связей как элемента структуры правовой коммуникации. Иное дело, что при надлежащей организации публичного управления вполне возможна интеграция личных интересов с общественными; подобного рода синтез детерминирует как удовлетворение частных интересов, так и максимальное обеспечение интересов социума³.

Следует отметить, что в правовой сфере важно юридическое опосредование коммуникации, общения, взаимодействия, а также собственно интересов.

На наш взгляд, архиважное место в таком опосредовании принадлежит именно коммуникативной функции, выступающей своего рода посредником между государством и правом, с одной стороны, и объективной необходимостью коммуникации между субъектами, с другой.

Коммуникативная функция права неизбежно имплементирует взаимодействие субъектов в правовые отношения. Само по себе определение соотношения правоотношений и правового взаимодействия – отдельная научная задача, требующая нетривиального решения.

Как только что отмечалось, В.М. Сырых считает, что субъекты взаимодействуют в рамках правовых отношений. Как думается, это достаточно логично, ибо субъекты, начиная взаимодействие между собой, неизбежно вступают в правоотношения.

Предельно важной здесь представляется дуалистичность самой коммуникативной функции, то есть стратификации ее на общесоциальную и специально-юридическую.

собой.

¹ См.: Сырых В.М. Материалистическая теория права: Избранное. М.: РАП, 2011. С. 1255.

² См.: Там же.

³ См. об этом, в частности: Суменков С.Ю. Исключения в механизме правового регулирования. М.: изд. ЧОУ ВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2019. С. 27-28.

Коммуникативная функция права как общесоциальная функция начинается с правового регулирования. Последнее «связывает воедино субъектов, которые его непосредственно осуществляют или в нем участвуют и объектов, тех исполнителей, на которых оно рассчитано»¹. Тем самым речь идет о взаимосвязях взаимодействующих субъектов.

В первую очередь коммуникативная функция общесоциального плана направлена на правотворчество, в ходе которого создаются образцы, шаблоны и модели возможного и должного поведения. Привнесение взаимодействия в данную сферу более чем необходимо и оно, безусловно, присутствует. «Процесс формирования юридических норм, - писал С.Н. Братусь, - немыслим вне психологических актов воли живых людей, предлагающих и утверждающих эти нормы»².

При этом считается, что праву присуще (по крайней мере должно быть) качество прогнозирования³, выражающееся в таком феномене как опережающее правотворчество⁴. Право, по мнению Ю.А. Тихомирова, должно улавливать общественные потребности в официальном признании соответствующих явлений⁵.

В общей теории права такой феномен, безусловно имеющий более сложную «неконструированную» природу, по сравнению с правотворчеством, получил название «правообразование»⁶.

¹ Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2008. С. 28.

² Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юрид. изд-во, 1947. С. 18.

³ См. об этом, в частности: Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.

⁴ См. об этом: Баранова М.В. Опережающее правотворчество в правовой системе современности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1 (108). С. 43-45; Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 20-29.

⁵ См.: Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 26.

⁶ См. об этом: Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2009.

Правообразовательный процесс выступает ни чем иным, как взаимодействием индивидов¹. «Правообразование – это складывание новых форм общения людей, заинтересованного практического взаимодействия...»².

Правообразование предваряет правотворчество, в ходе которого юридические нормы находят свою объективизацию. В данном концепте возрастает роль коммуникативной функции права, инъектирующей правообразовательное взаимодействие в правотворческую деятельность.

Подобного рода взаимозависимость обуславливает вопрос о правоотношениях, в которых происходит и воплощается взаимодействие. Подобные отношения можно обозначать как правотворческие³, однако более точной дефиницией служит их характеристика как общих (общерегулятивных) правоотношений.

Такие отношения носят не индивидуализированный, а общий характер; выражают общий правовой статус субъектов, в том числе их права, обязанности, ответственность; возникают не из юридических фактов, а из нормативных актов, точнее тех обстоятельств, которые привели к его появлению⁴. Несмотря на это, общерегулятивные отношения нельзя трактовать только как правотворческие, поскольку данные отношения связаны с такими формами реализации юридических норм как соблюдение, исполнение, использование. Соответственно, эти отношения носят правоохранный и правообеспечительный характер⁵.

Н.И. Матузов в качестве примера общих правоотношений называет, в частности, гражданство⁶. Как думается, здесь налицо взаимная связь между субъектами, выражающаяся в правах, обязанности и взаимной

¹ См.: Трофимов В.В. Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.

² Гревцов Ю.И. Социология права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 72.

³ См.: Трофимов В.В. Правотворческие отношения как форма осуществления планомерно-рационального способа формирования права: проблемы теории и практики // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 566-577.

⁴ См. Матузов Н.И. Общерегулятивные правоотношения // Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2003. С. 137.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Там же. С. 131.

ответственности, а равно – и неизбежное взаимодействие между государством и его гражданами.

Пример о гражданстве удачен еще и тем, что затрагивает проблему о корреляции взаимодействия как с правоотношениями, так и с правовыми состояниями¹.

На наш взгляд, весьма рациональной выступает точка зрения Р.А. Ромашова, который считает и правовое взаимодействие и правовое состояние различными аспектами правоотношений². При этом правовым взаимодействием Р.А. Ромашов называет такие отношения, в рамках которых взаимосвязанные субъекты реализуют разнонаправленные интересы³.

В.Ю. Панченко, разделяя в целом данную позицию, замечает, что правовое взаимодействие может включать в себя весьма широкий спектр интересов, причем не только разноплановых, но и совпадающих друг с другом⁴.

По нашему мнению, позиция обоих ученых не находится в диалектическом противоречии: субъекты, взаимодействующие в правоотношениях с одинаковыми интересами, представляют одну сторону правоотношений, их взаимодействие симфонично, направлено на достижение одной и той же цели.

В свете сказанного, представляется необходимым проанализировать специфику привнесения юридического оформления взаимодействия посредством коммуникативной функции права, понимаемой в качестве специально-юридической.

Здесь происходит взаимодействие между субъектами конкретного правоотношения, содержание которого составляют субъективные права и

¹ О правовых состояниях см. подробно: Груздев В.В. Правовое состояние личности: история, теория, практика. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011.

² См.: Ромашов Р.А. Правовые состояния и взаимодействия: к вопросу о месте в категориальном аппарате юридической науки // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ: материалы VII Междунар. научно-теор. конференции (Санкт-Петербург, 1-2 дек. 2006 г.). Ч. I. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2006. С. 7.

³ Там же.

⁴ См.: Панченко В.Ю. Указ. соч. С. 40.

юридические обязанности. Названные феномены не только занимают особое место в механизме правового регулирования¹, но и, по справедливому мнению А.В. Полякова, составляют суть и правоотношения и правовой коммуникации (которая есть, поскольку есть субъекты – обладатели прав и обязанностей)².

Как уже было отмечено, коммуникативная функция права в узком смысле реализуется уже через конкретные правоотношения. В ходе взаимодействия в том либо ином правоотношении устанавливаются взаимосвязи, детерминированные коммуникативной функцией. Подобного рода взаимосвязи по большому счету обусловлены видом юридических норм, стратифицированного в зависимости от метода правового регулирования³, подразделяемого в общепринятом смысле на императивный, диспозитивный, рекомендательный, поощрительный.

Соответственно, можно предложить следующие вариации взаимосвязей, достигаемых в ходе реализации коммуникативной функции права посредством взаимодействия в конкретном правоотношении: 1) *императивные* - властно установленные наборы прав и обязанностей, реализуемые предусмотренным нормативным стандартом (задействованы императивные нормы права⁴); 2) *автономные* - допускаемые альтернативы как в потенциале прав и обязанностей, так и в возможности самостоятельного выбора какого-либо варианта правомерного поведения (основанием являются диспозитивные⁵ и рекомендательные⁶ нормы).

¹ См. об этом: Хохлова Е.М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014.

² См.: Поляков А.В. Либертарное правопонимание и коммуникативный подход // Правоведение. 2014. № 3 (314). С. 9-10.

³ См., в частности, о методе правового регулирования: Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974.

⁴ См.: Дудина А.Н. Императивные нормы права (теоретико-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2020.

⁵ См.: Лапшин И.С. Диспозитивные нормы права. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2002.

⁶ См.: Кулапов В.Л. Рекомендательные нормы советского права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987.

Интересным представляется то, что поощрительные нормы¹ могут применяться как в первой, так и во второй модели.

Однако главное то, что при обеих модификациях действия коммуникативной функции устанавливаются так называемые устойчивые правовые взаимозависимости, которые выражаются в моделировании отношений между субъектами, позволяющими им удовлетворять личные права и интересы без посягательства на права и интересы других лиц либо через удовлетворение потребности путем исполнения конкретной обязанности в пользу другого лица при помощи права².

В.М. Сырых градирует подобные взаимозависимости, которые можно охарактеризовать как коммуникативные, не на два, а на три типа³, что, как представляется, абсолютно не принципиально.

Важным является то, что подобного рода взаимозависимости присущи и коммуникативной функции в широком, общесоциальном смысле и, соответственно, выражены, хотя и с определенной долей специфики, в общерегулятивных правоотношениях.

При исследовании соприкосновения коммуникативной функции права и правового взаимодействия необходимо уделять внимание не только институционализационному аспекту. Последний, безусловно, имеет огромное значение, поскольку непосредственно связан с нормативностью правовой коммуникации. Любой вид правовой деятельности, по справедливому замечанию П.П. Ланга, отражается в социально-организационной форме, которая оказывает влияние на содержание деятельности⁴.

Именно поэтому, наряду с нормативным аспектом в коммуникативном взаимодействии играет магистральную роль и деятельностный. В.Ю. Панченко

¹ См.: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978.

² См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Современное правопонимание. М.: РАП, 2007. С. 336-337.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Ланг П.П. Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания. Самара: ООО «Стандарт», 2021. С. 22.

совершенно справедливо обращает внимание на тот факт, что главной чертой правового взаимодействия является его деятельностный аспект¹.

Неразрывность коммуникативной функции права и правового взаимодействия органична вследствие того, что любая функция права воплощает собой направление деятельности; взаимодействие также предполагает правомерное действие.

Однако надо понимать, что право обособленно от конкретных действий индивида, и предназначено для главного – соединения конкретных деятелей в едином акте².

Только так, не отождествляя деятельность с поведением, можно акцентировать внимание на целенаправленном и осознанном поведении в правовой сфере. Субъекты права в некотором роде «обмениваются» своими индивидуальными правовыми деятельностями; могут включаться этими деятельностями в деятельность иных субъектов как предмет или даже цель и результат. Они могут выступать и как соисполнители одной правовой деятельности³.

Основными формами правового взаимодействия являются опредмечивание и распредмечивание. Например, принятие нормативного правового акта в итоге есть опредмечивание, поскольку результатом взаимодействия субъектов правотворческой деятельности становится конкретный нормативный правовой акт. Последующая, например, уже правоинтерпретационная деятельность будет распредмечиванием. Ниже, раскрывая формы продуцирования и сопродуцирования как компонентов правового взаимодействия, мы более подробно остановимся на опредмечивании.

¹ См.: Панченко В.Ю. Указ. соч. С. 47.

² См.: Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2009. С. 193.

³ См.: Николов Л. Структуры человеческой деятельности / под ред. и с предисл. Л.П. Буевой. М.: Прогресс, 1984. С. 118.

Важно также иметь в виду, что правовое взаимодействие тесно связано с информацией и информационно-психологическим воздействием на личность. Данный тезис не является новацией, поскольку ранее авторами выделялся информационный аспект в качестве ядра правового взаимодействия¹. В ракурсе исследования коммуникационной функции права, мы помним, что правовой текст как определенная знаковая система имеет определенный смысл, и точное понимание этого смысла, а также его адекватная реализация – показатель и залог эффективной правовой коммуникации.

Правовое взаимодействие, особенно, если речь идет о реализации коммуникативной функции права в широком смысле, имеет характер полисубъектного. Обычно здесь недостаточно только двух участников правоотношений, их много. Так, применительно к коммуникативной методологии о полисубъектности взаимодействия писали О.Ю. Рыбаков, С.В. Тихонова², С.В. Зыков³, А.В. Стомба, В.Ю. Панченко и И.Ю. Макаrchук⁴, а также многие другие.

Адаптировав существующие подходы по взаимодействию к реализации коммуникативной функции права, обратимся к широко известному высказыванию А.В. Стомбы о том, что правовое взаимодействие наряду с непосредственными его участниками всегда включает «третьего» участника (посредника) – некоего «агента» правопорядка, обеспечивающего

¹См., например: Гришина Т.М. Совершенствование правовых основ взаимодействия публично-властных органов современной России в информационном обществе // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 12. С. 16-21; Лолаева А.С. Правовые основы информационного взаимодействия органов публичной власти с населением в электронной форме // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 7. С. 24-28.

² См.: Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики // Lex russica. 2005. Т. 100. № 3. С. 8.

³См.: Зыков С.В. О государственной правовой семейной политике в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2020. № 1. С. 13-17.

⁴ См.: Панченко В.Ю., Макаrchук И.Ю. Взаимодействие органов публичной власти при подготовке правовых актов государственного содействия // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. Т. 17. № 1. С. 49-58; Панченко В.Ю., Макаrchук И.Ю. Теория правового взаимодействия как направление социологии права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5 (144). С. 60-62.

правомерность ситуации предоставленными ему средствами¹. Действительно, наличие трех сторон для правового взаимодействия стало классической конструкцией². Так, например, М. Алексеева применительно к централизованной закупке товаров пишет, что в процессе данного взаимодействия «участвуют три стороны: заказчик, поставщик, грузополучатель»³. Таким «третьим», по сути, может выступать любой субъект социального общения: индивид, любая социальная общность, в том числе государство⁴ (например, при издании закона и принудительном обеспечении его реализации, если имеются все необходимые доказательства противоправности конкретных действий определенного субъекта).

Чтобы оценить роль «третьего» лица в реализации правовой коммуникации, необходимо оценивать потенциальную способность (правомочие) названного субъекта квалифицировать социальное взаимодействие в качестве правомерного или противоправного, а в случае потребности – реализовать действия по восстановлению правового порядка. Непосредственные участники правового взаимодействия также должны быть проинформированы – кто именно участвует в правовой коммуникации. Обычно в этом статусе выступают суд, органы юстиции, прокуратуры и т.д.⁵.

Вместе с тем, не стоит преувеличивать значение «третьего». В частности, в общерегулятивных правоотношениях, как полагал Н.И. Матузов, «нет "третьей силы", которая стояла бы над сторонами»⁶.

Правовому взаимодействию свойственна так называемая ситуативность и локальность. Первое означает, что в рамках взаимодействия важен выбор способа коммуникации, форм и методов, применительно условиям и

¹ См.: Стовба А.В. Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков: ДИСА+, 2006. С. 20, 76.

² См.: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 52.

³ См.: Алексеева М. Централизованная закупка товаров для образовательных учреждений // Учреждения образования: бухгалтерский учет и налогообложение. 2020. № 10. С. 35.

⁴ См. об этом также: Панченко В.Ю. Указ. соч. С. 52.

⁵ См.: Там же. С. 53-54.

⁶ Матузов Н.И. Указ. соч. С. 132.

обстоятельствам жизнедеятельности участников¹. Так, Н.Д. Гомонова пишет, что «для успешного взыскания задолженности необходимо закрепить принцип ситуативности, т.е. устойчивой зависимости способов воздействия на должника от обстановки, в которой находится этот должник»². В свою очередь, по мнению В.В. Трофимова, жизненные ситуации, в которых происходит взаимодействие между субъектами, оказывают на право положительное влияние, являясь основой правового регулирования³.

Ситуативность, как аспект правового взаимодействия, в проекции к коммуникативной функции права предопределяет и такое качество, как локальность, предполагающую нормативно установленную сферу взаимодействия субъектов⁴.

Как итог, правовое взаимодействие – особая форма социального взаимодействия субъектов права, выражающаяся как обмен юридически значимыми информацией, знаниями и опытом, деятельностью и результатами такой деятельности, в конкретной правовой ситуации.

При характеристике правовых взаимодействий актуальным является вопрос об их классификации. В результате классификации выделяются группы правовых взаимодействий, схожие по своим характеристикам, что позволяет в наиболее полном виде определить их место и роль в коммуникативной функции права и раскрыть ее содержание.

¹ По нашему мнению, стоило бы говорить не о ситуативности правового взаимодействия, а о его казуистичности, и, соответственно, не ситуации, а о казусе. Подобного рода терминология все же точнее, исходя из того, что правовая действительность представляет собой совокупность юридических казусов (См. об этом: Суменков С.Ю., Плахтий Н.А. Правовая действительность как совокупность юридических казусов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4 (147). С. 15-21). Вместе с тем, учитывая то, что лексемы «ситуативность» и «ситуация» являются устоявшимися в проекции к правовому взаимодействию, используются в научных исследованиях докторского уровня, считаем возможным использование традиционной терминологии.

² Гомонова Н.Д. Проблемы защиты прав граждан, пострадавших от деятельности лиц, осуществляющих возврат просроченной задолженности // Вестник исполнительного производства. 2020. № 4. С. 52.

³ См.: Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2009. С. 196.

⁴ См., например: Калюжнов Е.Ю. Теоретико-правовые основания правил техники локального нормотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

Одной из самых популярных в юридических исследованиях является классификация правовых взаимодействий *с учетом их места в правовом регулировании*. По данному основанию можно вести речь о *правотворческих (правообразовательных) и правореализационных* взаимодействиях¹. В качестве иллюстрации первого вида приведем положения Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде, предполагающие соответствующее нормативно-правовое обеспечение электронного взаимодействия². Примером второго является ст. 29 федерального закона № 69-ФЗ, закрепляющая «правовые основы взаимодействия систем газоснабжения и систем энергосбережения»³.

С учетом характера социально-правового взаимодействия различаются *позитивные и негативные* взаимодействия (конфликта или сотрудничества)⁴. К первым, вполне уместно отнести взаимодействие органов власти на поприще выполнения социально-важных задач⁵. Сложнее с негативным взаимодействием, реализуемым в области образовавшихся социально-правовых противоречий. Таким взаимодействием характеризуется, на наш взгляд, коммуникация, основывающаяся на личной заинтересованности в ущерб государственным целям и задачам, что объективируется посредством института «конфликт интересов»⁶.

¹ См. об этом подробнее: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 158-159.

² См.: п. 9 Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде (утв. Распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2013 г. № 2516-р // СЗ РФ. 2014. № 2. Ст. 155).

³ См.: ФЗ от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1667)

⁴ См.: Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. С. 31.

⁵ См., например: Указ Президента РФ от 29 марта 1994 г. № 607 «О взаимодействии федеральных органов государственной власти Российской Федерации в области информационно-правового сотрудничества с органами власти государств-участников Содружества Независимых Государств» // Российская газета. 1994. 7 апр.

⁶ См.: ст. 10 ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (СЗ РФ. 2008. № 52).

Следует отметить, что при исследовании коммуникации как в социальном, так и в правовом аспектах, многими авторами выделялись типы правовых взаимодействий, которые могут быть *с учетом характера силы правовых действий – слабыми и сильными*¹. Не претендуя на абсолютную оригинальность, попробуем развить и, насколько это возможно, дополнить характеристику выделенных типов правовых действий. Так, слабым может быть охарактеризовано такое правовое взаимодействие, при котором действия, нацеленные на возникновение юридических последствий, в конечном итоге не приводят к контрдействиям, либо данные контрдействия не вызывают начало правовых отношений. В свою очередь сильное взаимодействие характеризуется устойчивыми правовыми связями, возникающими на основе осуществленных действий².

Сила правового коммуникативного взаимодействия зависит от юридической силы предопределяющего его акта. Чем она выше, тем значимее само взаимодействие. Большое значение для нее имеет также степень соблюдения юридических технологий при совершении конкретных юридических действий и операций, тактика и стратегия, избранные участниками правовой коммуникации. Однозначно надо учитывать и степень соблюдения ими предписаний правовых норм³.

Формальными критериями оценки правового взаимодействия как сильного можно считать его правомерность, отсутствие правонарушений (низкий уровень различных проявлений противоправности) в той сфере, где осуществляется коммуникативное взаимодействие, а также недопущение конфликтности⁴. Слабым будет такое взаимодействие, когда реализация прав и

¹См. об этом подробнее: Докторович А.Б. Социальные действия, взаимодействия и отношения // Пространство и Время. 2012. № 2. С. 67-69; Панченко В.Ю. Указ. соч. С. 159, и др.

² См. об этом, в частности: Панченко В.Ю. Типология правовых взаимодействий // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12 (79). С. 101.

³ См.: Там же.

⁴ См. об этом подробнее: Пустовалова Е.В. Социальное взаимодействие в конфликте // Вестник НГУЭУ. 2020. № 1. С. 219-226.

свобод участников правовой коммуникации во многом зависит от усмотрения конкретных правоприменителей.

Помимо вышеназванных критериев, для классификации правовых взаимодействий профессор В.Ю. Панченко предлагает использовать пространственно-временной параметр¹. Мы солидарны с такой точкой зрения и, в свою очередь, полагаем возможным скорректировать и развить эту позицию, в рамках чего выделить правовые взаимодействия *по форме связи участников правовой коммуникации*. В результате правовые взаимодействия можно разделить на *непосредственные (прямые)* и *опосредованные (косвенные)*². В прямых взаимодействиях сами участники правовой коммуникации лично обмениваются правовыми действиями, в опосредованных – такое взаимодействие опирается на результат предыдущего взаимодействия.

Интересной является позиция, согласно которой правовые взаимодействия подразделяются по особенностям возникновения и развития на принудительные и непринудительные, где ключевым элементом выступают права и обязанности сторон³. Однако мы полагаем, что если брать за основу такую фундаментальную категорию права, как правовое положение личности, то уместнее правовые взаимодействия классифицировать *по основаниям их возникновения*. В таком ракурсе, непринудительное взаимодействие основано на юридическом равенстве правовых статусов сторон, предполагает координацию действий их участников. В принудительных взаимодействиях субъекты обычно неравноправны, один доминирует над другим, обладает правовыми преимуществами, в отношении него возможна реализация

¹ См.: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 160.

² Подобного вида правовые взаимодействия были рассмотрены применительно к различным сферам правоотношений в работах: Крохина Ю.А. Особенности имплементации принципов Базеля III в банковское законодательство Российской Федерации // Банковское право. 2020. № 5. С. 55-62; Сабаева С.В. Критерии соблюдения и защиты прав и свобод человека в Российской Федерации: проблемы методологии // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 29-35; и др.

³ См.: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 161.

юридических исключений (изъятий). Это обычно отношения публично-правового характера, связанные с реализацией правового принуждения.

Мы солидарны с позицией Ю.Е. Аврутина¹, Л.В. Сокольской², позднее поддержанной В.Ю. Панченко³, о выделении в числе непринудительных взаимодействий *добровольных* и *вынужденных*. Действительно, юридическая практика знает немало примеров реализации добровольных правовых взаимодействий: добровольное медицинское страхование; добровольный отказ от преступления; добровольное возмещение ущерба и многое другое. В добровольном взаимодействии в рамках правовой коммуникации субъекты действуют инициативно, сами решают вступать им или не вступать в те или иные отношения, совместно определяют цель и порядок взаимодействия. Здесь государство только в общих чертах определяет характер и направления взаимодействия субъектов. Так, создав организационно-правовые условия содействия полиции, государство оставляет за добровольными народными дружинами права на определение форм оказания помощи органам внутренних дел⁴. Вынужденные правовые взаимодействия в своей основе опираются на такую нормативно закреплённую модель поведения, которая обязательна для участников правовой коммуникации. Среда, в которой осуществляется вынужденное взаимодействие, обычно создается не по воле и с участием субъектов правового общения, а государством и уполномоченными им структурами⁵. Достаточно часто такое взаимодействие наблюдается при получении публичных услуг, либо в сфере исполнения наказаний.

¹ См.: Аврутин Ю.Е. Процессуально-правовые формы обеспечения консенсуса в сфере публичного управления // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 102-112.

² См.: Сокольская Л.В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 1. С. 47-56.

³ См.: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 162.

⁴ См.: ч. 2 ст. 8 ФЗ от 02 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1536).

⁵ См., в частности: Приказ Министерства экономического развития РФ от 9 июля 2019 г. № 400 «О Федеральной государственной информационной системе "Национальная единая среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений"» // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был).

Если учитывать соотношение правовой деятельности двух участников правовой коммуникации относительно друг друга, коммуникативное правовое взаимодействие можно представить в трех основных формах: «1) юридической содействие; 2) юридическое противодействие; 3) юридический нейтралитет»¹.

Такой характер правового взаимодействия базируется на свойстве дуализма, присущего многим явления бытия, в особенности феноменам социального управления и компонентам правовой системы².

В проекции к исследованию коммуникативной функции права, полагаем, что юридическое содействие объективируется как правовое *сотрудничество*, противодействие – как *противоборство*, конфликт, отчуждение, противостояние правонарушителю (принятие мер защиты, пресечение и пр.), нейтралитет – как *невмешательство*, отсутствие прямых взаимодействий. Остановимся на данном аспекте подробнее. Аргументируем свой выбор в пользу более удачной, на наш взгляд, терминологии.

Понятие «сотрудничество» стало использоваться в научном юридическом лексиконе с подачи А.Н. Аверьянова, который рассматривал его в качестве содействия, но в контексте с понятиями взаимоподдержки и взаимодополнения³.

Сегодня конструкция «сотрудничество» на законодательном уровне понимается посредством двух компонентов: отношения и связи⁴. Видимо, исходя из этого, понятие «содействия» иногда отождествляют с понятием диалога. Однако диалог, на наш взгляд, характеризует не только

¹ Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 165.

² См. об этом, например: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003; Нырков В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории. Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская гос. акад. права», 2006; Суменков С.Ю. Правила и исключения: философско-правовые основания парности // Философия права. 2010. № 6 (43). С. 60-64; Панченко В.Ю. Юридическое противодействие и юридическое содействие как парные правовые категории // Lex Russica. 2015. Т. 109. № 12. С. 30-42.

³ См.: Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. М.: Политиздат, 1985. С. 121.

⁴ См., например понятие «приграничное сотрудничество» – п. 1 абз. 1 ст. 2 ФЗ от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» (СЗ РФ. 2017. № 31. Ст. 4728).

сотрудничество, но и любое взаимодействие, поскольку предполагает обмен в ходе общения, то есть он присущ и характерен для коммуникации вообще. Не случайно Российская Федерация стоит на позициях межкультурного и межрелигиозного диалога в вопросах гуманитарной политики¹.

Сотрудничество, тем самым, более глубокая категория, она рассматривается и как консенсус, и как особого рода согласие, договоренность², например, в форме юридического примирения сторон судебного разбирательства³. И хотя понятие консенсуса нередко связывают только с конфликтным взаимодействием, завершившимся достижением единства по каким-то спорным вопросам, мы согласны с В.Ю. Панченко в том, что консенсус в большей степени характеризует не сам процесс правовой коммуникации, а результат правового взаимодействия⁴. Поэтому через консенсус мы не можем описывать именно само правовое взаимодействие.

Противоборство в проекции к коммуникативной функции права не подменяет «противодействие», а расширяет его. Борьба, в общенаучном плане, это не только столкновение противоположных устремлений (как в случае с противодействием), но стремление осилить иного субъекта, а в конечном итоге – склонить его к выгодной для инициатора стороне, позиции и пр. К примеру, «Национальная морская политика на Атлантическом региональном направлении определяется с учетом существования НАТО, деятельность которой направлена на прямое противоборство с Российской Федерацией и ее

¹ См.: Указ Президента РФ от 05 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом // СЗ РФ. 2022. № 37. Ст. 6315.

² Последнее более чем актуально применительно к коммуникативной функции права, поскольку важной особенностью коммуникативных правил является то, что они действуют на основе консенсуса (См.: Денисенко В.В. Правовое общение в демократическом гражданском обществе. С. 34). О правовом консенсусе см. подробнее: Кожокарь И.П. Правовой консенсус: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

³ См.: Балашова И.Н. Институт примирения сторон исполнительного производства как средство повышения эффективности функционирования системы принудительного исполнения юрисдикционных актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 46-50.

⁴ См.: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 167.

союзниками»¹. Полагаем лишним указание на цели такого противоборства: они конкретны и связаны с полным подавлением нашего государства, а не временным противодействием ему.

При невмешательстве взаимодействие участников правовой коммуникации сохраняется, но имеет более опосредованный характер. Интересы и цели одного участника здесь не влияют или почти не влияют на интересы и цели другого. При прямом контакте юридическое невмешательство выражается в пассивности участника, слабой активности его коммуницирования, не приводящей к каким-либо серьезным результатам, но имеющей важное организационное значение. В отличие от нейтралитета, который не приводит не преследует результатов, невмешательство имеет ярко выраженную деятельностную составляющую. Иными словами, для обеспечения невмешательства необходимо прикладывать определенные организационно-правовые средства, усилия, а нейтралитет показывает лишь полную пассивность одного из участников взаимодействия. Так, принцип невмешательства в осуществление правосудия означает, что «судебный департамент ... призван способствовать укреплению самостоятельности судов, независимости судей и не в праве вмешиваться в осуществление правосудия»².

Завершая анализ конструкции правового взаимодействия как содержательной составляющей коммуникативной функции права, еще раз считаем необходимым подчеркнуть тот факт, что реализация данной функции требует пристального внимания всех коммуникантов к тому, насколько развито правовое сознание адресата правового воздействия³.

Именно на уровне правового сознания (особенно через правовые установки определенного субъекта⁴) выделяется конкретный вариант

¹ См.: п. 53 Морской доктрины Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512 // СЗРФ. 2022. № 31. Ст. 5699).

² См.: ст. 4 ФЗ от 08 января 1998 г. № 7-ФЗ «О судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» (СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 223).

³ См. об этом: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 92-96.

⁴ См. подробно: Усманова Е.Ф., Шамина И.В. Проблемы определения места правовой установки личности в структуре правового сознания // Правовое государство: теория и

поведения, которому будет следовать индивид как участник правового взаимодействия¹. От того, насколько развито это правосознание также во многом зависит готовность субъекта к правовому взаимодействию, объективному восприятию и оценке им правовой среды, в которой он пребывает². Естественно, что профессиональное правосознание во многом является предпосылкой активных правовых взаимодействий, поскольку его носители обычно хорошо ориентируются в действующем законодательстве государства, ориентируются в том, что происходит вокруг, достаточно быстро вычленив из социальной среды обстоятельства и факты, имеющие юридическое значение, готовы к правовому общению³. Рядовые же граждане иногда даже правовую ситуацию не могут отличить от неправовой⁴.

Правосознание, таким образом, является основой эффективной правовой коммуникации, так как от него зависит конструктивным или деструктивным будет правовое взаимодействие⁵. Большую роль оно играет и в обобщении юридической практики, и в формировании правового опыта, что является необходимым условием развития и совершенствования правовой системы в целом⁶.

В индивидуализированном правовом взаимодействии правосознание

практика. 2011. №2 (24). С. 43-45.

¹ См. также: Максимова И.М. Правосознание как источник правового поведения личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

² В частности, к схожему выводу приходит М.В. Ладухина, при анализе уровня правосознания студентов юридического вуза. См.: Ладухина М.В. Уровневая характеристика развития правового сознания студентов юридического вуза // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №4. С. 273-278.

³ См.: Петров А.В., Домнина А.В. Профессиональное правосознание: объективные основания и особенности // Вестник ННГУ. 2015. № 5-6. С. 299-306.

⁴ См. детально о роли различных типов правосознания в правовом взаимодействии: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 93-94.

⁵ По большей части такая зависимость обусловлена наличием аксиологических или деаксиологических начал в правовом сознании отдельного индивидуума. См: Фабрика И.В. Аксиологическая сущность правосознания личности: теоретический аспект: автореф.дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007; Марченко Д.Э., Марченко С.В. Деаксиологическое правовое сознание и его формы. Самара, 2021.

⁶ См.: Горбатенко Г.В. Теоретико-правовой аспект влияния правосознания на формирование эффективной правовой системы // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2. С. 258-261.

одного субъекта также становится объектом влияния со стороны другого¹. Более того, как итог коммуникативного взаимодействия и показатель эффективности реализации коммуникативной функции права (уже после обмена действиями при переходе с микроуровня на макроуровень) постепенно формируется индивидуальный образ права, складывающийся и существующий в сознании отдельно взятого индивида². Это, так называемое, «индивидуальное право», складывающееся как результат конкретной предметно-практической деятельности личности в правовой сфере и выражающийся в его готовности определенным образом использовать законы государства для реализации и защиты своих прав³. Тем самым, в результате правовой коммуникации индивид действует на основе «собственных» микронорм, которые позволяют такому индивиду двигаться по собственной правовой траектории либо, вписываясь при этом в существующий государственно-политический режим, либо, выходя за его рамки (там, где можно, действуя по собственному усмотрению)⁴.

Важно при этом учитывать уровень и качество правовой информированности тех, кто вступает во взаимодействие⁵. Чем более «просвещен» субъект в содержании действующего законодательства государства, тем в большей степени сформирован и соответствующий образ права. При недостаточности же правовых знаний или при их отсутствии

¹ См. подробно: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 94, 136.

² См. об образе права в сознании индивида детально: Верстова М.В. Образ права в сознании современной личности (на примере суда присяжных) // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в РФ: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. участием, 26–29 мая 2010 г., г. Калуга / отв. ред. В.Ф. Енгальчев. Калуга: Изд. КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2010. С. 89-95.

³ См.: Сырых В.М. Понятие и структура индивидуального права // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4 (10). С. 39-56.

⁴ См.: Сырых В.М. Материалистическое понимание права и справедливости // Правоведение. 2013. № 2. С. 24.

⁵ См. подробнее: Осипов Р.А. Правовая информированность и правосознание граждан: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018; Гойман В.И. Правовая информированность личности: понятие, содержание, пути повышения // Советское государство и право. 1988. № 10. С. 54-62; Солдаткина О.Л. Правовая политика в сфере правовой информированности населения: федеральный и региональный уровни // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 1. С. 39-45.

сложно ожидать, что субъекты будут взаимодействовать продуктивно¹.

На правовое сознание «накладывается» и предшествующий опыт деятельности в сфере права, опыт предшествующих правовых взаимодействий². Если они протекали в соответствии с законом, завершились достижением поставленных перед субъектами права целей, высока вероятность последующего их развития по аналогичной траектории. Но если предшествующие взаимодействия были деструктивными, то вряд ли следует рассчитывать на эффективную правореализацию и, соответственно, коммуникацию³. В то же самое время роль негативных взаимодействий в правовой сфере нельзя недооценивать, поскольку при всей их деструктивности, они позволяют выявлять недочеты в правовом регулировании и в юридической практике.

Точно также велика роль в правовом общении и правовой культуры⁴. Чем она выше, тем больше потребность субъекта во взаимодействии с другими лицами на основе и при помощи права. Одновременно содержание и уровень правовой культуры всегда - опять же результат предшествующих правовых взаимодействий ее носителя⁵.

При анализе коммуникативной функции права актуален вопрос о ее

¹ См.: Пана Л. Продуктивная коммуникация // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. 2014. № 1. С. 10-26.

² См. также: Тимофеев А.В. *Юридический опыт: проблемы теории и практики*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008; Богатырев В.В. *Роль и место юридического опыта в процессе глобализации юридической деятельности* // *Закон и право*. 2010. № 2. С. 27-29.

³ К примеру, здесь можно говорить о таких деструктивных механизмах взаимодействия как теневая экономика, теневая политика, «телефонное право». См.: Власова Т.С. *К вопросу о деструктивном воздействии на индивидуальное правосознание в современных условиях* // *Юрист-Правоведь*. 2011. № 1 (44). С. 122-125; Гончаров В.Н., Денисенко И.А., Шевченко М.Н. *Теневая экономика: государственные меры борьбы* // *Право и управление*. XXI век. 2020. Т. 16. № 2 (55). С. 106-115; Воронов В.А. *Феномен теневой власти в современном политическом процессе России*: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2002; Леденева А., Шушанян Н. *Телефонное право в России* // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2008. №3. С. 42-50.

⁴ См.: Усманова Е.Ф. *Роль правовой коммуникации в формировании и развитии правовой культуры общества* // *Мир науки и образования*. 2015. №4. С. 21.

⁵ См.: Чекмарёв Г.Ф. *Правовая культура общества и личности: диалектика взаимодействия* // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. 2015. № 24 (735). С. 123-125.

соотнесении с информационной функцией права. В частности, В.Н. Кудрявцев и В.П. Казимирчук, рассуждая о значимости правовой информации в жизни общества и в правовой системе, пришли к выводу, что посредством юридических норм до граждан доводится позиция государства, способах достижения правовых результатов и последствиях нарушения самих норм¹. По сути же, речь идет не о коммуникации, а именно об информировании, то есть упомянутые авторы отождествляли информационную и коммуникативную функции².

Информационная функция права предполагает создание условий для «закрепления, хранения и доступа ко всему массиву правовой информации в обществе»³. Тем самым, обеспечиваются предпосылки для реализации информационного обмена между обществом, государством и личностью⁴. Опосредованно информационная функция способствует формированию у личности новых правовых знаний, эмоций, чувств, взглядов и убеждений, формирующих отношение этой личности к праву. Для публично-правовой сферы важен также обмен информацией между государством в целом, государственными органами, их подразделениями, отдельными должностными лицами и т.д.⁵. В соотношении с коммуникативной функцией можно утверждать, что она предваряет ее. При этом между анализируемыми функциями прямая связь: чем качественнее осуществляется информационная функция права, тем эффективнее процесс реализации коммуникативной функции права.

В этой связи нельзя, как думается, согласиться с А.В. Червяковским, считающим, что коммуникация представляет собой лишь один из аспектов,

¹ См.: Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права: учебник. М.: Юрист, 1995. С. 71.

² На указанное обстоятельство обращают внимание и другие исследователи. См. к примеру: Червяковский А.В. Информационная функция права и деятельность органов внутренних дел по ее реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 42.

³ Там же. С. 57.

⁴ См.: Павленко Ж.А. Понятие информационной функции государства // Проблемы законности. 2011. № 117. С. 202-211.

⁵ См. об этом: Червяковский А.В. Указ. соч. С. 57.

«третью сторону» информационной функции права¹.

Коммуникативная функция имманентно присуща праву и правовой регламентации. Именно она синтезирует информационное и воспитательное воздействия, интегрируя их. В нашей стране длительное время обе функции не сопрягались, что во многом повлияло на разрыв между информированием и реальной правовой деятельностью субъектов правового общения.

Коммуникативная функция позволяет выделить значимые взаимосвязи в сфере действия права, типизировать модели правомерного поведения.

Коммуникативная функция детерминирует формирование позитивных правовых установок и ценностей, влияя на эволюцию образа права как в целом, так и в правосознании отдельных индивидов. Подобного рода образ права положительно влияет на эффективность и правового информирования, и правового воспитания, и правовой коммуникации. При этом можно отметить постоянную трансформацию такого образа (под воздействием как субъективных, так и объективных факторов) и, как следствие, постоянное обновление, обеспечивающее подвижность (динамичность) как самого права, так и его образа, а равно возникающих на основе права взаимодействий.

Тем самым специфическими качествами современной коммуникативной функции российского права возможно считать следующие:

а) *выражает формальную сторону права*, т.к. правовые установления, для того, чтобы обеспечить эффективность правового регулирования должны отвечать соответствующим критериям средств передачи правовой информации;

б) *имеет сложно-структурированную юридическую конструкцию*, обусловленную свойством правового взаимодействия, выражающемся:

– в обязательном наличии материального и (или) нематериального объекта, передаваемого в ходе обмена информацией (к примеру, вещественные

¹ Там же. С. 9.

доказательства и т.н. «идеальные доказательства», т.е. показания подозреваемого, потерпевшего, свидетеля и пр.¹);

– в профессиональном характере передаваемой информации и формально-юридической фиксации коммуникативных статусов (положения участников правового общения и взаимодействия формально закреплены, имеют признаки как общего, так и особенного. К примеру, все участники публичных торгов для продажи доли в праве общей собственности имеют как элементы общего правового статуса, а иные специального – лица, обладающие преимущественным правом покупки)²;

в) *обладает специфичным арсеналом средств воздействия*, приоритетным из которых выступает передача информации, а главенствующей целью – обеспечение связи субъектов коммуницирования;

г) *демонстрирует остро-выраженную целесообразность действий в ходе реализации*, что обусловлено преследованием конкретных целей, определенных сферой коммуницирования (к примеру, раскрытие преступления конкретного вида³, вступление в наследство и пр.);

д) *направлена на обеспечение самореализации личности и индивидуальной самобытности*, что раскрывается через возможность реализации человеком своего права на свободу слова, личную неприкосновенность, свободу самовыражения, свободу совести и пр.;

е) *обусловлена уровнем общей и правовой культуры, правового сознания*, позволяющих, в случае высокой степени развитости, обеспечить минимизацию барьеров при взаимодействии;

ж) *характеризуется системным взаимодействием с информационной и воспитательной функциями права*, заключающимся в совокупном

¹ См.: ст. 74 УПК РФ.

² См.: ст. 250 ГК РФ (часть первая).

³ См., например: Приказ Генпрокуратуры России № 740, МВД России № 758, МЧС России № 502, Минприроды России № 598, СК России № 104, ФТС России № 1807 от 08 ноября 2018 г. «Об утверждении инструкции о порядке взаимодействия при выявлении, пресечении, расследовании и раскрытии преступлений в сфере лесопользования» // СПС «Консультант Плюс».

обеспечении такого правового взаимодействия, которое выражается в обмене юридически значимой информацией, передаче друг другу накопленных знаний и опыта в конкретной правовой ситуации¹.

Таким образом, подводя итог изложенному выше, можно резюмировать следующее.

Во-первых, коммуникативная функция права, как и любая другая функция права, характеризуется однородностью предмета, средств и форм правового воздействия, которые образуют организационное единство. При этом коммуникативная функция как самостоятельная функция права является элементом системы (комплекса) функций права в целом.

Во-вторых, коммуникативная функция права, характеризуясь присущим ей дуализмом, как общесоциальная функция реализуется, прежде всего, через общерегулятивные правоотношения. Коммуникативная функция права в специально-юридическом смысле проявляется через конкретные правоотношения. Здесь можно выделить два основных варианта установления соответствующих взаимосвязей: 1) *императивные* - властно установленные наборы прав и обязанностей, реализуемые предусмотренным нормативным стандартом; 2) *автономные* - допускаемые альтернативы как в потенциале прав и обязанностей, так в возможности самостоятельного выбора какого-либо варианта правомерного поведения.

В-третьих, можно констатировать органическое единство правовой коммуникации в широком и узком смысле с коммуникативной функцией права, дифференцированную на общесоциальную и специально-юридическую и выражающуюся в общих и конкретных правоотношениях. Подобная стратификация коррелирует с делением на макро и микроуровень правовой регламентации, объективированной в правообразовании и правотворчестве, с одной стороны, и реализации и интерпретации права, с другой.

¹ См., например: Приказ ФСИН России от 02 сентября 2020 г. № 606 «Об утверждении Межрегионального плана изучения и распространения положительного и передового опыта Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был).

В-четвертых, главной характеристикой коммуникативной функции права и ее содержательным элементом является правовое взаимодействие. Оно выступает особой разновидностью социального взаимодействия, занимая собственное специфическое место в коммуникативном процессе. Правовое взаимодействие не стоит отождествлять ни с правовым общением, ни с правовой коммуникацией. В отличие от коммуникативного взаимодействия, зафиксированного в нормах права и от синтагмы «взаимодействие», словосочетание «правовое взаимодействие» не находит своего отражения в нормативном тексте, не обладает легальной дефиницией и не может характеризоваться как нормативно-правовой (юридический) термин. Правовое взаимодействие – понятие науки права, в котором отражается реально существующий позитивный феномен правовой жизни.

Правовое взаимодействие – особая форма социального взаимодействия субъектов права, выражающаяся как обмен юридически значимыми информацией, знаниями и опытом, деятельностью и результатами такой деятельности, в конкретной правовой ситуации.

В-пятых, взаимосвязь коммуникативной функции права и правового взаимодействия диалектически обусловлена тем, что первая представляет собой направление правового воздействия, а вторая непосредственно олицетворяет деятельность, регламентированную правом.

Коммуникативная функция права как общесоциальная в доминанте своей имплементирована в правотворческую деятельность, направленную на создание моделей правомерного поведения и формирование положительного образа права и правовой регуляции в целом.

Коммуникативная функция права как специально-юридическая представлена конкретным правовым взаимодействием, в ходе которого создается, передается и получается правовая информация, основе которой субъект осуществляет инициативно правомерное поведение или понуждается к нему, собирается информация о самом субъекте и выявляются закономерности

его поведения, формируются обобщенные образы участников взаимодействия и модели их поведения.

В-шестых, при изучении правового взаимодействия и реализации коммуникативной функции права важно учитывать уровень развития правового сознания и правовой культуры субъектов правовой коммуникации. В правосознании индивида фиксируется его отношение к праву в целом и готовность к участию, а также форма участия в конкретном правовом взаимодействии.

В-седьмых, отличительными признаками коммуникативной функции российского права можно считать следующие:

- а) выражает формальную сторону права;*
- б) имеет сложно-структурированную юридическую конструкцию;*
- в) обладает специфичным арсеналом средств воздействия;*
- г) демонстрирует остро-выраженную целесообразность действий в ходе реализации;*
- д) направлена на обеспечение самореализации личности и индивидуальной самобытности;*
- е) обусловлена уровнем общей и правовой культуры, правового сознания;*
- ж) характеризуется системным взаимодействием с информационной и воспитательной функциями права.*

В-восьмых, коммуникативная функция права - это протекающее циклично, постоянно и планомерно правовое взаимодействие, выражающееся в обмене юридически значимыми информацией, знаниями и опытом, деятельностью и результатами такой деятельности в конкретной правовой ситуации, отражающее динамику права и обеспечивающее достижение целей правового регулирования.

ГЛАВА 2. ЭЛЕМЕНТЫ СОДЕРЖАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА

2.1. Формы выражения коммуникативной функции права

Никакая функция права не существует лишь в теории, она имеет динамическую сторону, «живет», как и само право¹. Данное утверждение касается абсолютно любой функции права, и коммуникативной в том числе. Применительно к формам выражения коммуникативной функции права следует отметить, что они характеризуются предельной разноплановостью и, как будет показано ниже, затрагивают не только вариативные способы нормативно-правовой регуляции, но также воплощаются в эмоционально-психологическом воздействии на личность и иных субъектов коммуникации².

Тем самым коммуникативная функция права демонстрирует целесообразность самого права как средства социальной регуляции³ и эффективность правового регулирования в обществе, являясь по сути показателем применимости права.

В то же время вопрос об эффективности реализации коммуникативной функции права до настоящего времени должным образом не исследовался в юридической науке. Такая ситуация связана с тем, что в правоведении нет разграничения между реализацией функций права и реализацией самого права⁴.

¹ В этом аспекте можно солидаризироваться с предложенной О. Эрлихом концепцией живого права. См.: Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М.В. Антонова; Под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011.

² Нужно подчеркнуть, что причиной существования таких форм выражения коммуникативной функции заключается в очевидной способности права, эксплицитным и имплицитным образом, влиять на поведение личности и сообщества людей. См.: Гойман В.И. Действие права: (методологический анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 23-24.

³ См. подробно о праве как средстве социальной регуляции: Ромашов Р.А. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 163-164.

⁴ См., например: Абрамов А.И. Понятие реализации функций права: соотношение понятий «реализация права» и «реализация функций права» // Правоведение. 2016. № 3. С. 179.

Также долгое время не принималась во внимание и самостоятельность именно коммуникативной функции права.

При характеристике форм выражения коммуникативной функции права необходимо иметь ввиду тот факт, что коммуникативная функция права, как и любая иная, вторична в том смысле, что производна от права. В итоге реализация функций права неотделима непосредственно от права как социального феномена.

Если говорить о реализации права, следует обратить внимание на то, что она предполагает фактическое воплощение нормативно-правовых предписаний в правомерном поведении субъектов права. В реальности такая деятельность выражает использование людьми принадлежащих им прав, исполнение юридических обязанностей, соблюдение запретов и ограничений¹. Правоприменительная деятельность также относится к правореализации². Право оценивается как реализованное при достижении результата, который запланирован в конкретной правовой норме.

Реализация права связывается с возникновением правоотношений. Начальным этапом правореализации является возникновение правоотношения, итоговым - осуществление нормы права в правомерном поведении субъектов³.

Когда речь идет о реализации функций права, то подразумевается выполнение социальной роли, вытекающей из смысла и сущности самой этой функции, а не цели той или иной конкретной нормы права или даже группы норм, поскольку каждая функция характеризует конкретное проявление правового воздействия на социум. Такую характеристику процессу реализации функций права дал Т.Н. Радько, специально исследовавший данную проблему. В советское время, когда доминировал классовый подход к характеристике сущности самого права, названный автор реализацию функций права связывал

¹ См. об этом: Фалькина Т.Ю. Формы реализации права и механизм их осуществления: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007.

² См.: Палеха Р.Р. Природа правоприменения как особой формы реализации права: дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2006.

³ См.: Шагиева Р.В. Правоотношение и их роль в реализации права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2015. № 3. С. 94.

с осуществлением в реальной действительности классовой сущности самого права¹.

Соответственно, реализация функций права означает реализацию роли права. При этом нельзя не замечать осуществляемое в рамках конкретной функции права функциональное воздействие права на социальную действительность². Также нельзя не учитывать и возможное влияние на данный процесс факторов, которые имеют неправовой характер.

Таким образом, *реализация функций права представляет процесс осуществления социального назначения права, объективно выражающийся в определении цели и конкретизации направления воздействия права на общественные отношения, достижении желаемого правового результата.*

Применительно к реализации коммуникативной функции права, можно использовать термин «правовое коммуницирование». Оно представляет собой осуществляемое на основе права взаимодействие участников правового общения, направленное на достижение целей права и субъектов правового общения.

Процесс правового коммуницирования организуется при помощи права через упорядочивание социальных связей и отношений и продолжается, в последующем, в ходе фактической правореализации.

Если обратиться к регулятивной и охранительной функциям права, отражающим наиболее ярко особую природу права, его сущность³, то при их реализации важна формализация конкретных вариантов поведения, которые желательны, обязательны или не допустимы для субъектов правового общения⁴. При этом устанавливаются некие границы (рамки) деятельности социальных субъектов. Эти рамки называются пределами.

¹ См.: Радько Т.Н. Теоретические и методологические проблемы функций социалистического права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1978. С. 10.

² См. к примеру: Халиков А.Н. Философия права: учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. С. 364-365.

³ См.: Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2005. С. 216-217.

⁴ См. также: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 35.

В то же самое время, в отличие от реализации права, реализация функций права не ограничивается только правоотношениями и не завершается на них¹. Она намного сложнее, многограннее и включает в себя процессы формирования права². В частности, до того, как нормативное предписание закрепляется в том или ином источнике права, в том числе в законе, где содержится конкретное правило поведения, право еще отсутствует, оно находится на этапе формирования, который может завершиться формализацией новой модели поведения или изменением той модели, которая уже есть (до этого момента дело может и не дойти)³.

Если такая модель появляется (в том числе и модифицированная, то есть измененная), то можно вести речь о начале реализации коммуникативной функции права в узком смысле. Проявлением реализации данной функции однозначно должны стать правовые отношения. До этого момента коммуникативная функция реализуется в широком смысле как социальное воздействие особого типа – коммуникативное воздействие⁴.

Коммуникативное воздействие в широком смысле является постоянным, имеет систематический характер, оно циклично. Проявляется такое воздействие через образцы поведения, существующие в правосознании адресата правовой нормы как идеалы (установки), которым он должен следовать⁵.

Рассуждая дальше о формах воплощения коммуникативной функции права, нужно выяснить сущность соответствующей формы. Эта форма

¹ См.: Карпович В.Ю., Калашникова Е.Б. Основные различия понятий «реализация права» и «реализация функций права» // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке: сб. материалов IX Международной научно-практической конференции (Махачкала, 27 декабря 2015 года). Махачкала: ООО «Апробация», 2015. С. 163.

² См.: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 35-36.

³ См. О норме права как модели поведения: Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. С. 25-38.

⁴ См.: О понятии коммуникации в широком и узком смысле см.: Денисенко В.В. Коммуникативная функция права // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 3 С. 232.

⁵ См. также: Смирнов А.Р. Правосознание в механизме правомерного поведения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

буквально означает внешнее выражение коммуникативного правового воздействия, выражающегося в совокупности взаимосвязанных правовых средств, используемых в целях установления и осуществления правовой коммуникации. Соответственно, в каком-то смысле, и об этом говорилось ранее, правовая коммуникация одновременно является и целью реализации коммуникативной функции права, и ее содержанием¹.

Средства правового коммуницирования при этом могут быть как диспозитивные, так и императивные. Это значит, что они либо устанавливаются по соглашению между сторонами, либо исходят от государства, то есть имеют внешний характер². Без государственного участия правовая коммуникация невозможна в принципе. Любая норма права (даже диспозитивная) может считаться императивом в самом широком смысле в силу того, что устанавливается государством³. В этой связи разумно полагать, что невозможно говорить о правовой коммуникации в отрыве от государственного дозволения. Указанное является следствием того, что право служит особой формой коммуникации между субъектами права, которая воплощается в различных вариациях юридического взаимодействия. К примеру, она может выражаться непосредственно путем выборов или опосредованно с помощью предложений о внесении законодательных корректировок. Однако государство

¹ Указанное следует как при анализе основной, так и комплекса второстепенных целей коммуникативной функции права. См.: Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 133-138.

² См.: Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 11, 72.

³ По данному вопросу нет единой точки зрения. С одной стороны, норма права, в силу того, что она издается либо санкционируется государством, представляет собой властное веление; с другой, градация юридических норм, в том числе по методу правового регулирования, предполагает их деление на диспозитивные, рекомендательные, поощрительные, императивные. Исследователи отмечают специфику императивных норм, их особого рода автономность (См. об этом: Дудина А.Н. Императивные нормы права (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2019; Торчилин К.Е. Императивные нормы в механизме правового регулирования (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019). Принципиально не вступая в дискуссию по данному вопросу, отметим, что в контексте настоящего исследования придерживаемся первого подхода об изначальной императивности всякой нормы права.

в любом случае будет участником таких отношений, напрямую осуществляя их регуляцию¹.

При помощи права всегда регулируются конкретные типы социального взаимодействия. Это означает, что правовая коммуникация и в самом широком смысле, и в узком, никак не может проходить без участия уполномоченных на то органов и лиц, всегда должна облекаться в определенные юридические процедуры². Именно государство задает характер правового общения там, где осуществляется его юрисдикция, определяет условия правовой коммуникации.

Отправная и главная форма вовлечения государства в правовую коммуникацию – правотворчество. По ходу осуществления правотворческой деятельности, государство формулирует нормативные правовые предписания и устанавливает в них приемлемую модель правовой коммуникации³. Эта модель в ходе правового общения оценивается конкретным субъектом правового общения, и в последующем либо принимается им и в связи с этим осуществляется, либо отрицается. Отрицаемая модель поведения становится для субъекта юридически безразличной и может выразиться через соответствующую деятельность (юридический нейтралитет), либо может перерасти в юридическое противодействие, вплоть до криминального⁴.

Представленный коммуникативный эффект права детерминирован комплексом принимаемых юридических положений. В этой связи возникает вопрос о целесообразности выделения (по функциональному признаку)

¹ См.: Калинин С.А. О коммуникативном подходе к праву // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (29-31 марта 2012 г., Минск) / редкол: О.В. Терещенко (отв. ред.). Минск: Изд. центр БГУ, 2012. С. 77.

² Это следует из-за того, что сама правовая система, по нашему мнению, включает в себя не только набор норм, но и комплекс соответствующих процедур. См. к примеру: Ван хук М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. С. 142-169.

³ Иными словами, нормы права устанавливают модели правового поведения. См. об этом: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. С. 55-56.

⁴ См. об этом: Панченко В.Ю. Юридическое противодействие и юридическое содействие как парные правовые категории // *Lex Russica*. 2015. Т. 109. № 12. С. 30-42; Панченко В.Ю. Типология правовых взаимодействий // *Евразийский юридический журнал*. 2014. № 12 (79). С. 99-106.

коммуникативных правовых норм как особой разновидностью. Например, уже устоявшейся юридической традицией стало выделение при характеристике регулятивной функции права регулятивных норм как основного средства ее реализации. Точно также при анализе охранительной функции выделяются охранительные нормы и т.д.¹. Исходя из указанного подхода следует что возможен такой вариант юридического предписания как коммуникативная норма права.

Однако, полагаем, что коммуникативность является имманентно присущим праву качеством, свойственным в то же время и другим образующим его нормам². И это качество права связано не только с регулятивностью права в прямом смысле слова, но и с тем, как на основе и посредством этого права формируется, передается и реализуется правовая информация.

Любое же коммуникативное воздействие со стороны государства, хоть прямое, хоть опосредованное, всегда выражается в формулировании и (или) признании государством своей воли как общеобязательной и (или) признании им в этом качестве иной воли. Эта воля возводится в ранг правовой нормы, а государство одновременно определяет круг субъектов, обеспечивающих ее реализацию³. Такие субъекты как адресаты правового регулирования могут отличаться по своему статусу и социальным ролям, могут конфликтовать друг с другом и даже с самим государством, иногда пытаются навязывать государству собственную волю⁴. Ситуация объясняется персональностью (индивидуальностью) каждого субъекта правовой коммуникации, а также различными взглядами каждого из них по поводу тех моделей правового

¹ См.: Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2005. С. 135; Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 35.

² См.: Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2002.

³ Так проводится юридификация общественных отношений в большинстве стран мира. См., как пример: Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Делиберативность и алеаторные процедуры как легитимация соматических прав человека: опыт Республики Ирландия и Австралийского союза // Государство и право. 2023. № 1. С. 100-113.

⁴ См., в частности: Базылев В.Н. Конфликтные ситуации в сфере политико-правовой коммуникации // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 140-148.

взаимодействия, которые предлагаются правом и избираются ими в результате различного ценностного восприятия разными субъектами как этого права, так и окружающей их правовой реальности¹.

Формы реализации коммуникативной функции права напрямую привязаны как к принципам правовой коммуникации в целом, так и к оценке используемых при осуществлении правового коммуницирования средств. Таким, например, может быть правовой текст, который должен соответствовать требованиям адекватности, информативности, регулятивности, своевременности, затратности в ходе правореализации, исполнимости².

Используемые средства по реализации коммуникативной функции применяются и при реализации иных функций права. Они также предопределяются отраслевым характером того интереса субъектов коммуникативного взаимодействия, который обеспечивается и охраняется в том или ином случае. Например, при коммуникации в сфере действия частного права, основанного на принципе диспозитивности, равноправии и равнообязанном статусе сторон, будут использоваться диспозитивные нормы, медиативные соглашения³. Если же речь идет о публичном праве, то здесь доминируют императивные нормы и прямое внешнее влияние на субъекты права со стороны государства.

Формы реализации коммуникативной функции права многообразны и разграничиваются по ряду критериев⁴. Так как главный акцент при их характеристике делается на осуществлении правовых предписаний по ходу самой правовой коммуникации, то и их анализ должен быть в максимальной

¹ См.: Калинин С.А. О коммуникативном подходе к праву // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 29-31 марта 2012 г., г. Минск / отв. ред. О.В. Терещенко. Минск: Изд. центр БГУ, 2012. С. 77.

² См.: Корнев В.Н. Право как языковой феномен // Государство и право. 2018. № 6. С. 5-6.

³ См.: Грунин А.Г. Формы реализации компенсационной функции государства // Юрист Юга России и Закавказья. 2019. № 4. С. 31.

⁴ См. подробно: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 42-45.

степени привязан к процессу правореализации.

В этом ключе о формах реализации функций права рассуждал профессор В.П. Реутов, утверждавший, что формы реализации любой функции права нужно делить на властные (государственные, которые выражаются через правоприменение) и невластные (автономные), объективирующиеся через использование, исполнение и соблюдение права¹. Как видим, эти формы совпадают с формами реализации права в целом.

Следующая классификация форм реализации функций права связана с содержанием правового воздействия, а не только со способами его осуществления. Считаем данный подход продуктивным, поскольку он позволяет раскрыть трансформацию права из должного в сущее. Именно так в итоге исследуемые нами формы реализации функций права коррелируют с формами реализации права и объединяются в один механизм: управомочивающие, обязывающие и запрещающие нормы. С точки зрения эмпирики именно в этом ракурсе характеристика содержания права как социального регулятора является наиболее полной.

В этой классификации формы реализации функций права обычно делятся на информационную, ориентационную и собственно правовое регулирование². Соглашаясь в целом с обозначенной позицией, проанализируем соответствующие формы воплощения коммуникативной функции права³.

Начнем с информационной формы воплощения коммуникативной функции права. Она связана, прежде всего, с информационным воздействием права, содержание которого составляет правовая информация⁴. Такая информация выражается как сообщение о ком-либо или о чем-либо. В ходе

¹ См.: Реутов В.П. Функциональная природа системы права. Пермь, 2002. С. 20.

² См.: Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. Н. Новгород, 1995. С. 59-96; Глебченко О.А. Формы и методы реализации охранительной функции права // Сибирский юридический вестник. 2009. № 1. С. 14; Макарова Н.А. Сущность и значение категорий «реализация функций права» и «формы реализации функций права» // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 187-192.

³ См.: Потемкина О.С. Формы реализации коммуникативной функции права: постановка проблемы // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 63-65.

⁴ См.: Берг Л.Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 22.

правовой коммуникации данная информация и образующие ее идеи и смыслы (в том числе и достоверное знание) передаются от одного субъекта правового общения к другому¹.

Информация в государственном управлении имеет крайне важное значение, поскольку только она лежит в основе любого социального взаимодействия². И главным средством ее передачи в условиях государственной организации является право. Исходящая от государства информация выражается через нормативные правовые предписания и оформляется в системе источников права. Эти предписания и источники права дают нам сведения о том, какую позицию занимает государство по поводу тех ценностей, которые приоритетны в нем на данном этапе его развития.

Однако точный смысл соответствующей воли установить однозначно не всегда возможно, поскольку современная правовая государственность опирается на такие конструкции-универсалии как: гуманизм, равенство, свобода, справедливость и пр., которые при всей их значимости до настоящего времени не имеют однозначного информативного наполнения³.

Право можно понимать в качестве специальной информационной системы, организованной для управления сообществом людей⁴. Норма права (как часть этой структуры) в определённом смысле есть совокупность сведений юридического плана, выраженных в установленных правилах поведения. И такой формат информации в праве находится в постоянном движении, поскольку общество, в котором действует право, функционирует непрерывно и постоянно ставит перед самим правом все новые и новые задачи (тем самым

¹ См. детально: Сурин В.В. О понимании информационной функции права // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2017. Т. 27. № 6. С. 128-133.

² С помощью нее удовлетворяются информационно-коммуникативные потребности личности (например, посредством государственных услуг). См.: Татаринцева Э.А. Реализация права на коммуникацию в информационном обществе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 11.

³ В частности, указанные универсалии могут представляться в виде общих правовых принципов. См: Дмитриев С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012.

⁴ См.: Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М.: Юрид. лит., 1981. С. 99.

заставляя законодателя принимать все более актуальные нормы права)¹.

Важно помнить, что при воплощении коммуникативной функции права в качестве средства правового информирования могут использоваться наряду с нормативно-правовыми актами, правоприменительные и правоинтерпретационные документы, содержащие информацию о механизмах толкования и (или) применения тех или иных правовых норм².

Передаваемая в праве и посредством права информация должна соответствовать объективной реальности. На этапе ее формулирования обязательно должны приниматься во внимание те условия, в которых она будет передаваться, восприниматься и реализовываться. Это так называемая социальная адекватность или адекватность в широком смысле слова³. Она означает, что передаваемая правовая информация соответствует требованиям действующих в государстве законов, условиям и правилам юридической техники, принципам построения системы законодательства⁴. В ходе правовой коммуникации информация должна доводиться до ее адресатов своевременно и в надлежащем виде.

С точки зрения юридической деятельности основными параметрами правовой информации являются доступность⁵, достоверность⁶, своевременность⁷ и т.п. Сам процесс передачи правовой информации осуществляется стадийно и включает в себя получение и восприятие правовой

¹ См.: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 50.

² См.: Червяковский А.В. Информационная функция права и деятельность органов внутренних дел по ее реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 33.

³ См. подробно о социальной адекватности: Соколова Д.А. Социальная адекватность как составляющая социокультурной адаптации // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 3 (19). С. 111-113; Толстик В.А. Некоторые проблемы обеспечения социальной адекватности закона // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 158-161.

⁴ См.: Кузнецов П.У. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 211-212.

⁵ См.: Коршунов А.Н. Содержание понятия «Правовая информация» и его значение для теории государства и права // Вестник университета. 2014. № 3. С. 250.

⁶ См. также: Петровская О.В. Принцип достоверности в информационном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

⁷ См.: Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. С. 169-177, 173.

информации адресатом, ее переработку и усвоение, воспроизведение и распространение¹.

Информация лучше воспринимается субъектом правового общения, если она представляет для него определенную ценность, а именно способствует достижению тех целей, которые он поставил перед собой². Решение о полезности той или иной информации принимается им самостоятельно. Однако, в ряде случаев получение определенных информационных сведений представляет некоторые сложности для субъекта из-за, так называемых, информационных барьеров³.

Указанные барьеры должны приниматься во внимание в ходе нормирования общественных отношений при помощи права, а также в процессе правореализации. В противном случае нет смысла вести речь об эффективном правовом коммуницировании ни в широком, ни в узком смысле.

Источники правовой информации могут быть как официальными, так и неофициальными. Официальная информация фиксируется в источниках права, сведениях об официальной правоприменительной практике, статистических данных о состоянии самого права и правового порядка и пр. Неофициальная правовая информация содержится в средствах массовой информации⁴, в доктринальных источниках на правовую тематику, в материалах, которые поступают от граждан, общественных организаций, учреждений, и т.д.⁵.

¹ См. детально: Пискунова С.С. Правовая информация как средство формирования правового сознания граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 12-13.

² См. к примеру: Кудрявцев Ю.В. Ценность правовой информации // Правоведение. 1977. № 1. С. 45-51; Герцог Т.Ю. Правовая информированность граждан и проблема правового информационного выгорания // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 20. С. 616-626.

³ Помимо информационных (коммуникативных) барьеров, среди причин сложности получения субъектом информации можно выделить коммуникативные ошибки и конфликты. См.: Сухорукова О.А. Эффективность гражданского судопроизводства. Коммуникативный аспект: монография. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 69; Епихина Е.М. Эмблематические коммуникативные ошибки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014; Деловые коммуникации: учебное пособие / коллектив авторов; под ред. Т.Ю. Анопченко. М.: КНОРУС, 2018. С. 212-219.

⁴ См. к примеру: Никодимов И.Ю. Место и роль средств массовой информации в механизме реализации информационно-коммуникативной функции государства // Инновации и инвестиции. 2014. № 8. С. 148-150.

⁵ См.: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук.

Ориентационная форма воплощения коммуникативной функции права интегрирована в следующий этап правовой коммуникации (практически совпадая с ним). Она состоит в передаче правовой информации на основе которой у адресата формируется отношение к праву и собственной деятельности. Результатом ориентационного воздействия становятся правовые установки как готовность личности осуществлять определенные виды юридически значимой деятельности. Такие установки обусловлены в некотором смысле правовыми ориентациями конкретной личности и мотивами ее деятельности. Они в последующем могут привести как к правомерной, так и к противоправной деятельности¹. Последняя выходит за рамки реализации коммуникативной функции права. Установки же на позитивную правовую деятельность образуют в итоге позитивную правовую ориентацию.

Эти установки в последующем различаются в привязке к конкретным мотивам правомерного поведения, осуществляемого в коммуникативном взаимодействии. Например, из мотива солидарности с правом могут формироваться установки на социально-активную правомерную деятельность². При определенных условиях этот же мотив, а также маргинальный мотив, если личность отрицательно относится к праву и следует ему только из боязни наказания, могут стать побуждением к воздержанию от совершения противоправных действий.

Установки на правомерную деятельность всецело поддерживаются со стороны государства и лежат в основе его правостимулирующей политики³. Негативные же правовые установки оказываются в сфере действия запретов и других ограничений.

Особую специфику имеет воспитательная форма реализации

Челябинск, 2014. С. 56-57; Правовая информация / Отв. ред. Шебанов А.Ф. М.: Наука, 1974. С. 9-11.

¹ См. об этом: Ковалева Е.Л. Правомерное и противоправное поведение: их соотношение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

² См.: Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы. СПб.: Алетей, 2015. С. 129-130.

³ См.: Бондаренко М.В., Строева О.А. Правовые установки как детерминирующий фактор правомерного поведения субъектов права // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 36-42.

коммуникативной функции права. Эту форму в качестве общей для любой функции права выделяет А.В. Константинова¹. Однако она отрицает ориентационное воздействие как форму реализации функций права. Такой подход, на наш взгляд, требует уточнения. Дело в том, что воспитательное воздействие имеет внешний характер, выражается как солидаризирующее влияние на личность². При его осуществлении до индивида доводятся правовые знания, дается их обозрение. В итоге воспитательное воздействие плавно переходит в правоориентационное, так как постепенно сводится к формированию у личности мотивов и установок правомерного поведения³. Чтобы избежать дублирования названных форм реализации функций права, можно вести речь о воспитательно-ориентирующем воздействии права на личность и о соответствующей форме реализации коммуникативной функции права.

Воспитательно-ориентирующее воздействие на личность предполагает воздействие с целью развития общекультурного потенциала, нравственного и интеллектуального уровня, обеспечивает способность развитого функционирования его мировоззренческой системы.

Воспитательное воздействие при воплощении коммуникативной функции права осуществляется вслед за информационным (а при понимании ее в широком смысле - осуществляется всегда, когда существует право). В ходе правовоспитания и правоориентации продолжается преобразующее влияние права на правосознание личности, когда каждая личность начинает оценивать полученную правовую информацию, соотносить ее с имеющимся правовым опытом и окружающей правовой реальностью⁴. В итоге формируются

¹ См.: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 9-10.

² См. также: Хуторской А.В. Измерение воспитания // Народное образование. 2018. № 10 (1471). С. 144.

³ См.: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 82. Уздимаева Н.И. Правовые знания как средство юридической самопомощи: понятие, содержание, значение // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 5. С. 348.

⁴ См.: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 82.

индивидуальные мотивы юридически значимого поведения и установки на поведение в сфере права, так называемое «чувство права»¹.

При анализе воспитательно-ориентирующей формы воплощения функции права понятие «воспитание» рассматривается в узком смысле как целенаправленное идеологическое влияние на воспитуемого². При этом такое воздействие должно быть систематическим и позитивным, ориентированным на одобряемые социумом ценности.

Воспитательный и ориентирующий потенциал права заложен уже в самом факте его существования. Именно право выражает и защищает важнейшие общечеловеческие ценности, используется как инструмент социального регулирования, обеспечивает свободу и справедливость в обществе³.

Процесс воспитательно-ориентирующего воздействия права на сознание личности создает у неё позитивное отношение к своим правам и обязанностям, ответственное отношение к долгу. Человек в большей степени стремится контролировать свое поведение, соотносить его и свои собственные интересы с интересами других индивидов и социальных групп.

При этом воспитательное воздействие права в ходе правовой коммуникации связано с воспитательным воздействием других социальных регуляторов (моральных, религиозных, обычаев)⁴, но является в то же время специфичным. И если предписания права совпадают с предписаниями иных социальных норм, то правовая коммуникация протекает более эффективно.

Сформировавшиеся в результате воспитательно-ориентирующего воздействия в сознании субъекта правовые представления становятся

¹ См.: Грибанов Д.В. Чувство права // Правоведение. 2010. № 3 (290). С. 253-260.

² См.: Певцова Е.А. Правовая культура и правовое воспитание в России на рубеже XX-XXI вв. М.: Новый учебник, 2003. С. 112.

³ См. об этом: Безукладова А.А. Воспитательная функция права и правовые средства ей сопутствующие // *Univsum: экономика и юриспруденция*. 2017. № 11 (44). С. 16-21; Бондаренко Г.В. Правовые ценности в системе ценностных ориентаций личности // *Евразийский юридический журнал*. 2014. № 7 (74). С. 209-210.

⁴ К примеру, о роли моральных регуляторов на реализацию охранительной функции права см.: Цикаришвили О.Г. Охранительная функция российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.

отправной точкой его дальнейшей деятельности в сфере права. Такие представления не только направляют самого индивида в последующей его правовой деятельности¹, но и используются для оценки таким индивидом актов юридически значимой деятельности иных лиц, а также содержания конкретных нормативных правовых предписаний. В итоге он может планировать свою будущую правовую коммуникацию как для индивидуальных (с собственным участием) правовых взаимодействий, так и для любой своей деятельности в правовой сфере.

В результате правового воспитания у личности также вырабатываются навыки и умения эффективной правовой коммуникации². Он учится самостоятельно реализовывать установленные в законах государства нормативные предписания, привлекает к этому иных лиц.

А.В. Константинова, анализируя показатели которые позволяют оценить эффективность воспитательно-ориентирующего воздействия на личность для корректной правовой коммуникации, выделяет следующие параметры: наличие у личности представления о системах права и законодательства; правильное понимание законов; владение информацией об способах реализации, обеспечения и защиты своих прав; уважительное отношение к законам и правопорядку; умение и навыки по применению правовых знаний; готовность согласовывать свое отношение к правовой реальности с полученными юридическими знаниями; привычка поступать на основании закона; умение противостоять негативному влиянию³.

При осуществлении правовоспитательного воздействия на население проводятся такие мероприятия как: юридическое консультирование, встречи с населением по правовым вопросам, научно-практические лекции и семинары

¹ См.: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 88-89.

² См. к примеру: Безгина Н.В. Структура правовых представлений современной российской молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 86-94.

³ См.: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 97.

на юридическую тематику, конкурсы и пр.¹. Главная их цель – разъяснить населению законы государства, проинформировать его о деятельности органов юстиции, обсудить сложившуюся юридическую практику. Также следует иметь ввиду, что воспитательно-ориентирующее воздействие проводится не только в отношении тех, кто ведет себя правомерно, но и в отношении правонарушителей².

Большая роль в этом процессе отводится представителям юридической науки и практики, а также профессиональному юридическому обучению³.

Оценивая воспитательно-ориентирующее воздействие как форму воплощения коммуникативной функции права, отметим, что по сравнению с информационным воздействием, результатом которого является, прежде всего, правовая осведомленность личности⁴, в результате воспитательного и ориентационного воздействия права на личность формируется также умение пользоваться такими знаниями⁵. Сами знания становятся неотъемлемой частью правосознания личности, хранятся в ее памяти и в последующем являются основой, на которую накладывается новая правовая информация⁶. Параллельно отсеиваются неактуальные и ненужные субъекту сведения.

По мере закрепления правовых идей в сознании человека эта личность готовится к новым формам правовой коммуникации, поскольку кроме знаний она уже начинает обладать убеждениями и способна не только воспринимать,

¹ См. об этом: Атагимова Э.И., Макаренко Г.И. Правовое просвещение: проблемы и пути решения // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1 (14). С. 64-68.

² См.: Антонян Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 112-118.

³ См.: Лаптинская С.В. Формирование личности специалиста-юриста: автореф. дис. ... д-ра педаг. наук. М., 2006; Капшунова И.К. Генезис нравственно-правового воспитания студентов юридических вузов: автореф. дис. ... канд. педаг. наук. СПб, 2007; Ершов К.Б. Правовое воспитание будущих юристов в учреждениях среднего профессионального образования: автореф. дис. ... канд. педаг. наук. М., 2004.

⁴ См.: Константинова А.В. Особенности информационного воздействия права на личность // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 4 (15). С. 19-25.

⁵ См. также: Голуб Г.Б. Содержание процесса и результата воспитания // Образовательная политика. 2018. № 1 (76). С. 36-42.

⁶ См.: Пискунова С.С. Правовая информация как средство формирования правового сознания граждан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

но и оценивать правовую реальность¹. Это не просто субъект права, а субъект эффективной правовой коммуникации, замотивированный на позитивную правовую деятельность.

При осуществлении правового воспитания, также, как и при правовом информировании, необходимо принимать во внимание факторы, способные препятствовать их позитивному протеканию. Эти факторы могут быть как субъективными (деформация правосознания, патология психики личности, низкий уровень ее интеллектуального и нравственного развития) так и объективными (неэффективные правовоспитательные мероприятия, несовершенное законодательство)².

Как мы уже отмечали, правовоспитательное воздействие завершается формированием в сознании личности установок на конкретное поведение в сфере действия права и на свою правовую деятельность вообще³. Завершается данный процесс активной реализацией усвоенных норм, сформировавшихся мотивов и установок в правомерной деятельности. Особенно значимы такие ее проявления, которые имеют характер правовой активности, являются творческими, инициативными, основаны на уважении к праву, деятельности правовых учреждений, что является одновременно показателем правовой культуры индивида, правового прогресса и готовности личности к позитивной правовой коммуникации.

Определенный интерес по поводу характеристики форм реализации функций права представляет позиция В.Л. Кулапова и А.В. Малько. В их классификации, наряду с уже названными выше формами, выделяется обеспечительная форма, которая выражается в стимулирующем или ограничивающем воздействии на находящуюся в сфере действия права

¹ Как думается, данный процесс реализуется, как правило, в порядке ценностно-правовой социализации индивида. См.: Гришина Л.В. Ценностное измерение правовой реальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. С. 9-10.

² См.: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 95, 99.

³ См. в частности: Зенов П.Е. Процесс формирования правовых установок личности в гражданском обществе // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 139-140.

личность¹. В ряде иных работ, аналогичным по обозначенной сути, выделяется такая форма, как управленческая (административная или исполнительно-распорядительная)². В конечном счете, важное значение при реализации функций права, их обеспечение, имеет контрольный механизм, с помощью которого оценивается эффективность коммуникативного взаимодействия, в котором находятся субъекты права. При этом средством повышения эффективности такого взаимодействия могут быть и нетипичные средства, например, правовые исключения³.

Нередко как форма воплощения функций права выделяется коммуникативная⁴. Указанное свидетельствует о том, что современные ученые признают весомую роль взаимодействия в праве. Однако данный подход противоречит природе самой коммуникации. Она не может рассматриваться только как способ организации и действия права, а является целью его действия, и потому должна характеризоваться как специфическая функция права.

Характеристика всех обозначенных выше форм воплощения коммуникативной функции права позволяет учитывать объективно-субъективные параметры правового регулирования⁵, так как реализация любой функции права, в том числе и коммуникативной, осуществляется на двух основных уровнях: правовое сознание и правовое отношение (в нашем случае - коммуникативное взаимодействие). Полагаем, что только так можно понять

¹ См.: Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 138.

² См.: Марченко Ю.В. Правовые формы осуществления государственных функций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 9.

³ См.: Суменков С.Ю. Ограничения в праве и исключения в праве: аспекты соотношения // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 330; Репьев А.Г. Правовые преимущества и законодательные исключения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2017. Т. 8. № 4. С. 392-402.

⁴ См.: Грунин А.Г. Указ. соч. С. 30; см. также: Константинова А.В. Формы осуществления функций права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 9.

⁵ В подобном контексте видится актуальной апория А.В. Полякова о том, что правовая коммуникация представляет собой единство объективного и субъективного, проявляющегося в реализации на практике прав и обязанностей субъектов и соответствующих им юридических текстов (См.: Поляков А.В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5 (298). С. 32.

связи «право - личность» и «личность - право»¹. Показательно, что некоторые авторы правосознание и правоотношение считают соответственно субъективной и объективной формами реализации функции права. На наш взгляд, в данном случае целесообразнее вести речь не о специфичных формах реализации функций права, а об уровнях такой реализации².

В итоге выбор адекватной формы воплощения коммуникативной функции права способствует преодолению деструктивных тенденций, которые могут возникать при рассогласовании между нормативно закрепленной моделью поведения и реальным ее воплощением.

Подводя итог вышесказанному, сформулируем ключевые выводы по материалам данного параграфа.

Во-первых, коммуникативная функция права демонстрирует целесообразность самого права как средства социальной регуляции и эффективность правового регулирования в обществе, является по сути показателем применимости права. Коммуникативная функция права имеет вторичный по отношению к праву характер и производна от него, а значит, и реализуется она только тогда, когда реализуется само право. Начальным этапом правореализации является возникновение правоотношения, итоговым - осуществление нормы права в деятельности субъектов права. Соответственно, реализация функций права означает реализацию роли права.

Во-вторых, реализация функций права должна характеризоваться как процесс осуществления социального назначения права, объективно выражающийся в определении цели и конкретизации направления воздействия права на общественные отношения, достижении желаемого правового результата. Применительно к воплощению коммуникативной функции права, можно использовать термин «*правовое коммуницирование*». Оно представляет

¹ См.: Константинова А.В. Понятие форм осуществления функций права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 1. С. 54.

² См. об этом: Абрамов А.И. Теоретические и практические проблемы реализации функций права. Самара: Офорт, 2008. С. 103, 156; Потемкина О.С. Формы реализации коммуникативной функции права: постановка проблемы. С. 65.

собой осуществляемое на основе права взаимодействие участников правового общения, направленное на достижение целей права и субъектов правового общения. В отличие от реализации права, реализация функций права не ограничивается только правоотношениями и не завершается на них, а включает в себя и процессы формирования права, и саморегулирование.

В-третьих, убеждены, что излишне выделять в качестве особой разновидности правовых норм коммуникативные нормы, поскольку коммуникативность является имманентно присущим праву качеством, свойственным в то же время и всем образующим его нормам, а не какой-то их отдельной разновидности.

В-четвертых, анализ форм воплощения коммуникативной функции права должен быть в максимальной степени приближен к процессу правореализации. По этому основанию формы реализации коммуникативной функции права делятся на властные (государственные) и невластные (автономные). В практическом плане наиболее значима классификация форм воплощения коммуникативной функции права, основанная на содержательных характеристиках правового воздействия, в связи с чем нами выделяются информационная и воспитательно-ориентирующая формы воплощения коммуникативной функции права, а также собственно правовое регулирование как отправная точка правового воздействия вообще.

2.2. Средства реализации коммуникативной функции права

Средство, как известно, это способ действия, прием для осуществления или достижения желаемого результата¹.

Любая социальная коммуникация (а правовая, как мы понимаем, является ее частью), сочетает в себе как вербальные (от лат. *Verbalis*, т.е.

¹ См.: Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альта-Принт», 2008. С. 1004.

словесный), так и невербальные пути передачи информации между участниками данного процесса¹.

Сущность разграничения средств реализации коммуникативной функции права – в различии каналов передачи правовой информации адресату.

Учитывая, что юридическая деятельность и ее результаты производны от информации и вне ее не существуют, попробуем сформировать систему средств реализации коммуникативной функции права, отталкиваясь от родовой категорий, т.е. коммуникации в целом.

Так, к вербальным средствам коммуницирования в науке отнесены два: речь и письменность. С учетом профиля исследования, полагаем не будет серьезным логическим упущением, если приоритет в правовой коммуникации будет отдан актам письменного характера, а устные (речевые) средства будут рассмотрены вторично.

Итак, выдвинем гипотезу, что главными средствами, обеспечивающими правовую связь субъектов правового общения (выступающих его проводником), являются *акты-документы*. Документ, в самом широком смысле своего слова, это письменное свидетельство чего-либо. Полагаем, что *правовой документ* – это *источник, содержащий юридическую информацию, служащий доказательством чего-либо, удостоверяющий что-либо (личность человека, факт совершения сделки, наступление неблагоприятных последствий в виде юридической ответственности и пр.)*.

Правовые документы имеют сложную классификацию. Этот аспект весьма важен для настоящего исследования, ввиду различающихся каналов сообщения правовой информации, целей данного процесса и его итогов, поэтому остановимся на нем более подробно.

Так, Т.В. Кашанина выделяет четыре группы правовых документов: нормативные документы; интерпретационные документы; документы, фиксирующие юридические факты и документы, содержащие решения

¹ Там же. С. 65.

индивидуального характера¹. Подобный подход к группировке правовых документов нам импонирует, возьмем его за основу и остановимся на специфике каждого из выделенных видов с учетом рассматриваемой тематики.

С точки зрения реализации коммуникативной функции права особенность *нормативных актов-документов* заключается в транслировании адресату правил поведения, формально-закрепленных предписаний. Ввиду этого они занимают главенствующее положение среди средств правовой коммуникации. Игнорирование адресатом данного канала сообщения юридически-значимой информации образует наступление для него неблагоприятных последствий в виде юридической ответственности. В этой связи, требования к содержательной составляющей и технико-юридическому оформлению актов-документов нормативного характера должны быть наиболее жесткими, не вызывающими непонимания, двойного толкования (или, по крайней мере минимизирующие данные негативные моменты) и т.д. О проблемах реализации коммуникативной функции права, вызванных дефектами и упущениями при составлении актов-документов, как в целом, так и нормативной их разновидности, речь пойдет в последней главе настоящего исследования, а здесь обозначим значение актов-документов как средств правовой коммуникации: *во-первых*, благодаря им социальное положение субъектов объективируется в правовое: физическим и юридическим лицам сообщается об их правах, законных интересах, обязанностях, ограничениях, запретах, ответственности, правовых преимуществах²; *во-вторых*, с помощью них государство адресует субъектам общественных отношений конкретно-допустимую модель поведения; *в-третьих*, участникам правового общения

¹ См.: Кашанина Т.В. Юридическая техника в сфере частного права (Корпоративное и договорное нормотворчество). М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 20-21.

² Об особенностях правового статуса, его структуре, особенностях нормативного закрепления и реализации см.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 223-255; Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2020. С.40-50; Репьев А.Г. Преимущества в праве и законодательстве. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 133-134.

транслируются возможные меры, направленные на принуждение их к выполнению установленных правил поведения.

Необходимость *интерпретационных актов-документов* среди средств коммуникации подтверждается сложным характером процесса сообщения юридически-значимой информации и упущениями, вызванными недостаточной проработкой актов-документов нормативного характера. Как известно, процесс толкования включает в себя не только интеллектуально-волевое уяснение правовой информации, но и транслирование результата данного процесса¹.

Значение актов-документов интерпретационного характера как средств правовой коммуникации просматривается в следующем: *во-первых*, ввиду общего абстрактного, обобщенного характера права, для регулирования конкретных жизненных ситуаций субъектам правового общения необходима конкретизация и детализация нормативных установлений²; *во-вторых*, сложности языка, обусловленные профессиональным характером юридической деятельности, детерминируют потребность в его «расшифровке» для понимания всеми членами общества и изложении в актах толкования доступным образом.

В силу сказанного, интерпретационные акты-документы (правовые позиции судебных органов, изложенные в соответствующих решениях; разъяснения профессионального сообщества, содержащиеся, например, в актах реагирования органов прокуратуры; комментарии ученых юристов, опубликованные на страницах научной печати и пр.) приобретают ключевой характер среди средств реализации коммуникативной функции права, обеспечивая процесс трансляции правовой информации: ссылками на

¹ См.: Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / пер. с рум. И. Фодор; под ред. Д.А. Керимова и А.В. Мацкевича. М.: Изд-во «Прогресс», 1974. С. 98.

² См.: Залоило М.В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы взаимодействия и соотношения // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 105-112; Репьев А.Г. Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10. С. 20-34, и др.

правоприменительную практику реализации той или иной правовой нормы; научно-обоснованным прогнозом исполнения правового предписания; доктринальными пояснениями сущности правила поведения.

Акты-документы, фиксирующие юридические факты с точки зрения средств реализации коммуникативной функции права также имеют свои особенности.

Во-первых, они транслируют первичную информацию о правовом положении субъекта в обществе и государстве (к примеру, удостоверение личности сотрудника ОВД или военнослужащего сообщает о наличии у лица специального правового статуса, что может вызывать у других участников отношений обязанности по выполнению сообщаемых им указаний)¹.

Во-вторых, они – один из основных средств коммуницирования в целом, социально-правового общения субъектов. К примеру, паспорт гражданина Российской Федерации является важным источником правовой информации о человеке, начиная с его возраста, места жительства, заканчивая главным аспектом с юридической точки зрения – подтверждает его устойчивую правовую связь с государством, а именно – факт наличия гражданства. Тезис также обосновывается тем, что при временном приостановлении постоянного правового общения (заключение лица под стражу, осуждение к лишению свободы и пр.), паспорт изымается соответствующими государственными органами².

В-третьих, определяют правовой режим объектов и передают соответствующую информацию для учета, обобщения. Так, технический паспорт жилого помещения – неотъемлемый источник информации о том, что

¹ См., например: Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2003 г. № 91 «Об удостоверении личности военнослужащего Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 7. Ст. 654.

² См.: п. 21 Постановления Правительства РФ от 08 июля 1997 г. № 828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» (СЗ РФ. 1997. № 28. Ст. 3444).

проведена техническая инвентаризация, объект соответствует установленным требованиям и может быть включен в единый государственный реестр¹.

В-четвертых, фиксируют индивидуальные события или действия, от которых зависит дальнейшее правовое общение и в конечном итоге, положение субъектов общественных отношений. К примеру, медицинское заключение о нахождении человека в состоянии алкогольного опьянения во время исполнения своих трудовых функций может являться, как основанием привлечения работника к дисциплинарной ответственности², так и расторжения трудового договора³.

Четвертый вид юридических документов, а именно *акты-документы, содержащие информацию индивидуального характера*, транслируют волю одних участников правового общения по установлению, изменению или прекращению субъективных прав и юридических обязанностей других участников. К примеру, доверенность на получение заработной платы корреспондирует свободное желание человека уполномочить на выполнение действий (содержащих в себе элементы и права и обязанности) другое лицо⁴.

В числе вербальных средств реализации коммуникативной функции права в обязательном порядке присутствует *речь*. Понятно, что в общесоциальном аспекте, устная речь всегда первична по отношению к письменности. Речевой акт, состоящий в произнесении слов, это «элементарное звено коммуникации»⁵. В правовой сфере, этот порядок также имеет место (фактически, например, утверждению какого-либо акта-документа, как средства коммуникации, предшествует его речевое воспроизведение, обсуждение концепции, структуры и пр.). Однако нами сознательно изменен иерархический порядок данных вербальных средств ввиду того, что мы предлагаем рассмотреть речевые каналы правовой

¹ См.: ч. 5 ст. 19 Жилищного кодекса РФ.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса РФ» // Российская газета. 2004. 8 апр.

³ См.: ст. 81 Трудового кодекса РФ.

⁴ См.: ч. 3 ст. 185.1 Гражданского кодекса РФ (часть первая).

⁵ Демина Л.А. Теория и практика аргументации М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 36.

коммуникации автономно от письменных, не в качестве одной из стадий принятия документа, а в виде самостоятельного средства сообщения правовых сведений адресату.

Так, речевые акты, как средства реализации коммуникативной функции права, могут быть выражены в:

1) актах, вызывающих правовые последствия независимо от письменного документа:

а) *акты-ассертивы*, т.е. предложения, как правило повелительного характера, направленные на трансляцию адресату желаемого варианта поведения или разъяснения оснований применения к субъекты последующих актов-действий. К примеру, «сотрудник полиции перед применением физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия обязан сообщить лицам, в отношении которых предполагается применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, о том, что он является сотрудником полиции, предупредить их о своем намерении и предоставить им возможность и время для выполнения законных требований сотрудника полиции»¹;

б) *акты-указания*, трансляция адресату требований о необходимости безотлагательного выполнения определенных действий. Так, «всех лиц, приближающихся к посту или к запретной границе поста, обозначенной на местности указателями, кроме начальника караула, помощника начальника караула, своего разводящего и лиц, сопровождаемых ими, часовой останавливает окриком “Стой, назад” или “Стой, обойти вправо (влево)”. При невыполнении этого требования и пересечении запретной границы поста часовой предупреждает нарушителя окриком “Стой, стрелять буду” и задерживает его»²;

¹ См.: ч. 1 ст. 19 ФЗ от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2021. № 9. Ст. 1469).

² См.: п. 211 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 // СЗ РФ. 2007. № 47. Ст. 5749).

2) актах, вызывающих правовые последствия лишь в совокупности с иными вербальными или невербальными средствами правовой коммуникации:

а) *акты-декларации*, т.е. официальные (торжественные) объявления какой-либо информации, служащие, как правило, факультативным и дополнительным средством транслирования сведений в совокупности с актом-документом. К примеру, фраза «Встать! Суд идет!» выступает, с одной стороны, необходимым средством сообщения участникам судебного процесса о начале слушания, но с другой, не является обязательным элементом протоколирования судебного заседания, в случае неисполнения, как правило, не влечет для субъекта мер юридической ответственности¹;

б) *акты-комиссивы*, заключающиеся также в торжественном объявлении какой-либо информации, однако отличающиеся от актов-деклараций принятием субъектом на себя каких-либо обременений, обязанностей, обеспечиваемых мерами юридической ответственности. Так, согласно указу Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 приведение к Военной присяге означает принесение обязательства, заключающегося в прочтении военнослужащим вслух «перед строем подразделения текста Военной присяги (обязательства)», после чего он «собственноручно расписывается в списке»².

Специфика задействования речевых актов в качестве средств реализации коммуникативной функции права заключается в том, что:

во-первых, они используются преимущественно ввиду отсутствия возможности употребить в процессе передачи информации иные средства и каналы, что может быть обусловлено: специфическим правовым режимом (несение воинской и правоохранительной службы и пр.); лимитом времени, отведенным на трансляцию сведений, вызывающих правовые последствия и пр.;

¹ См., например: ст. 259 УПК РФ; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 «Об утверждении инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» // Российская газета. 2004. 5 нояб.

² См.: п. 4 приложения № 1 к Уставу внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 // СЗ РФ. 2007. № 47. Ст. 5749).

во-вторых, применяются в качестве факультативного средства коммуникации (в дополнение к основному) в обстановке, требующей ритуализированности, в случае необходимости соблюдения правового обычая, традиций;

в-третьих, требуют соблюдения особых условий успешной правовой коммуникации, в том числе:

– все участники правового общения должны в одинаковой мере понимать транслируемые слова;

– субъект сообщения информации исходит из презумпции, что адресаты его слышат, осознают его правовое положение и способны выполнить требуемые от них или рекомендованные им действия.

Переходя от вербальных к невербальным каналам реализации коммуникативной функции права заметим, что среди них также допустимо установление определенной иерархии. Критериями, которые будут нами заложены в ее основу, выступят скорость передачи правовой информации и ее объем (содержание).

Мы убеждены, что первичными невербальными средствами реализации коммуникативной функции права будут *правовые жесты*, поскольку они в силу своей универсальности позволяют, как правило, без потери содержания необходимой информации оперативно осуществить ее передачу¹. Зачастую, по своим качествам обеспечения восприятия сведений адресатом, способности вызывать правовые последствия – правовые жесты вполне сопоставимы, а возможно могут и опережать вербальные каналы правовой коммуникации (речевые и документальные).

Предложим типологию правовых жестов, в основу которой заложен инструментальный подход. Итак, в зависимости от того, какие пути правового воздействия ставят перед собой участники коммуницирования и какие средства для этого считают нужным задействовать, правовые жесты разделяются на:

¹ О жестах как коммуникативных средствах общения см.: Сидоров П.И., Путин М.Е., Коноплева И.А. Деловое общение. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 239-240.

1) *жесты-регуляторы*. Так, рука регулировщика дорожного движения, поднятая вверх передает участникам правового общения на уличной сети информацию о том, что «движение всех транспортных средств и пешеходов запрещено во всех направлениях»¹. Игнорирование жестов-регуляторов в любой форме (непонимание их значения, неверное толкование и пр.) образует для субъекта коммуницирования наступление юридической ответственности²;

2) *жесты-информаторы*. К примеру, при поисково-спасательных мероприятиях поднятые вверх руки и при этом сложенные крестообразно транслируют информацию о невозможности посадки вертолета в данном месте³. В отличие от предыдущего типа, правовые жесты-информаторы обеспечивают передачу необходимой информации без санкционного воздействия;

3) *жесты-аналоги*, выступающие своего рода заменителями словесной формы коммуникации, в тех случаях, когда, к примеру, ситуация не располагает к речевой передаче информации. Так, если взяточдатель жестом дает понять, что «готов обсудить возможности решения этого вопроса в другой обстановке (в другое время, в другом месте)»⁴, это расценивается как косвенный признак предложения взятки.

¹ См.: п. 6.10 Правил дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (утв. Постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 // Собрание актов Президента РФ и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531).

² Применительно к описываемому примеру см.: ст. 12.12 КоАП РФ; Постановление Пленума Верховного суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2019. 3 июля.

³ См.: Приложение № 3 к Приказу Минтранса России от 03 июня 2014 № 148 (Российская газета. 2015. 21 янв.).

⁴ См.: Методические рекомендации должностным лицам подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений в Вооруженных Силах Российской Федерации при организации мероприятий по недопущению должностными лицами поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки (утв. Минобороны России 09 января 2019 г. // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был)).

Было бы неверным обойти вниманием жесты антиправового коммуницирования. С одной стороны, они не вписываются в предложенную типологию, но с другой стороны, к примеру, продемонстрированный оскорбительный жест может стать поводом для правового общения с правоохранительными органами, обусловленного защитой прав человека, основ конституционного строя государства и пр.¹ Так, вскидывание правой руки вверх расценивается отечественной юридической практикой как фашистское приветствие, означающее идею «второсортности» людей, не принадлежащих к арийской расе², что влечет наступление юридической ответственности.

К особенностям такого невербального канала коммуницирования как язык правовых жестов относится: во-первых, правовые жесты выступают важным элементом правоприменительной деятельности органов государственного управления и в сочетании актами-действиями (о которых речь пойдет ниже) образуют основу конклюдентной составляющей актов применения права, хронологически предшествуя актам-документам; во-вторых, применимость правовых жестов зависит от окружающей обстановки. Иными словами, правовая визуальная связь посредством жестов допускается только при условии их видимости³.

Как было отмечено выше, к актам-жестам в качестве средств реализации коммуникативной функции права тесно примыкают *акты-действия*. Это закономерно, поскольку, как справедливо отмечает В.В. Лазарев, «всякое веление неразрывно связано с определенными активными и властными действиями субъекта»⁴. Однако имеют место и иные позиции относительно

¹ См.: Дело «Эон (Еон) против Франции (жалоба № 26118/10)»: постановление Европейского Суда по правам человека от 14.03.2013 // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12.

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 18-Г07-1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 12.

³ См.: п. 148 Приказа Минтруда России от 23 сентября 2020 г. № 644н «Об утверждении Правил по охране труда в лесозаготовительном, деревообрабатывающем производствах и при выполнении лесохозяйственных работ» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 30.12.2021).

⁴ Лазарев В.В. Избранные труды. В 3 т. Т. I: Закон. Законность. Применение права.

соотношения актов-жестов и актов-действий. Так, например, А.С. Логинов полагает, что акты-действия охватывают своим содержанием и правовые жесты, и обе эти группы актов включены в правоприменительные акты¹. Убеждены, что это не совсем так.

Приведенная нами типология актов-жестов показала, что демонстрация правового жеста – это лишь один из уровней реализации коммуникативной функции права, которому могут предшествовать, например, речевые акты, а за которыми, в свою очередь, также следуют иные – акты действия. Дополнительную аргументацию уровней реализации коммуникативной функции права мы отразим в следующем параграфе настоящего исследования, а здесь приведем доводы в доказательство нашего тезиса, задействуя процесс применения права в целом.

Так, В.М. Сырых отмечает, что «жест работника милиции, которым он требует от водителя прекратить движение автомашины» сам по себе «не является правоприменительным актом»². Однако, если за жестом последует применение актов-действий (в виде задержания, отстранения от управления транспортным средством и пр.), а позже будет осуществлено вынесение акта-документа, например, в виде постановления о привлечении к административной ответственности за невыполнение законных требований сотрудника органов внутренних дел, ситуация меняется.

Последовательная формально-логическая цепочка задействования средств правового коммуницирования может выглядеть так: 1) акт-жест (как мера предупреждения наступления общественно-вредных последствий); 2) акт-действие (как мера пресечения развития неблагоприятных для общества последствий); 3) акт-документ (как мера обеспечения наказания за совершенное деяние).

Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «ЮСТ». М.: Новая юстиция, 2010. С. 76.

¹ См.: Логинов А.С. Некоторые проблемы правоприменительной техники актов-действий // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 3. С. 106.

² Сырых В.М. Теория государства и права: учеб. для вузов. М.: Юстицинформ, 2005. С. 360.

Акты-жесты, акты-действия и акты-документы, ввиду того, что каждый из них содержит не только государственно-властное веление, но и может носить обязательный для адресата характер, обеспечиваться мерами юридической ответственности, вполне могут быть отнесены к самостоятельным правоприменительным актам. Отсюда полагаем отождествление актов-жестов и актов-действий не целесообразно.

К обозначенному тезису о тесном соприкосновении актов-жестов и актов-действий мы бы добавили и *акты-бездействия*. К примеру, актом-бездействием можно считать некоторые разновидности конклюдентных действий, таких как обращение по телефонной линии на сайт государственных органов, при котором, оставаясь на линии связи субъект дает согласие на обработку персональных данных и запись разговора.

Следует отметить, что в теории права не первый год идет дискуссия относительно сущности и содержания актов-действий. Если тезисно представить основные позиции по данному вопросу, то ясным становится следующее – преимущественно ученые сходятся во мнении, что это сфера правоприменительной деятельности, в рамках которой окончательным волевым решением становятся: либо акт-документ, либо акт-действие¹.

Полагаем, что *акты-действия*, как средства реализации коммуникативной функции права, – это *властно-распорядительные поступки субъекта государственного управления, четко и однозначно выражающие его решение о применении права, воспрепятствование которым недопустимо*.

Специфика актов-действий, отличающая их от иных средств реализации коммуникативной функции права (в особенности актов-жестов), заключается в следующем.

¹ См.: Лазарев В.В., Левченко И.П. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1989. С. 38; Васильев Р.Ф. О понятии правового акта // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1998. № 5. С. 11; Малько А.В. Правовые акты как основное средство реализации правовой политики // Российская правовая политика. Курс лекций / под ред.: Малько А.В., Матузов Н.И. М.: Норма, 2003. С. 134; Пахомов М.С. Конклюдентные действия в сфере реализации права // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 4. С. 115, и др.

Во-первых, они всегда строго персонифицированы, обращены к конкретному участнику правового общения (как мы помним, правовые жесты могут быть адресованы неограниченному числу лиц). Так, применение мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (доставление, задержание, личный досмотр и др.), даже в случае группового правонарушения, применяются персонально к каждому субъекту, а впоследствии подлежат оценке на основе принципа индивидуализации ответственности¹.

Во-вторых, выступают наиболее крайним, в ряде случаев исключительным каналом передачи правовой информации, применяемым ввиду ненадлежащего восприятия адресатом речевых актов или актов-жестов. Так, «Военнослужащий (сотрудник) войск национальной гвардии имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, если несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на войска национальной гвардии задач»².

В-третьих, акты-действия из всех средств реализации коммуникативной функции права наиболее глубоко вторгаются в личную сферу участников правового общения, наиболее существенно затрагивая права и свободы граждан (на личную неприкосновенность, свободу передвижения, что видно из вышеприведенных примеров).

В-четвертых, акты-действия, как средства правовой коммуникации, впоследствии должны быть подтверждены актами-документами, в противном случае, их юридическая сила может быть утрачена. К такому выводу, например, пришел Верховный Суд Российской Федерации, оценивая правомерность привлечения гражданина А. к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии

¹ См.: п. 23.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (Российская газета. 2005. 19 апр.).

² См.: ч. 1 ст. 19 ФЗ от 03 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (СЗ РФ. 2016. № 27. Ст. 4159).

алкогольного опьянения. Ввиду того, что протоколы о применении таких актов-действий как отстранение от управления транспортным средством и направление на медицинское освидетельствование на состояние алкогольного опьянения были утрачены, суд не смог «сделать однозначный вывод о том, что порядок был соблюден»¹.

Последними по степени оперативности передачи правовой информации и качеству ее восприятия в системе невербальных средств будут выступать *акты-символы*. С философской точки зрения, символы – это «"перевозчики смысла", перед которыми стоит задача в "опредмечивании" бестелесных желаний, намерений, идей, превращении их в информацию, циркулирующую от человека к человеку»².

Тематика правовых символов, в последние годы, все больше интересует исследователей³.

К примеру, правовой символ, по мнению О.И. Шарно, «есть наглядное средство формализации правовой информации, используемое с целью экономии правового воздействия, снижения текстового перегруза, демонстрации правового значения в ракурсе правовой коммуникации»⁴. Представленное определение, на наш взгляд, верно по сути, однако требует корректировки в деталях относительно следующих моментов.

Сомневаемся, что правовому воздействию требуется какая-либо экономия и тем более, маловероятно, что правовые символы способны это обеспечить. Другое дело – средства правового воздействия, которые ввиду их разнообразия и превалирования среди них письменных актов-документов, действительно нуждаются в оптимизации. Одним из ее элементов может стать,

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2020 № 45-АД20-2 // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был).

² Социальная философия и философия истории / под ред. д-ра филос. наук К.Х. Момджяна. М: ИНФРА-М, 2019. С. 208.

³ См.: Шарно О.И. Правовые символы как средства правоприменительной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014; Касаткина О.В. Правовая символика // Интерактивная наука. 2019. № 10. С. 64-67; Мальцев И.В. Символы в праве и юридической науке: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

⁴ Шарно О.И. Указ. соч. С. 13.

например, более активное применение правовых символов. В свою очередь, государство уже демонстрирует данный посыл.

Так, если еще совсем недавно для охраны каких-либо общественных отношений и транслирования субъектам необходимой информации соответствующие органы применяли текстовые документы (инструкции, регламенты и пр.), исполняемые, как правило в виде печатных документов, то на сегодняшний день большой объем информации может быть закодирован в правовой символ нашей современности – двухмерный штриховой код (QR-код). Об особенностях применения данного средства коммуникации и проблемах, вызванных этим, более подробно речь пойдет в заключительной главе исследования.

Принимая во внимание широту и разнообразие символов в праве и их использование во всех сферах юридической деятельности, представить исчерпывающую их систему вряд ли удастся. Однако в познавательных целях попробуем предложить типологию юридических символов (основных или дополнительных) с позиции средств реализации коммуникативной функции права:

– *автономные символы* – это группа самостоятельных символов, которые передают правовую информацию и могут вызывать правовые последствия автономно от иных средств коммуникации. Так, герб государства Российская Федерация выступает самостоятельным объектом правоотношений от иных его символов (флага, гимна), его использование с нарушением законодательства, а также надругательство над ним образуют наступление юридической ответственности¹;

– *акцессорные символы*, служащие дополнительным каналом передачи правовой информации к документальным актам, речевым или жестовым. К примеру, для лучшего восприятия регулирующих и информационных действий сотрудника полиции, обеспечивающего безопасность дорожного движения, он

¹ См.: ст. 11 ФКЗ от 25 декабря 2000 г. № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации: федеральный конституционный закон» (СЗ РФ. 2000. № 52. Ст. 5021).

обязан использовать специальные символы: «в темное время суток и в условиях ограниченной видимости сотрудник должен иметь светящийся жезл»¹.

На основе изложенного, попробуем выделить специфические признаки актов-символов как средств реализации коммуникативной функции права.

Во-первых, символы как никакие иные средства юридической коммуникации способствуют экономии правового пространства и увеличивают скорость передачи информации. С учетом новейших технологий передачи сведений, использования средств кодирования, мультимедийных каналов, снижается нагрузка на правовую систему в целом и законодательство в частности.

Во-вторых, система правовых символов наиболее подвержена модификации. Увеличение объема передаваемой правовой информации детерминирует поиск путей упрощения средств трансляции, для чего правовые символы наиболее адаптированы.

В-третьих, благодаря символам, как средствам реализации коммуникативной функции права, возможна не только передача правовой информации, но и ее накопление. В ходе реализации мероприятий, направленных на предупреждение распространения новой коронавирусной инфекции, QR-коды, вводимые государством в качестве пропуска для посещения мест массового скопления граждан, содержали не только основные персональные сведения о субъекте, но и накапливали, актуализировали данные о вакцинации и ревакцинации.

В-четвертых, символы – один из ключевых средств передачи информации о правовом положении субъекта. Так, в системе государственной службы активно используются отличительные знаки², как визуализирующие

¹ См.: п. 65 Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения (утв. Приказом МВД России от 23 августа 2017 г.) № 664 (Российская газета. 2017. 13 окт.).

² См., например: Указ Президента РФ от 10 октября 2015 г. № 506 «Об утверждении Положения о порядке принятия лицами, замещающими отдельные государственные должности Российской Федерации, отдельные должности федеральной государственной

иерархическое положение того или иного субъекта на «управленческой лестнице», так и дающие возможность практически безошибочно получить информацию о: возрасте данного лица; сроке службы в государственных органах; фактах прохождении службы в особых условиях (при ликвидации чрезвычайной ситуации, на опасном производстве и пр.); поощрениях, применяемых к нему и др.¹

Таким образом, можно сделать вывод, что *средства реализации коммуникативной функции права* – это совокупность вербальных и невербальных способов, инструментов и технологий передачи правовой информации, при помощи которых решается задача обеспечения связи субъектов правового общения.

Для реализации коммуникативной функции права, обозначенные средства в своей совокупности должны отвечать критериям формирования качественного правового общения, среди которых выделяются:

- *общесоциальные* (соответствие культурному, образовательному, языковому уровням развития общества);
- *идеологические* (в равной мере отвечать потребностям различных слоев населения, религиозным, этническим группам и т.д.);
- *психологические* (коррелирование выбранного средства коммуницирования с морально-психологическим климатом общества, с настроениями социальным масс);
- *юридико-технологические* (правильный и адекватный выбор необходимого средства сообщения правовой информации, канала ее транслирования).

службы, почетных и специальных званий, наград и иных знаков отличия иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений и других организаций» // СЗ РФ. 2015. № 41. Ст. 5647; Указ Президента РФ от 20 апреля 2013 г. № 366 «О форме одежды и знаках различия кадетов общеобразовательных организаций – казачьих кадетских корпусов» // СЗ РФ. 2013. № 16. Ст. 1925.

¹ См.: Репьев А.Г. Визуализация правовых преимуществ: теоретико-правовой и исторический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 39-44.

Подводя в целом итог изложенному в параграфе материалу, отметим следующее:

во-первых, средства реализации коммуникативной функции права – это ключевой элемент обеспечения регулятивного потенциала юридических норм (дозволительных, охранительных и иных). Среди средств реализации коммуникативной функции российского права выделяются две основные группы: вербальные и невербальные. К вербальным средствам правового коммуницирования отнесены акты-документы и речевые акты. К невербальным средствам: акты-жесты, акты-действия и акты-символы.

Во-вторых, правовой документ – это доминантный способ реализации коммуникативной функции права, представляющий собой источник, содержащий юридическую информацию, служащий доказательством чего-либо, удостоверяющий что-либо. Среди актов-документов выделены: нормативные; интерпретационные; документы, фиксирующие юридические факты и документы, содержащие решения индивидуального характера.

В-третьих, речевые акты, являясь первичным звеном общесоциального коммуницирования, с точки зрения полноты передачи юридических сведений, их значения для субъектов общения, способности вызывать правовые последствия, рассматриваются как вторичные средства правовой коммуникации. По своей способности самостоятельно вызывать наступление юридических последствий (без задействования иных каналов передачи информации), речевые акты разделены на: акты-ассертивы и акты-указания. Среди речевых актов, вызывающих правовые последствия лишь в совокупности с иными вербальными или невербальными средствами правовой коммуникации отмечены акты-декларации и акты-комиссивы.

В-четвертых, главенствующим среди невербальных средств реализации коммуникативной функции права и при этом автономным, являются правовые жесты. В зависимости от того, какие пути правового воздействия ставят перед собой участники коммуницирования и какие средства для этого считают нужным задействовать, правовые жесты разделяются на: жесты-регуляторы,

жесты-информаторы и жесты-аналоги. В свою очередь, акты-действия, как средства реализации коммуникативной функции права, не отождествляются с актами-жестами, выступая самостоятельным средством, представляющим собой властно-распорядительные поступки субъекта государственного управления, четко и однозначно выражающие его решение о применении права, воспрепятствование которому недопустимо.

В-пятых, одним из наиболее перспективных средств реализации коммуникативной функции права на сегодняшний день выступает внедрение цифровизации и использование технологий искусственного интеллекта. Инструментом, служащим для обеспечения формализации правовой информации и представлении ее в сжатом, лаконичном виде является правовой символ. С точки зрения критерия самостоятельности (в качестве средства реализации коммуникативной функции права) выделяются автономные символы и акцессорные. Для обеспечения полноты, качества передачи юридической информации субъектам правового общения с одной стороны, не стоит пренебрегать вариативностью средств вербального и невербального коммуницирования, а с другой – по возможности задействовать весь арсенал средств, используя последовательно акты-жесты, речевые акты, акты-действия и акты-документы.

2.3. Уровни реализации коммуникативной функции права

В познании права и правовой системы сегодня активно используется уровневый подход. Его характеризуют и как элемент системного подхода (особый методологический прием), и как самостоятельный метод познания¹. Длительное время уровневый подход использовался преимущественно в естественно-технических науках, но современные юристы также обращаются к нему при изучении сложноорганизованных конструкций и процессов,

¹ Кашанина Т.В. Структура права. М.: Проспект, 2015. С. 181-185.

например, таких как механизм правового регулирования, система права и пр.

Поскольку правовая коммуникация предполагает, прежде всего, обмен деятельностью, а она также осуществляется на различных уровнях, возможно использовать этот подход и при изучении как правовой коммуникации в целом, так и конкретных взаимодействий. При анализе уровней правовой коммуникации важно установить, как именно взаимодействуют субъекты правового общения. При этом акцент здесь следует делать на том, как распределяются роли участвующих в этом процессе субъектов, как они связаны с их интересами и статусами. Любая деятельность приобретает характер взаимодействия только тогда, когда субъекты права включены в одну и ту же правовую ситуацию.

В структуре правового взаимодействия Л. Николов выделил такие уровни: 1) правовое продуцирование; 2) обмен правовыми деятельностью и его результат; 3) соотношение правовых интересов и целей субъектов правового взаимодействия¹.

Продуцирование, несмотря на биолого-медицинское происхождение данного слова (от лат. *Producens* – производящий)², активно используется в юридическом тезаурусе. К примеру, Г.М. Лановая пишет о продуцировании новых юридических инструментов³, Б.Н. Комахин акцентирует внимание на изменениях, продуцирующих государственную службу⁴, и т.д. В проекции к реализации коммуникативной функции права процесс продуцирования видится несколько иным образом. На этапе правового продуцирования начинается, если можно так сказать, «производство» самой деятельности, то есть субъект права осуществляет определенное воздействие на факты и

¹ См.: Николов Л. Структуры человеческой деятельности / под ред. и с предисл. Л.П. Буевой. М.: Прогресс, 1984. С. 118-119.

² См.: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 1007.

³ См.: Лановая Г.М. Роль государственно-правового регулирования в правовой системе постиндустриального общества // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 3. С. 8-12.

⁴ См.: Комахин Б.Н. Реализация права граждан на равный доступ к государственной службе и муниципальной службе в ее модернизационный период в условиях развития информационного общества // Административное право и процесс. 2018. № 6. С. 26-29.

обстоятельства той правовой ситуации, в которую вовлечен непосредственный объект (предмет) его интереса (социальный, идеальный, материальный и т.д.). В результате меняются сам объект (предмет) и его элементы. Соответствующие воздействию и изменения в объекте (предмете) находятся в причинно-следственной зависимости, но в итоге образуют единый процесс.

Как отмечалось в предыдущем параграфе, главными средствами, обеспечивающими правовую связь субъектов правового общения (проводниками) являются: как акты-документы, так и поведенческие (акты-действия, акты-жесты). Но любой акт-документ используется как средство правовой коммуникации только при условии осознания его смысла субъектами правового общения. И эти смыслы также передаются от одного лица к другому и сами становятся проводниками - передатчиками правовой информации.

Правовое продуцирование, таким образом, реализуется за счет правовых средств. К подобной мысли ранее приходили отдельные авторы. В частности, В.Ю. Панченко указывает, что правовые средства-деяния образуют так называемое содержание продуцента, а именно, правовую активность¹. Вместе с тем, полагаем возможным уточнить позицию уважаемого ученого. Так, у В.Ю. Панченко активность состоит из образующих правовую ситуацию связей, свойств и отношений, которые изменяются в результате воздействия, нацеленного на достижение необходимого участникам правового общения результата². В свою очередь А.В. Нестеров, например, процесс продуцирования связывает непосредственно с созданием продукта³.

Мы в ракурсе изложенного и с учетом экстраполирования продуцирования на функциональный вектор, полагаем, что правовое продуцирование в итоге - цель и результат правового взаимодействия. Это объясняется посредством изучения конструкции правового взаимодействия,

¹ См.: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 136.

² См.: Там же.

³ См.: Нестеров А.В. Обсуждаем правовые категории фальсифицированных, контрафактных и контрабандных товаров // Таможенное дело. 2022. № 3. С. 32-35.

включающей в себя действия всех субъектов, которые и предмет воздействия со стороны контрагента, и одновременно - средство воздействия на деятельность другого субъекта, а также конечный результат в виде продукта взаимодействия, однако это уже следующий уровень коммуницирования. Такая закономерность проявляет себя во всех видах и на всех уровнях правовой коммуникации. Другими словами, правовое воздействие в рамках реализации коммуникативной функции права является взаимным¹.

Как было сказано ранее, на втором уровне правового взаимодействия в результате обмена деятельностями объективируется результат правового взаимодействия. Основные коммуникативные связи, при этом, могут проявлять себя по-разному. К примеру, В.Ю. Панченко пишет о двух формах: правовом сопродуцировании (которое выражается в трех формах) и создании правовых средств². Попробуем развить мысль уважаемого автора, дополнив обозначенную конструкцию иными формами проявления сопродуцирования и подкрепив данное уточнение примерами законодательства.

Сопродуцирование предполагает выполнение субъектами права их ролей в одной и той же сфере правовой деятельности. Такое сопродуцирование может проявляться следующим образом:

1) совместные и одновременные действия субъектов в отношении одного и того же предмета (это могут быть как действия, направленные на достижение единой цели участников, например, при официальном представительстве; так и действия, направленные на достижение разных целей, но одного результата, например, рассмотрение дела по существу в рамках судебного разбирательства³. Другим примером будет разрешение возникшего спора посредством процедуры медиации при содействии медиатора на основе

¹ См. об этом подробнее: Субочев В.В. Гражданское общество: идеальная модель или объективная реальность? // Проблемы взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса: опыт России и Германии: материалы международного круглого стола 27 марта 2012 г., Ростов-на-Дону, Южно-Российский институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РАНХиГС при Президенте Российской Федерации», 2012. С. 145-156.

² См.: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование. С. 137-138.

³ См.: ст. 59 АПК РФ. .

добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения и заключения по итогу процедуры медиативного соглашения¹);

2) совместное, но не одновременное выполнение субъектами действий. В данном случае, единая цель участников коммуницирования, а также предмет их деятельности сохраняется, но движение к намеченному результату происходит автономно (к примеру, процесс организации осмотра места происшествия направлен, в конечном итоге, на установление истины по делу и привлечение виновного лица к юридической ответственности. Однако сопродуцирование участников (следователя, эксперта, оперуполномоченного и пр.) не последователен, а параллелен: один субъект фиксирует обстоятельства происшествия, иной осуществляет опрос очевидцев и т.д.)²;

3) последовательные, дополняющие друг друга действия разных субъектов относительно одного и того же предмета по достижению итогового результата (например, деятельность по проведению правовой экспертизы в рамках правотворческого процесса способствует принятию качественного закона³; последовательными и совместными, дополняющими друг друга действиями членов комиссии при проведении судебной комиссионной экспертизы составляется единое заключение⁴);

4) последовательные, но опровергающие друг друга действия субъектов коммуницирования, осуществляемые в отношении одного и того же предмета и направленные на достижение единого результата (к примеру, применительно к прениям сторон обвинения и защиты в рамках судебного разбирательства)⁵;

5) разнонаправленные действия разных субъектов относительно различных предметов, но для достижения общего результата и создания в итоге

¹ См.: ст. 2 ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162).

² См.: ст. 144 УПК РФ.

³ См., например: Приказ Минюста России от 31 мая 2012 г. № 87 «Об утверждении методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» // Бюллетень Минюста РФ. 2013. № 1.

⁴ См.: ст. 200 УПК РФ.

⁵ См.: ст. 244 УПК РФ.

общего продукта (например, при ипотечной сделке, в ходе которой происходит: заключение договора купли-продажи объекта недвижимости с использованием кредитных средств; оформление самого кредитного соглашения; наложение обременения (залога); государственная регистрация договора; а также в большинстве случаев, подписываются документы по страхованию имущества, жизни и здоровья заемщика и договора поручительства, если это было предусмотрено условиями кредитования)¹.

Что касается деятельности по созданию правовых средств, то она обычно выражается в создании одним субъектом правовой деятельности правового средства, которое в последующем используется (или может быть использовано) в правовой деятельности других участников правового взаимодействия. Важной частью (характеристикой) такой деятельности становится опредмечивание самого правового результата. Говоря о такой форме правового взаимодействия, стоит упомянуть, что оно, наряду с распрепредмечиванием, далеко не сегодня вошло в юридический оборот. К примеру, Г.С. Арефьева применительно к практическому аспекту любой человеческой деятельности еще в конце XX в. акцентировала внимание на «постоянном чередовании и связи процессов опредмечивания и распрепредмечивания»². В проекции к функциям права в целом, и коммуникативной - в частности, опредмечивание может выражаться, например, в составлении юридического документа, подготовке экспертного заключения и т.п. по инициативе (то есть в результате проявления активности) одного из участников правового общения.

Здесь очевидны три элемента правовой взаимосвязи: *во-первых*, деятельность по созданию продукта, имеющего юридическое значение; *во-вторых*, деятельность по использованию этого продукта другим лицом в его правовой деятельности; *в-третьих*, возникновение правовых последствий, основанных на опредмечивании результата взаимодействия.

¹ См., например: ФЗ от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке: (залоге недвижимости) // СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

² Арефьева Г.С. Общество, познание, практика. М.: Мысль, 1988. С. 9.

Тем самым, одна правовая связь перетекает в другую и обеспечивается непрерывность правовой коммуникации.

При этом деятельность по созданию соответствующих правовых средств сегодня облекается в конкретную правовую форму и обеспечивает наступление соответствующих правовых последствий. Например, органы записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС) выдают индивиду документ, подтверждающий наличие или отсутствие того или иного юридически значимого факта. Возьмем для примера свидетельство о рождении. Получение такого документа индивидом может рассматриваться и как самоцель, и как средство достижения иного важного с точки зрения права результата (например, при реализации того или иного субъективного права, базирующегося на факте, подтверждаемом документом, выдаваемым органами ЗАГС)¹. Так, свидетельство о рождении необходимо для получения единовременного пособия по рождению ребенка и последующих ежемесячных выплат по уходу за ним и т.п., что выступает правовыми последствиями опредмечивания.

Деятельность органов ЗАГС в данном случае является правоприменительной. Точно также можно характеризовать и деятельность большинства публичных структур. Коммуникативная связь между этими структурами и индивидами, протекающая по схеме «обращение за документом - выдача документа и его получение», в современном правовом государстве была не только признана очевидной, но и значимой, в связи с чем появились концепции сервисного государства, электронного правительства и т.п., существующие не только в доктрине², но и реализуемые на практике³.

¹ См.: Приказ Минюста России от 28 декабря 2018 г. № 307 «Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по государственной регистрации актов гражданского состояния органами, осуществляющими государственную регистрацию актов гражданского состояния на территории Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 23.12.2022).

² См., например: Ковалева Н.Н. Соотношение терминов «электронное государство» и «электронное правительство» // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 6 (82). С. 106-109.

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2013 г. № 2516-р «Об утверждении

На третьем уровне правового взаимодействия актуализируется вопрос о соотношении правовых целей и интересов его участников. Здесь нельзя не согласиться с Л. Николовым в том, что при обмене деятельностью, в связи с тем, что сама деятельность протекает с участием как минимум двух субъектов, пересекаются интересы, соответственно, не менее двух таких субъектов¹. Впоследствии данная позиция была поддержана В.Ю. Панченко² и другими учеными³. Действительно, на индивидуальном уровне интерес каждого субъекта им самим рассматривается как первостепенный, иначе и быть не может, ибо это «ближайший», то есть понятный, осязаемый, значимый для него интерес. Он готов действовать для достижения этого интереса и его защиты, используя множество средств, причем нередко допускает и использование неправовых средств⁴.

Как при этом расценивать интерес другого субъекта права, особенно, если он не совпадает с интересами иных лиц?! Попробуем развить существующие представления на этот счет, для чего полагаем уместным в нескольких словах определиться с тем, что такое правовой интерес и правовая цель в правовом коммуницировании. По этому поводу написано уже немало⁵, но

Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде» // СЗ РФ. 2014. № 2. Ст. 155; Постановление Правительства РФ от 14.07.2017 № 839 «О федеральной государственной информационной системе «Федеральный ситуационный центр электронного правительства» и внесении изменений в положение о единой системе межведомственного электронного взаимодействия» // СЗ РФ. 2017. № 30. Ст. 4672.

¹ Николов Л. Указ. соч. С. 118.

² См.: Панченко В.Ю. Указ. соч. С. 139-140.

³ О столкновении интересов в рамках правовой коммуникации см., например: Ануреев С.В. Столкновение интересов бюджетного субсидирования, платных государственных услуг и фискальной монополии (на примере Московского метрополитена и в контексте мирового опыта) // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2020. № 4. С. 13-38; Малкина В.И. Конфликт интересов в юридических лицах. М.: Юстицинформ, 2022; Осипенко О.В. Корпоративная конфликтология: М.: Статут, 2022.

⁴ Например, к таковым может быть отнесен обход закона. См. об этом подробнее: Репьев А.Г., Сенякин И.Н., Торчилин К.Е. Запрет на обход закона в механизме правового регулирования: историко-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 272-284; Батора П.В. Обход закона как форма злоупотребления гражданскими правами при совершении крупных сделок и сделок с заинтересованностью // Юрист. 2019. № 4. С. 35-40.

⁵ На монографическом уровне категории «интерес» и «цель» исследовали: Субочев В.В. Законные интересы. М.: Инфра-М, 2008; Шундиков К.В. Цели и средства в праве: дис. ...

считаем необходимым обозначить и свою позицию, ибо без учета таких интересов и цели рассуждения о коммуникативной функции права утрачивают как теоретический, так и практический смысл.

При анализе правового интереса мы бы хотели обратить внимание на его, по нашему мнению, объективно-субъективный характер. Любой интерес в основе своей имеет потребность осознания необходимости в чем-либо, формулирующего и реализующегося в определенной среде в конкретный исторический период времени, то есть в конкретной правовой ситуации.

Для реализации интереса и удовлетворения лежащей в его основе потребности субъект должен вступать в отношения с другими субъектами. Иначе быть не может, так как в современных условиях практически все потребности лица имеют характер социализированных¹. Это значит, что вне совместной деятельности, а в сфере действия права, за рамками правового регулирования и вне правового взаимодействия, правовое коммуницирование является непременным условием реализации правового интереса. Об этом свидетельствует и факт придания такому интересу статуса законного².

Оценивая правовую коммуникацию, для нас важно принимать во внимание связь правового интереса с правовыми целями³. При реализации

канд. юрид. наук. Саратов, 1999; Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. Кроме того, в рамках отдельных публикаций просматриваются весьма интересные позиции на этот счет. См., например: Куликов М.А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании и злоупотребление правом: соотношение категорий // Журнал российского права. 2022. № 11. С. 15-30; Павлова М.С. Законные и публичные интересы в административном судопроизводстве в России: проблемы толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5. С. 63-77; Щекин Д.М. Категория интереса в налоговом праве // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 46-56, и другие.

¹ См.: Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. С. 23, 26.

² См.: Малько А.В. Законные интересы советских граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. С. 58; Субочев В.В. Теория законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 3-5; Гинзбург И.В. Защита прав и законных интересов группы лиц (компаративистский анализ) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 5. С. 71-83; Михайлова Е.В. Требования в защиту прав и законных интересов других лиц: современное прочтение // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 8. С. 3-7; Цветкова Е.А. Правовая категория «законный интерес налогоплательщика» в налоговом праве // Финансовое право. 2022. № 6. С. 35-37.

³ О целях в праве и их соотношении с иными категориями см. подробнее: Шундииков К.В.

коммуникативной функции права в широком смысле важно, что право обеспечивает правовую коммуникацию в так называемой полисубъектной социально-правовой среде (ситуации или ситуациях), где интересы различных субъектов могут совпадать, частично пересекаться или даже противоречить друг другу. Но задача самого государства как участника такой коммуникации найти «точку пересечения» таких интересов и, по возможности, управлять их носителями с тем, чтобы не допустить конфронтации в социуме.

Интерес субъекта правового общения предваряет правовую цель, к достижению которой он стремится. Тем самым цель объективируется. На первом этапе объективации такой цели она существует как идеальное представление субъекта о результате, к достижению которого он стремится в ходе правовой коммуникации. На втором этапе формирования цели он обретает характер так называемой интенции, когда у субъекта формируется в дополнение к образу, намерение реализовать соответствующий интерес. Речь в данном случае идет о телеологической детерминации, когда деятельность субъекта осуществляется под влиянием внешних факторов, но для достижения конкретного результата (реализация соответствующего правового интереса с учетом интересов других и объективированного в праве интереса субъекта правотворчества).

По этой причине нельзя недооценивать роль цели в правовой коммуникации. Она имеет информационно-ориентирующую направленность, должна соответствовать конечной цели самого права, и в некотором роде обусловлена им. Осуществление цели однозначно предполагает установление ее нормативно-закрепленного, то есть отраженного в праве, смысла. Выбор субъектом цели, не согласованной с действующим правом, противоречащей ему, никак не будет способствовать эффективной правовой коммуникации. Более того, он может выразиться как деструктивная коммуникация. По этой причине следует признать, что цель имеет интегрирующее и

системообразующее значение в правовой коммуникации¹, так как по сути именно цель объединяет и систематизирует смыслы (образы) права, его нормы и самих людей как субъектов правового общения.

Цель также должна быть достижима и реализуема, для чего необходимо избирать соответствующие ей наличные (или такие, которые достоверно появятся в ближайшее время) правовые средства. Именно цель правовой коммуникации предопределяет выбор таких средств. В итоге в правовых цели и интересе выражаются цели субъектов правовой коммуникации, что приводит к определению ими объектов правового взаимодействия (и соответственно, правовой коммуникации).

С учетом того, как направлены цели и интересы субъектов правовой коммуникации при совпадении объекта их интереса, можно выделять однонаправленные (совпадающие) и разнонаправленные (противоречащие) правовые коммуникации.

При совпадающем коммуницировании правовые цели и интересы одного лица полностью совпадают или частично пересекаются с правовыми целями и интересами другого субъекта, но не находятся в противоречии и взаимно обуславливают друг друга.

Если же коммуницирование имеет характер противоречащего, то это значит, что цели одного лица могут быть достигнуты только при условии, что другой субъект не достигнет нужного ему результата².

С.Ю. Филиппова в качестве особой разновидности правовой цели выделила индивидуальную правовую цель, которая, по ее мнению, не требует при ее реализации согласования с другими лицами³. Она также различает однонаправленные и противоположные цели⁴. Данная мысль получила

¹ О роли интеграции в реализации функций права и государства см. подробнее: Киреева С.А. Межгосударственная интеграция как внешняя функция российского государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 14-18; Гасанкадиев Т.Г. Функции правоприменительной политики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 10.

² См.: Николов Л. Указ. соч. С. 120, 121.

³ См.: Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 71.

⁴ Там же.

впоследствии свое развитие применительно к взаимодействию в рамках образовательного процесса в работах С.А. Костина, А.А. Тыртышного и К.Г. Красс¹, относительно осуществления предпринимательской деятельности у Д.А. Мурзина и А.В. Титовой². Однако, противоположные цели, на наш взгляд, не следует отождествлять с противоречащими, поскольку в правовом общении цели субъектов могут быть различными, но не противоречащими цели права. Например, стороны договора купли-продажи имеют разные цели, но эти цели взаимно удовлетворяются только, когда они полностью противоположны. Или другой пример: сторона обвинения и защиты в рамках уголовного преследования хотя и преследуют противоположные цели, но они не противоречат достижению единого результата – назначению виновному справедливого наказания³. Здесь налицо некое различие целей интереса и целей деятельности.

Однонаправленные (совпадающие) цели предполагают совместные усилия субъектов правовой коммуникации для их достижения. Обычно они осуществляются в группах, созданных на основе общего интереса, например, в семье, в корпорации, в политической партии и т.д.

Реализация правовой цели в правовой коммуникации, а нередко и содержание самой цели связаны с ролью субъекта правовой коммуникации и его статусом (должностным, профессиональным, общественным). В этом случае возникают ситуации, когда правовая цель такого субъекта в силу обладания соответствующим статусом привязывается к правовому интересу другого лица. Соответственно, итог правовой коммуникации будет оцениваться с учетом степени достижений цели такого лица и удовлетворенности или неудовлетворенности его интереса. Такие ролевые

¹ См.: Костин С.А., Тыртышный А.А., Красс К.Г. Современные подходы к правовому просвещению молодежи в Российской Федерации: опыт реализации проектных технологий // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 55-61.

² См.: Мурзин Д.А., Титова А.В. Конструкция простого товарищества как форма осуществления предпринимательской деятельности в условиях пандемии COVID-19 // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 3. С. 37-45.

³ См.: ч. 2 ст. 6 УПК РФ.

цели имеют характер функциональных¹. В материальном (содержательном) смысле правовая цель самого субъекта как носителя определенной роли заключается в надлежащем выполнении возложенных на него в силу соответствующей роли обязанностей. Здесь функциональная правовая цель трансформируется в личную.

Оценивая соотношение материальных и функциональных целей, следует иметь в виду, что в частном праве доминируют первые, а в публичном - вторые.

При характеристике уровней коммуникативного взаимодействия в сфере права большое значение имеют выводы герменевтики, которая занимается исследованием проблем понимания права, что крайне важно в коммуникативном взаимодействии². Из этой науки в теорию правовой коммуникации вошла конструкция герменевтического треугольника, предложенная М. Хайдеггером³, заключающаяся в органической взаимосвязи понимания и познания⁴.

В частности, по правилу герменевтического треугольника любая социальная коммуникация, в том числе и правовая, является разновидностью диалога, участники которого взаимодействуют друг с другом⁵. Коммуникативная связь представлена в виде треугольника, вершинами которого являются адресант правового взаимодействия как автор текста, исходящее от него послание – сам текст, адресат правового текста (его

¹ В своем докторском исследовании В.Ю. Панченко выделял функциональные цели, сопоставляя их с материальными. См.: Панченко В.Ю. Указ. соч. С. 150. Стоит также отметить, что функционально-целевой аспект весьма распространен в правовых исследованиях и получил освещение в иных работах. См., например: Наумов А.В. Вина как признак преступления и принцип Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. 2022. № 5. С. 39-42.

² См., в частности: Бэтти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Пер. с нем.: Е. В. Борисов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011

³ См.: Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина М.: «AdMarginem», 1997. С. 160-167.

⁴ При этом, что интересно, сам термин «герменевтический треугольник» М. Хайдеггером в названном выше труде не употребляется.

⁵ См. об этом, например: Ульмер В. Герменевтика как онтологический проект права // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 85.

читатель)¹. В герменевтическом треугольнике все участники взаимодействуют между собой. Это взаимодействие разнонаправленное, но первичной является связь между автором текста и читателем через сам текст².

Диалог связывает всех участников коммуникации: активных (адресант и адресат) и пассивных (текст).

Активные участники правовой коммуникации характеризуются через так называемые коммуникативные свойства: мировоззрение, ценностные ориентации, жизненный опыт, выполняемая социальная роль, стереотипы правовой деятельности, коммуникативный ресурс и т.п. Из этих свойств в итоге вырисовывается образ участника правовой коммуникации. Это может быть, в том числе, образ автора правового текста или его читателя³. Этот образ в правовой коммуникации не менее важен, чем образ самого права. Лучше, если он описан в нормативной модели правового взаимодействия, но даже при отсутствии его формального закрепления, значение этого образа не становится менее значимым. При этом совершенно очевидно, что нормативно закреплённый образ участника правовой коммуникации не всегда совпадает с образом реального участника правовой коммуникации.

Правовой текст в коммуникативном взаимодействии имеет особую языковую природу⁴. Он как отражение объективной и субъективной реальности содержит в себе лингвистический и экстралингвистический (голосовой) параметры, обладает отражательной способностью⁵. Собственно, по этой причине, в теории социальной коммуникации, текст считается участником, а не объектом коммуникации⁶, а в рамках правовой коммуникации

¹ См. об этом, например: Назаров Д.М. Компаративный анализ герменевтической научной методологии // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 34.

² Лушников П.В. Правовая коммуникация и её участники: теоретический аспект // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. Т. 29. № 3. С. 370.

³ См.: Лушников П.В. Указ. соч. С. 370.

⁴ См.: Сорокина Ю.В. Язык как средство правовой коммуникации // Вопросы российского и международного права. 2015. № 8-9. С. 23-41.

⁵ См.: Барабаш О.В., Мещерякова О.В. Коммуникативный аспект взаимодействия языка и права // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 10 (64). С. 4-8.

⁶ См.: Бахтин М.М. Проблема текста // Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари,

язык является ключевым средством выражения воли¹. Причина такого понимания правового текста обусловлена тем, что он при моделировании правовой реальности фактически создает ее картину – «видимость». Используемый при этом язык не принадлежит конкретному субъекту правовой коммуникации и является достоянием коммуникативной системы в целом². Это не застывший текст, включающий только знаки и символы, но и вложенные в него социальные смыслы³.

В правовом общении при характеристике текста важно учитывать его так называемую смысловую нагрузку, создающую в итоге его контекст⁴.

Герменевтический треугольник – только первичная связь в коммуникативном взаимодействии, можно сказать идеальная модель. Фактически же коммуникация образуется благодаря большему числу коммуникативных связей, в результате взаимодействия нескольких адресантов с определенным количеством адресатов, а средством их коммуникации выступает разнообразие текстов. В таких взаимодействиях при передаче правовой информации возможны искажения⁵. В философии в связи с этим вводится конструкция герменевтического (коммуникативного) сообщества⁶. Его устойчивость на уровне активных участников обеспечивается через эффективную предшествующую коммуникацию. Точно также и контекст правового текста соотносится с контекстом предшествующего правового

1997.С. 72.

¹См.: Баринов П.С., Катомина В.А. Коммуникативная функция права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4 (147). С. 25.

²Барабаш О.В., Мартынова О.А. Проблемы толкования текста в герменевтике Г.-Г. Гадамера // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 2. С. 3-8.

³См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. С. 94.

⁴См. о взаимосвязи правовой коммуникации и правового общения: Романенко Е.А. Вопросы соотношения коммуникации и правового общения // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2010. № 12. С. 149-154; Графский В.Г. Правовая коммуникация и правовое общение // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 25-37.

⁵См.: Лушников П.В. Указ. соч. С. 370.

⁶См. об этом, например: Петякшева Н.И. Философия языка К-О. Апеля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2004-2005. № 1 (10-11). С. 72-73.

текста. Кроме этого, на контекст оказывают воздействие тексты толкования, базирующиеся на основном тексте¹.

Можно заключить, что герменевтическое сообщество функционирует в виде множества правовых взаимодействий, объединенных правовой тематикой и языком права². Особое значение в коммуникации вообще и правовой коммуникации, в частности, имеют, соответственно, дискурс³ и юридический дискурс⁴. «Дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной формальной структуры - текста»⁵.

Ввиду того, что коммуникативное сообщество представляется сложно организованным, связь между адресантом и адресатом выглядит опосредованной, без непосредственного контактирования. Однако данная связь может стать более предметной при задействовании посредника-транслятора. Его роль будет состоять в обеспечении соответствующего взаимодействия. Стоит указать, что количество посредников будет увеличиваться сообразно усложнению общества. Это приводит к увеличению, появлению большего многообразия цепочек взаимодействия и передачи информации⁶. При этом информация от разных источников может конкурировать с другой полученной субъектом информацией. На искажение ее

¹ См.: Немцев М.Ю. О понятии «Текст» в философской герменевтике (Г.-Г. Гадамер и П. Рикёр) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 36-38.

² См., в частности: Малиновская Н. В. Проблема конечности понимания: юридический и герменевтический аспекты // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 129.

³ См.: Бабаян В.Н. Дискурс как сложный коммуникативный феномен // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006а. Т. 12. № 4. С. 127-129.

⁴ См. об этом, например: Храмцова Н.Г. Особенности правового дискурса как системы правовой коммуникации // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 1. С. 167-173; Жунусова Н.А., Рахметова А.Т., Алдажарова А.М. Юридический дискурс как особый вид дискурса // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2016. № 6-3. С. 123-125; Карпова Н.А. Юридический дискурс как отражение картины мира в области права (на примере английского юридического дискурса) // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17–18 ноября 2020 года) / Под общ. ред. С.В. Беспаловой. Донецк: Издательство: Донецкий национальный университет, 2020. Т. 5. С. 106-108.

⁵ Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / Учеб. пособие. М.: Либроком, 2009. С. 147.

⁶ См.: Лушников П.В. Указ. соч. С. 370.

содержания отчасти могут влиять и действия посредника. В итоге у получателя информации возникают разные смыслы и оценки, относящиеся к одной и той же правовой ситуации. Это приводит к неустойчивости и снижению качества правовой коммуникации¹.

Рассмотрим уже обозначенные нами основные коммуникативные связи. Так связь между автором и текстом связана всегда с созданием этого текста, которое фактически выражается как деятельность по созданию текста. Адресант оценивает объективно складывающуюся правовую ситуацию, отыскивает и формулирует нужный ему смысл, которому параллельно придает языковые формы². Тем самым, порождается новая, уже пересеченная с языковой, реальность. Задача адресанта заключается в том, чтобы оформить ее понятным для читателя языком, что достигается при условии учета образа читателя. Следует иметь в виду, что уже созданный текст в итоге становится самостоятельным и по отношению к его создателю. И сам автор текста трансформируется в читателя³.

В ходе получения и восприятия текста читателем у последнего формируется некое субъективное отношение к той реальности, которая описывается в тексте. Она становится частью его сознания и миропонимания. В герменевтике особенности восприятия и понимания текста читателем объясняются с позиции рецептивного и продуктивного подходов. Первый предполагает, что текст понимается только в соответствии с заложенным в него смыслом (этот смысл задан автором текста). Продуктивный подход допускает некоторое «додумывание» текста его читателем. Как происходит данный процесс?

Полученная информация (смысл проанализированного текста) встраивается в сознание субъекта на уже имеющиеся у него представления о правовой реальности, которые он ранее трактовал через собственные идеи и

¹ См. Там же.

² См.: Поляков А.В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. С. 37.

³³ См.: Лушников П.В. Указ. соч. С. 371.

представления о мире. Также эта информация «прикладывается» читателем текста к конкретной ситуации. В итоге, по сути, создается новый текст, объясняющий первичный, а сам читатель становится в системе коммуникации соавтором объясняющего (интерпретационного) текста. Если читатель создает этот смысл для других, а не только для себя, он становится транслятором. Чем «старше» толкуемый текст, тем больше его интерпретаций. Такие интерпретации в итоге формируют и поддерживают герменевтическое сообщество¹.

Следующая принципиально важная связь – связь между адресантом и адресатом². В сложном герменевтическом сообществе многие связи, используемые для передачи посланий, существуют как устойчивые. При этом они сопровождаются обменом образами участников и деятельностями, реализуются на понятном для всех языке общения.

В итоге формируется общая культура как совместная картина мира, определяющая основные смыслы права и подходы к его пониманию. Собственно, на этом этапе и формируются традиции правовой коммуникации. В результате возникает понимание не только текста и смыслов, но и понимание как характерная черта правовой жизни, раскрывающая ее состояние. Субъекты права должны понимать друг друга. На это делается расчет в процессе правового коммуницирования. При длительном взаимодействии субъекты правовой коммуникации могут взаимодействовать и без текстов³.

Право, как социальный феномен, обеспечивает юридическую коммуникацию в определенной правовой системе⁴.

¹ См.: Там же.

² См., в частности: Логинов А.В. Адресант и адресат в диалогическом пространстве *Speaker and Addressin a Dialogue* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2009. № 2. С. 49-54.

³ См. о корреляции правопонимания с правовой коммуникацией: Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 6. С. 57-59.

⁴ См.: Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах // Правоведение. 2011. № 5. С. 19-22.

При этом дискурсивность права сопряжена как с самим правом, так и с его языком (языком права), так и с социальной реальностью, в которой оно создается и реализуется¹. Как имеющее особую форму выражения право тоже формирует свое коммуникативное герменевтическое сообщество.

Активную роль в формировании этого сообщества выполняет государство, которое посредством права с использованием официального языка формирует политико-правовой дискурс социальной коммуникации². Государство при этом существенно влияет на всех субъектов правового общения, вплоть до ограничения их коммуникативного статуса, поскольку при помощи официального языка оно управляет обществом, формализуя и моделируя правовую реальность. Государство и направляет сознание и деятельность участников правовых взаимодействий, и ограничивает их, препятствуя распространению в обществе сведений, противоречащих официальному законодательству и правовой политике государства³.

Адресант правовой коммуникации имеет организационное и информационное превосходство над адресатом⁴. Если он, например, является автором нормативного правового акта, то он должен изучить правовую действительность и разработать текст нормативного предписания, принять его с соблюдением всех установленных процедур, опубликовать и в последующем контролировать реализацию⁵.

¹ См.: Честнов И.Л. Дискурс-анализ как постклассическая парадигма интерпретации права // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 180-181.

² См. об этом подробнее: Попов В.И. Коммуникативно-обеспечительная роль права в отношениях государства и гражданского общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

³ См.: Попов В.И. Характеристика правовых принципов коммуникации гражданского общества и государства // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2. С. 190-193; Его же. Право как основное средство обеспечения коммуникации государства и гражданского общества в различных областях общественной жизни // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 37-39.

⁴ См.: Лушников П.В. Указ. соч. С. 373.

⁵ См.: Усманова Е.Ф. Значение и роль правовой коммуникации в правотворческом процессе // Инновационная наука. 2015. № 12-3. С. 166-167.

В правовой коммуникации адресант нередко обезличен либо наблюдается множественность адресантов. Нередко акт принимается одним автором, а изменяется уже другим¹. Контакт с правотворцем у того, кто изучает нормативный правовой текст и реализует его, обычно опосредованный. По этой причине часто возникает проблема установления как образа самого адресанта, так и его истинной воли, которую он вкладывал в текст правового документа².

Адресат правовой коммуникации в правотворчестве обычно является массовым. Это и коллективы, и социальные группы, которые должны при получении нормативного правового акта как особого текста понять его, изучить и исполнить³.

При этом, как указывает В.Д. Могилевский, в герменевтической системе, управляемой при помощи права, очевидны тенденции консервативного противоречия этому правовому воздействию, которое она реализует через сопротивление, которое проявляется через соответствующую деятельность адресатов⁴.

Адресат правовой коммуникации не всегда существует в этом статусе в момент принятия нормативного акта. Он может быть и потенциальным.

Трансляторами в правовой коммуникации могут быть как те, кто связан с адресатом правовой нормы (например, работодатель в трудовых отношениях), так и те, кто не находится с ним в устойчивых отношениях (любой правоприменитель)⁵. Транслятор в правовой коммуникации нацелен на передачу правовой информации максимально широкому числу конкретных адресатов, а также неопределенному кругу лиц. Их функционал в рамках правовой коммуникации дополняется обучением адресатов, контролем за

¹ См.: Батюшкина М.В. Законодательный текст, его адресант и адресат // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 2. С. 70-78.

² См.: Бэтти Э. Указ. соч. С. 200-202.

³ См.: Батюшкина М.В. Указ. соч. С. 73-74.

⁴ См.: Могилевский В.Д. Методология систем: вербальный подход. М.: Экономика, 1999. С. 40.

⁵ См.: Быков В.В. Полисубъектный состав межчеловеческой интеракции (герменевтическая проблема власти приказа) // Вестник Омского университета. 2004. № 3. С. 91.

уяснением смысла и содержания доведенных до них требований нормативного характера¹.

Средством передачи правовой информации будет являться текст правовой нормы, которая содержит сведения для адресата о собственной воле адресанта, для того, чтобы побудить первого к определенной деятельности². Эта воля имеет обязательный характер³. Но содержание включенной в них информации, как показывает юридическая практика, не всегда понимается и воспринимается точно и однозначно. Это обусловлено тем, что текстовый объем одной нормы обычно является небольшим, но рассчитан на многократное повторение в большом числе ситуаций совершенно разными по своим статусным параметрам субъектами. Чтобы как-то сгладить проблему, в ряде случаев адресант принимает, если можно так сказать, нормы с открытым содержанием, то есть допускает продуктивное их трактование.

В праве закреплены основные аспекты взаимодействия адресантов и адресатов правовой коммуникации. Например, Конституция РФ определяет легальные формы осуществления власти как самим государством, так и народом, закрепляет обязанность адресатов правовых предписаний соблюдать законодательство (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ) и т.д. Фактически это предполагает и требование к адресатам правовых норм изучать это законодательство.

Кроме того, законодательно закреплена так называемая обратная коммуникационная связь, когда адресаты правового воздействия получают особые коммуникационные возможности в виде, например, права на информацию о деятельности адресанта или права на обращение к нему в соответствии со ст. 33 Конституции РФ.

¹ См.: Лушников П.В. Указ. соч. С. 373, 376.

² См.: Романова Е. А. К вопросу о правовом тексте как информационном средстве правовой коммуникации // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 2. С. 78–82.

³ См. о волевом акте в проекции к герменевтике: Бэтти Э. Указ. соч. С. 200-202, 208-209, 216-217.

По тому, как взаимодействуют в праве «адресант - адресат» субъекты правовой коммуникации, определяется в конечном итоге эффективность правовой коммуникации в целом. На этом же уровне можно выяснить, насколько они понимают друг друга, и как в связи с этим планировать деятельность по толкованию права, как официальную, так и неофициальную.

В прикладном аспекте в целях характеристики коммуникативной функции права в узком смысле важен ее анализ в привязке к правовой реальности, а именно к правовому порядку, поскольку именно правовой порядок позволяет оценить качество правовых взаимодействий, его образующих¹.

В уровневой характеристике применительно к правопорядку и правовой коммуникации возможно учитывать не только связи между элементами той или иной системы, характеризующие ее содержательно. Названные элементы различаются по вертикали, то есть по объему (охвату) и статусу (силе, значению). В итоге глубже познается не только динамика правовой коммуникации и правовой реальности в целом, но и их статичная сущность.

Традиционная юридическая наука при использовании уровневого подхода к познанию права применяет гносеологический посыл о градации правовых явлений, являющихся объектом внимания, по уровням системы, которую они создают. Например, В.М. Сырых такие системные правовые явления делит на: 1) одноэлементные (наиболее простые), например, правовая норма; 2) элементы второго уровня, которые, в свою очередь, состоят из наиболее простых (например, институты права); 3) элементы третьего уровня (состоят из элементов второго уровня) (например, отрасли права и система права); 4) тотальная целостность (право в целом)². Регулятивная активность на каждом уровне разная, требует учета как внутренних, так и внешних связей,

¹ О правовом порядке см. подробнее: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило и др.; отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: ИНФРА-М, 2019.

² См.: Сырых В.М. История и методология юридической науки. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. С. 402.

которые находятся за рамками данного уровня.

Конструкция правопорядка при анализе правовой коммуникации показывает, насколько устойчивы и организованы правовые отношения, находящиеся в сфере правового регулирования. Смоделированный в нормах права данный порядок реализуется только при эффективной правовой коммуникации. Именно она обеспечивает необходимый уровень взаимодействия путем обмена информацией и деятельностью¹.

Взаимодействие в правовой реальности имеет функциональное значение, поскольку обеспечивает (нацелено на обеспечение) устойчивые коммуникативные связи в самом правопорядке. В конструкции «правопорядок - правовая коммуникация» (или «коммуникация - правовой порядок») нужно определить уровни самого порядка и затем обозначить коммуникативные связи каждого уровня.

Первый элемент правопорядка - это правовая структура. Она в большей степени имеет институциональный характер и представлена субъектами правопорядка, в числе которых государство, государственные органы, предприятия, учреждения, организации, общественные формирования, индивиды. В нормах права формализованы их правовые статусы и вытекающие из этих статусов права и обязанности, признаки субъектов, требования к ним как основа любого коммуникативного взаимодействия. Характер правовой коммуникации во многом зависит от того, как закреплён такой статус в конкретных источниках права. Чем он конкретнее, тем точнее заданы параметры коммуникативных взаимодействий.

Надлежащее оформление правового статуса субъекта - важная предпосылка эффективной правовой коммуникации. Если статус определен нечетко или совсем не определен, как это возможно в ситуациях правового вакуума или при пробелах в праве, возможны дефекты в правовой коммуникации. Например, субъект может взять на себя реализацию не

¹ Ерыкалов А.Б. Правовая коммуникация как деятельность // Вестник Хабаровского государственного университета. 2018. № 4-5. С. 110-116.

свойственных ему взаимодействий, что недопустимо. Но тут не должно быть и сверхрегулируемости, например, в частном праве она вряд ли уместна.

Таким образом, коммуникативное взаимодействие на этом уровне эффективно, если соблюдаются следующие условия:

1) в законодательстве четко определены перечень субъектов и участников правопорядка, их статусы и возможные правовые состояния, условия координационного и субординационного взаимодействия;

2) разграничены сферы взаимодействия таких субъектов по принципам «жесткого» и «мягкого» правового регулирования, а также механизмы соответствующего регулирования;

3) избраны адекватные статусам и механизмам регулирования методы и средства воздействия на поведение адресатов правовых предписаний¹.

В ряду коммуникативных связей здесь важны те, которые складываются между государством и участниками правопорядка, так как именно государство определяет, кто может быть субъектом правопорядка и какое место каждый такой субъект занимает в общем ряду субъектов. В этом смысле само государство главный субъект правопорядка (что, в принципе, не подвергается сомнению), уполномоченный оформлять правовое положение всех других участников правового общения. Его правотворческая деятельность имеет первичный характер².

Следующий элемент правопорядка - правоотношения и правовые связи в обществе. Этот уровень характеризует в основном динамику правопорядка, а потому при его анализе важны структура таких отношений и связей, их взаимообусловленность и взаимозависимость, последовательность возникновения, изменения и прекращения. По сути, именно здесь право переходит в практическую плоскость и начинает «жить» как

¹ См.: Потемкина О.С. Системообразующие коммуникативные связи в правовом порядке современной России: уровневый подход // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: сборник трудов международной научной конференции / (Воронеж, 11-12 сентября 2020 года). Воронеж: АНО по оказанию издательских и полиграфических услуг «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2020. С. 256.

² См.: Там же.

«психосоциокультурная система» во всем ее «многоединстве»¹.

Право на втором уровне правопорядка проявляется себя как реально функционирующая система норм. Его предписания реализуются в жизни (начало правовой коммуникации на втором уровне правопорядка), а изменения в правовой жизни отражаются в праве (обратные коммуникативные связи). Способность права реагировать на изменяющуюся среду является показателем эффективности правовой коммуникации. В этом смысле уместна очень точная и не утратившая до настоящего времени характеристика права как «фотографии» правопорядка². От себя добавим, что кадры на таких фотографиях, сделанные в различные периоды, меняются в силу причин, уже указанных нами. В итоге складываются отдельные элементы (виды) правопорядка, образующие в итоге единый правопорядок (порядок в сфере законотворческой деятельности государства, порядок в избирательной системе и пр.). Каждый вид порядка имеет внутреннюю организацию и связи, но взаимодействует с другими порядками и правопорядком в целом³.

Складывающиеся связи в конечном итоге образуют систему социально-правового взаимодействия, где постоянно происходят качественные и количественные изменения и переходы от одного правового состояния (в узком смысле) к другому. Между всеми участниками правового общения устанавливаются вертикальные и горизонтальные связи, для реализации которых большое значение имеют юридические процедуры и процессы. При анализе коммуникативных связей нужно учитывать, чем именно обусловлены юридически значимые поступки участников правопорядка, в том числе с акцентом на их мотивацию и степень гарантированности.

Третий элемент правопорядка имеет так называемую атрибутивную

¹ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. 2-е изд. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 102-103.

² Правовые гарантии законности в СССР / под ред. М.С. Строговича. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 99.

³ См.: Потемкина О.С. Системообразующие коммуникативные связи в правовом порядке современной России: уровневый подход. С. 256.

характеристику. Это состояние упорядоченности структурных элементов правопорядка. Характеризуя такое состояние, необходимо отметить, что здесь также различаются статичные и динамичные компоненты. Статичный компонент - это «модель» возможного или должного поведения субъекта, его прав и обязанностей, гарантии. Для их реализации в нормах права фиксируются специфические процедуры и процессы, обеспечивающие устойчивость и стабильность правового регулирования, то есть достижение цели самого правопорядка - упорядоченности правового воздействия.

Упорядоченность, достигаемая через урегулированность, может характеризоваться как эффективная правовая коммуникация, если нормативные образцы поведения систематично реализуются в правовой жизни. Здесь используются самые различные средства и методы, которые являются не только элементами правопорядка, но и средствами и методами правовой коммуникации.

Средства и методы коммуникации привязаны к уровням правопорядка. Они также отличаются по степени организованности. При простом (одноэлементном) порядке, складывающемся, например, на основе одной нормы права, упорядоченность также будет простой, то есть осуществляется через минимум норм¹. Коммуникация здесь также простая: взаимодействие двух субъектов через передачу и восприятие однозначной по содержанию и потому не вызывающей затруднения при реализации правовой информации (например, при исполнении обязанности уплатить штраф за нарушение Правил дорожного движения, чего нельзя сказать о более сложной конструкции, возникающей например, при назначении административного наказания за бездействие, которое не освобождает лицо от исполнения обязанности, за неисполнение которой наказание было назначено)². Устоявшиеся позитивные модели поведения могут регулироваться и осуществляться по особым правовым процедурам³ (например, российское гражданство можно получить не

¹ См.: Там же. С. 257.

² См.: ч. 4 ст. 4.1 КоАП РФ.

³ См., например: Репьев А.Г. Особая правовая процедура в системе правовых преимуществ

только в общем, но и в упрощенном порядке)¹. Так складывается упрощенный правопорядок. Коммуникация здесь упрощается и ускоряется из-за целей, достижение которых выгодно участникам правового общения в связи с определенными обстоятельствами.

Если правопорядок сложный (разветвленный), например, складывается в различных институтах и отраслях, то степень упорядоченности усложняется путем подробной регламентации через детализированные предписания (так в процессуальных отраслях при регламентации, например, судебного процесса детализируются его стадии)².

В связи с этим можно также выделять отраслевой (конституционный, гражданско-правовой, уголовно-правовой и т.д.) и институциональный (а также субинституциональный) (избирательного права, наследования, необходимой обороны и т.п.) уровни правопорядка и правовой коммуникации.

Особое значение для эффективной правовой коммуникации в правовом порядке имеет сбалансированность материальных и процессуальных правовых норм. От того, как они взаимообеспечивают друг друга, во многом зависит качество упорядоченности. В юридической среде не для кого ни секрет, что закон, не обеспеченный процедурно, не будет реализован должным образом. Велик риск, что он вообще станет «мертвым»³.

С учетом того, что уровни упорядоченности существенно различаются, можно разграничивать и основные виды правопорядка, что предопределяет и характер коммуникативных связей. Например, если принимать во внимание территориальный масштаб реализации правопорядка, различаются федеральный, региональный, муниципальный и локальный правопорядок.

По степени формализации правопорядок может быть формализованный (юридизированный), что является наиболее частой практикой, и

// Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 21-28.

¹ См.: ст. 14 ФЗ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031).

² См., например: разделы II, III, IV ГПК РФ.

³ См.: Потемкина О.С. Системообразующие коммуникативные связи в правовом порядке современной России: уровневый подход. С. 258.

неформализованный (неоформленный), который образуется, например, на основе правовых обычаев, договоров и т.д.

По отраслям права и объему правового регулирования, что в принципе уже понятно из выше изложенного, правопорядок может быть общий, отраслевой, институциональный (его иногда называют специальным) и складывающийся в связи с реализацией отдельного нормативного предписания.

Внутренняя структурная организация и степень сложности предполагают деление правопорядка на сложный (комплексный), упрощенный и элементарный.

Каждый вид правопорядка базируется на собственной системе правовой коммуникации, которые в совокупности обеспечивают целостность правопорядка.

Задача современных юридической науки и практики - правильно определить структуру правовой коммуникации. Например, если речь идет об эффективном правопорядке на уровне РФ, то он во многом зависит от качества правовой деятельности его основных субъектов, каковыми являются Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ. В региональном правопорядке ключевыми субъектами являются главы субъектов РФ, региональные парламенты и правительства. На муниципальном уровне ключевые фигуры - представительные органы местного самоуправления, главы муниципалитетов и местные администрации. В локальном правопорядке - руководители организаций их административный аппарат.

При этом, как правило, органы общей компетенции несут ответственность за общий правопорядок, специальной - за упорядоченность в конкретных отраслях права. Единый правопорядок обеспечивается их совместными действиями¹.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым отметить следующее.

¹ См.: Там же.

Во-первых, поскольку правовая коммуникация предполагает, прежде всего, обмен деятельностью, а она осуществляется на различных уровнях, возможно использовать уровневый подход и при изучении правовой коммуникации в целом, и при изучении конкретных взаимодействий, что и позволит установить, как именно взаимодействуют субъекты правового общения.

Во-вторых, отправной точкой исследования коммуникативной функции права при уровневом подходе является определение структуры правового взаимодействия, предложенное в социологии и адаптированное в правоведении для познания правовой действительности. Мы согласны с такой позицией и рассматриваем правовое взаимодействие как реализуемое на уровнях: 1) правового продуцирования, 2) обмена правовыми деятельностью и их результатом; 3) соотношения правовых интересов и целей субъектов правового взаимодействия (Н. Луман, Л. Николов, В.Ю. Панченко).

В-третьих, оценивая правовую коммуникацию, необходимо принимать во внимание связь правового интереса с правовыми целями. Интерес субъекта правового общения предваряет правовую цель, к достижению которой он стремится. Тем самым цель объективируется. Она имеет информационно-ориентирующую направленность, должна соответствовать конечной цели самого права, и в некотором роде быть обусловленной им. Осуществление цели однозначно предполагает установление ее нормативно-закрепленного, то есть отраженного в праве смысла. Выбор субъектом цели, не согласованной с действующим правом, противоречащей ему, никак не будет способствовать эффективной правовой коммуникации.

В-четвертых, при характеристике уровней коммуникативного взаимодействия в сфере права большое значение имеют выводы герменевтики, которая занимается исследованием проблем понимания права, что крайне важно в коммуникативном взаимодействии. Из этой науки в теорию правовой коммуникации вошла конструкция герменевтического треугольника. Изучение структуры правовой коммуникации по правилам герменевтического

треугольника предполагает характеристику коммуникации как диалога, участники которого взаимодействуют друг с другом. Коммуникативная связь представлена в виде треугольника, вершинами которого являются адресант правового взаимодействия как автор текста, исходящее от него послание - сам текст, адресат правового текста (его читатель). В герменевтическом треугольнике все участники взаимодействуют между собой. Это взаимодействие разнонаправленное, но первичной является связь между автором текста и читателем через сам текст.

В-пятых, в прикладном аспекте в целях характеристики коммуникативной функции права в узком смысле важен ее анализ в привязке к правовой реальности, а именно к правовому порядку, поскольку именно правовой порядок позволяет оценить качество правовых взаимодействий, его образующих. Правовую коммуникацию следует рассматривать как ядро правового порядка, поскольку правопорядок как порядок отношений, основанный на праве, показывает степень и качество правореализации, тогда как правовая коммуникация предопределяет его. Именно коммуникация обуславливает характер взаимодействия субъектов социально-правовой реальности. От того, как в правовом порядке сложились связи между субъектами правового общения, во многом зависит, насколько удовлетворяются права и законные интересы его участников¹.

¹ См.: Потемкина О.С. Системообразующие коммуникативные связи в правовом порядке современной России: уровневый подход. С. 259

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Ранее мы писали, что для процесса правовой коммуникации свойственны дефекты и проблемы, обусловленные, в первую очередь, отсутствием единства в понимании права и его внутренней сущности. По-разному понимающие право адресаты юридического воздействия по-разному его реализуют. Налицо сложность, в корне которой лежит социальность самого права. Принимая во внимание, что коммуникация связывает субъектов правового общения с самим правом, а средством этой связи, прежде всего, являются правовые тексты, остановимся на данном вопросе более подробно.

Используемые в ходе правовой коммуникации тексты могут быть как нормативными, правоприменительными, так и правоинтерпретационными. Правовая информация в них излагается особым юридическим языком, выступающим как код коммуникации, в идеале доступный и понятный всем субъектам правового общения. Однако теория, как известно, может расходиться с практикой.

Выверенность логического построения документа, непротиворечивость внутреннего содержания, ясность смыслового значения – это далеко неполный перечень требований, предъявляемых к доминантному средству реализации коммуникативной функции права. В противном случае, упущения структурного, грамматического и сугубо юридического характера, допущенные при составлении документов создадут предпосылки его неверного понимания адресатом правового общения, обеспечат искаженное правоприменение.

Выделим наиболее проблемные зоны процесса создания акта-документа, которые детерминируют риски неэффективного правового коммуницирования:

1) упушения лексического характера (отсутствие дефинитивного аппарата или его некачественное представление, терминологические неточности, неоправданное использование оценочных понятий и др.);

2) дефекты логического построения (неверный выбор типологии акта-документа, нарушение структуры построения документа и др.).

Остановимся на выделенных проблемных аспектах более подробно, сообразно предложенной последовательности.

Так, основополагающая роль дефиниций в любой юридической деятельности не раз обозначалась в правовой доктрине¹. При этом, важен не только факт наличия в том или ином акте-документе конкретных определений понятий используемых терминов. Большое значение имеет формат конструирования дефиниции: использование понятных слов и словосочетаний; точность отражения передаваемой информации путем применения устоявшейся терминологии; лаконичность построения; отсутствие неоправданно большого количества причастных и деепричастных оборотов, отсылочных положений и пр.

К примеру, данные опроса ВЦИОМ, приуроченного ко Дню пожилого человека, свидетельствуют, что проблематика пенсионного обеспечения по-прежнему находится в пуле наиболее остро-воспринимаемых обществом сфер жизни². При этом прозрачность механизмов социальной защиты, вызывающая критику у общества, обусловлена отчасти и упушениями правовой коммуникации в части дефинитивной составляющей актов-документов.

Так, не могут не вызывать нареканий определения ряда понятий, используемые в Федеральном законе «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» от 15.12.2001 № 167-ФЗ. В частности,

¹ См.: Мамедов Э.Ф. Термины и дефиниции как средства юридической техники правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

² См.: Активная жизнь на пенсии [Электронный ресурс]. Путь доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aktivnaja-zhizn-na-pensii> (дата обращения: 02.12.2021).

вряд ли оправдано вынесение в качестве дефиниции «обязательных платежей», поскольку раскрытие данного понятия произведено буквально следующим образом: «страховые взносы на обязательное пенсионное страхование»¹. Подобный подход детерминировал последующую необходимость раскрытия данного понятия, в рамках чего дефиниция начинается весьма лаконично («обязательные платежи...»), а далее содержит в себе отсылку к другим понятиям, также раскрывающимся в данной статье («обязательное страховое обеспечение», «обязательное пенсионное страхование»). Подобная многоярусная конструкция дефинитивного ряда фактически гарантировала не только «затормаживание» процесса передачи правовой информации к ее адресату, но, возможно, и сделала данный процесс лишенным положительного результата.

Говоря об упущениях в юридической терминологии, следует сказать, что одним из наиболее характерных примеров выступает также злоупотребление оценочной терминологией². Язык права в целом, и юридического коммуницирования в частности, должен быть по возможности максимально формализован, строг, однозначен. Эти требования сформулированы в правовой доктрине далеко не сегодня³, однако тенденции передачи правовой информации посредством актов-документов свидетельствуют об обратном.

Опустим за текст данного исследования потребность оправданного использования в актах-документах оценочных категорий (интерпретация

¹ ст. 3 ФЗ от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4832).

² См.: Репьев А.Г. Оценочные категории в нормах законодательства (на примере положений о правовых преимуществах) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 60-62; Беляева Г.С., Белоусова К.А. Оценочные категории в праве: общетеоретическое исследование: монография. М.: РУСАЙНС, 2020.

³ См., например: Хижняк С.П. Новое в исследовании терминологических систем (на примере юридической терминологии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. 2008. № 1. С. 92-99; Зелепукин А.А. Юридическая техника и культура законотворчества // Правовая культура. 2007. № 1. С. 78-84.

которых неизбежно зависит от иных областей знания – экономики, техники и пр.). Обратим внимание на увлеченность органов и должностных лиц государства оценочной терминологией, имеющей нравственное, морально-этическое и иное толкование, не вписывающееся в формально-юридические рамки.

Так, одним из примеров последнего стало внесение изменений в наградную систему Российской Федерации. Указом Президента РФ от 19 ноября 2021 № 35 введен новый знак отличия Российской Федерации¹. Помимо уже привычной для подобного рода сферы общественных отношений оценочной терминологии, служащей основанием для поощрения («за выдающиеся заслуги», «за большой вклад» и пр.), иных критериев, выступающих «мерилом» поведения и поступков субъекта, достойного для представления к награде мы не обнаружили². Не содержатся данные критерии или их примерные очертания и в соответствующих методических рекомендациях³. Не будем упускать из виду и тот аспект, что ордена, медали, отличительные знаки – это одни из наиболее популярных и часто используемых правовых символов в государственно-правовой системе коммуникации. Сообщение информации, «закодированной» в правовые символы, также должно быть по возможности недвусмысленным, ясно воспринимаемым всеми участниками общения.

«Благо», как известно, категория философии и этики, в самом общем виде означающая то, что «заключает в себе определенный положительный смысл, синонимично добру»⁴, которое также имеет оценочный характер. Насколько

¹ СЗ РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.

² См.: Указ Президента РФ от 07 сентября 2010 г. № 1099 (СЗ РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.)

³ См.: Письмо Администрации Президента РФ от 04 апреля 2021 г. № АК-3560 «О направлении методических рекомендаций о порядке оформления и предоставления документов о награждении государственными наградами Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был).

⁴ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. С. 55.

понятны будут такого рода предписания для правоприменителя остается только догадываться. Также не ясным будет ответ на вопрос – какую правовую информацию подобный символ транслирует и насколько точно она передает смысл, вкладываемый государством в подобный метод поощрения?

О важности логического построения правовых конструкций, и думается юридические акты-документы здесь не исключение, писали в своих работах аксакалы теоретико-правовой науки: А.Ф. Черданцев¹, В.М. Сырых², И.Н. Сенякин³, В.М. Баранов⁴, Т.В. Кашанина⁵ и другие.

Непротиворечивая и логически выстроенная реализация коммуникативной функции права обеспечивается верным выбором не только конкретного средства передачи информации, но и его типологической единицы. Инициатор коммуницирования, определивший для решения своей задачи в качестве доминирующего средства, например, акт-документ, не должен совершить ошибку в выборе необходимой формы для канала донесения информации. Она может различаться и оттого выполнена в виде и юридического совета, и указания, и приказа и т.п.

Так, в сфере государственного управления одним из наиболее распространенных средств правового общения стали различного рода рекомендации (методические, практические и пр.). Даже из названия данного вида документа следует, что правовая информация, изложенная в нем, носит

¹ См.: Черданцев А.Ф. Логическая характеристика права как системы // Правоведение. 1983. № 3. С. 13-21.

² См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1: Элементный состав. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2001.

³ См.: Сенякин И.Н. Роль юридических конструкций в устранении дисбаланса нормативных правовых актов // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 693-700.

⁴ См.: Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В. Логические основания законодательной дефиниции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: мат-лы междунар. круглого стола (Черновцы, 21-23 сентября 2006 г.) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 240-259.

⁵ См.: Кашанина Т.В. Логика права как элемент юридической техники // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 25-35.

соответствующий характер: общепросветительский, консультационный, справочный и пр., а цели такого сообщения правовой информации заключаются в оказании содействия адресату¹.

Однако нередко случаи интерпретации должностными лицами рекомендательных норм, исходящих от органов государственной власти (судебных, исполнительных), в качестве императивных. К примеру, на основании рекомендаций, изложенных в п. 37 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ, при решении вопроса о патентах вывод о сходстве товарных знаков делается на основе восприятия не отдельных элементов, а товарных знаков в целом².

В результате этого происходит не только искажение целей коммуницирования, но и содержания транслируемой правовой информации, а как итог – ущемление прав и законных интересов субъектов общественных отношений. Следовательно «рекомендательный» вариант передачи правовой информации подменяет такие формы коммуницирования, как: распоряжения, инструкции, приказы.

Не менее серьезные упущение в процессе коммуницирования могут быть обусловлены нарушением структуры построения документа. И если относительно широкого спектра правовых документов требования к их конструкции формально не закреплены, то, к примеру, для нормативных

¹ См.: Панченко В.Ю. Юридическая помощь личности: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 12; Маслов Д.Е. Юридическая рекомендация: понятие, виды, пути совершенствования: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012.

² См.: Приложение к решению Роспатента от 28 октября 2021 г. по заявке № 2019767704/33 Заключение Палаты по патентным спорам от 22 сентября 2021 г. «Об изменении решения Роспатента и отказе в государственной регистрации товарного знака» (приложение к решению Роспатента от 28 октября 2021 г. по заявке № 2019767704/33) // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был); Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 11.

правовых актов, издаваемых федеральными органами исполнительной власти, подобные очертания сформулированы.

Так, постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 установлены требования, касающиеся вступительной части нормативного правового акта. В частности, ей отводится роль «разъяснения оснований, целей и мотивов принятия»¹ документа.

Убеждены, что это исключительно важный элемент реализации правовой коммуникации. Для того, чтобы адресат правовой информации выполнил требуемые от него действия, либо воздержался от совершения чего-либо, акты-документы должны быть не только понятны терминологически, но и ментально. Адресат правового акта должен соотнести правовую информацию с общей государственно-правовой действительностью, вызовами гражданского общества, собственными ценностными ориентациями, и если мотивы и цели адресуемых ему предписаний (рекомендаций, установлений и пр.) будут для него ясны, вероятность добросовестного, правопослушного поведения и следования установленным правилам повышается в несколько раз. В этом заложен регулятивный потенциал коммуникативной функции права. Он обеспечивает важную роль в процессе корректировки поведения субъектов, создавая необходимую почву для правопослушных действий.

Отмечая в целом положительную динамику, наметившуюся в 2021 году относительно формулирования соответствующей вводной части в руководящих документах органов исполнительной власти², следует указать и на упущения в этом аспекте.

¹ См.: п. 6 Постановления Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

² К примеру, солидную – в коммуникативном плане вводную часть, весьма подробно раскрывающую мотивы, цели и основания утверждения нормативного правового акта, имеют документы Министерства финансов Российской Федерации: Приказ Минфина России от 29 сентября 2021 г. № 138н «Об утверждении Порядка проведения мониторинга

К примеру, фактически лишен вводной части один из основополагающих приказов МВД России, регламентирующих порядок прохождения службы¹. Не определены цели, задачи и мотивы издания данного нормативного правового акта. Это при том, что в настоящее время существует острая необходимость транслирования личному составу органов внутренних дел и иным заинтересованным лицам устремлений по укреплению профессионального ядра служащих правопорядка, в том числе за счет комплектования высококвалифицированными кадрами, потребности в закреплении на ведомственном уровне механизмов их правовой и социальной защищенности, о чем в своих выступлениях неоднократно говорил Президент РФ².

Пренебрежение логически-непротиворечивым исполнением акта-документа как средства реализации коммуникативной функции права, содержательным наполнением соответствующих структурных элементов (вводной частью, описательной, мотивировочной, резолютивной), вполне может свести к нулю положительный потенциал идеи или концепции принятия того или иного документа. В этой связи, от качественного, юридически-грамотного построения акта-документа, правильно

достижения результатов предоставления субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 12.11.2022); Приказ Минфина России от 13 октября 2021 г. № 152н «Об утверждении федерального стандарта бухгалтерского учета государственных финансов «Подходы к формированию бухгалтерской (финансовой) отчетности сектора государственного управления и информации по статистике государственных финансов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 22.11.2021).

¹ См.: Приказ МВД России от 01 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 22.11.2021).

² См.: Владимир Путин принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2021 году [Электронный ресурс]. Путь доступа: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (дата обращения: 03.12.2021).

представленного в лингвистическом аспекте, в большей мере зависит успех применения данного средства реализации коммуникативной функции права.

Правовая информация может излагаться не только письменным (текстовым) юридическим языком, но и особыми кодами коммуникации, которые также как и иные средства общения, в идеале должны быть доступны и понятны всем его участникам. Вряд ли станет предметом дискуссии тезис, что одними из наиболее популярных средств реализации коммуникативной функции права современности, являются юридико-криптографические символы. Верно подмечено, что пространство, регулируемое правом, наполнено символами и образами реальных предметов и субъектов; в настоящее время в этой сфере появился еще один сегмент, бросающий крайне серьезный вызов праву. Подобного рода сегмент определяется как пространство виртуальной реальности¹.

В целом, одним из наиболее перспективных, и в тоже время проблемных направлений реализации коммуникативной функции права, на сегодняшний день, выступает внедрение цифровизации и использование технологий искусственного интеллекта. К примеру, исторически в нашей стране вопрос обращения граждан в государственные органы за предоставлением какого-либо блага (материального или нематериального), вследствие необходимости реализации имеющегося законного интереса приобретает характер решения сложнейшей задачи (сбор и предоставление справок, очереди и волокита служащих при приеме и рассмотрении документов и пр.). Бюрократическая система, обусловленная многочисленными административными и иными барьерами в реализации прав и законных интересов, имеет весьма прочную основу².

¹ См.: Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 14.

² См. об этом подробнее: Воротников А.А. Бюрократия в Российском государстве: историко-теоретический аспект / под ред. Ф.И. Ермакова. Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2004.

В этой связи, создание и внедрение цифровых платформ, позволяющих реализовывать проактивный подход, становится крайне эффективным средством реализации коммуникативной функции права¹. Их ключевое преимущество – аккумуляция за счет использования искусственного интеллекта, технологий анализа и обработки больших данных сведений из различных государственных и иных органов для минимизации подачи документов на бумажном носителе самим инициатором запроса².

Неотъемлемая часть коммуницирования – обратная связь, диалог между субъектами взаимодействия. В этом аспекте государство развивает новые технологии и механизмы взаимодействия органов публичной власти с людьми по вопросам правовой поддержки, социальной защиты, назначения помощи. Для этого внедряется единый контакт-центр взаимодействия с гражданами.

Следовательно, к основным современным моделям улучшения качества воздействия средств реализации коммуникативной функции права относятся:

1) создание проактивных (преимущественно цифровых) платформ, построенных на принципе удаленной работы и сведения к минимуму влияния внешних обстоятельств;

2) активное внедрение центров обработки запросов субъектов общественных отношений для установления диалога, взаимодействия органов публичной власти с людьми.

Полагаем, что выделенные направления вряд ли обеспечат качественный уровень правового общения без максимальной конкретизации цели применения тех или иных средств реализации коммуникативной

¹ См., например: Кузьмин В. Мишустин: В России создается единая цифровая платформа в социальной сфере // Российская газета. 2021. 9 нояб.; Его же. Документооборот в сфере трудовых отношений будет переведен в «цифру» // Российская газета. 2021. 8 нояб.; Денисенко В.В. Правовая коммуникация: теория права и реализация в правовых отношениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 311-321.

² См. об этом: Гончарук Д. Законодатели обсудили переход социальных и медуслуг в проактивный формат // Российская газета. 2021. 14 дек.

функции права. Помимо этого, также следует спрогнозировать желаемый для государства и общества результат правового взаимодействия, в идеале – отвечающий критериям измеримости. Субъекту, адресующему правовые сведения для качественной реализации цели правового общения, необходимо:

- максимально подробно определить характеристики адресата, условия коммуницирования, факторы и обстоятельства, препятствующие установлению устойчивой правовой связи;
- соблюдать пределы правового воздействия, в рамках чего введение (установление) средств правовой коммуникации должно преследовать лишь общественно-значимые и государственные цели и задачи.

Попробуем остановиться на выделенных требованиях применимо к самому распространённому средству коммуницирования современности (из числа правовых символов) – QR-коду.

12 ноября 2021 г. в Государственную Думу РФ было внесено два законопроекта, направленных на ужесточение мер противодействия распространению новой коронавирусной инфекции путем расширения применения такого средства реализации коммуникативной функции права, как QR-код: «О внесении изменений в Федеральный закон "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения"»¹ и «О внесении изменений в статью 107 Воздушного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон "Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации"»².

Законопроекты, в своей совокупности, существенно расширяют правовое поле воздействия данного правового символа. Относительно первого проекта нормативного правового акта двумерному штриховому коду

¹ См.: Проект федерального закона № 17357-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения"» [Электронный ресурс]. Путь доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/17357-8> (дата обращения: 14.12.2021).

² См.: Проект федерального закона № 17358-8 «О внесении изменений в статью 107 Воздушного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон "Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации"» [Электронный ресурс]. Путь доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/17358-8> (дата обращения: 14.12.2021).

предполагается придать юридическую силу документа, необходимого для посещения мест массового (общественного) пребывания граждан. В рамках второго законопроекта планируется также рассматривать данный правовой символ в качестве основания для допуска на авиарейсы и в поезда дальнего следования. Мера, предлагаемая инициаторами законопроектов – если не революционная, то по крайней мере весьма новаторская. По сути, средству хранения, накопления и трансляции правовой информации намереваются придать статус основного документа, регламентирующего правовое и социальное положение человека. Несмотря на то, что мы в целом разделяем посыл государства по цифровизации и внедрению современных технологий, остановимся лишь на некоторых проблемах реализации данного средства коммуникации.

Во-первых, для трансляции и восприятия соответствующей закодированной в двухмерный штриховой код информации и пассивному (пассажиру транспортного средства) и инициативному (бортпроводнику, проводнику вагона железнодорожного транспорта и пр.) участникам коммуникации необходимо соответствующее техническое устройство (смартфон, планшетный компьютер и пр.). И если представители авиа- и железнодорожных перевозок в состоянии обеспечить персонал соответствующими гаджетами, то с гражданами нашего государства, уровень благосостояния которых весьма невысок, ситуация иная. По оценке заведующего отделом международных рынков капитала Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук Я. Миркина три четверти российских семей испытывают постоянные сложности с приобретением даже жизненно необходимых вещей¹ (мы не уверены, что мобильный телефон, оснащенный современными функциями по обработке данных с QR-кода, к ним относится).

¹ См.: Миркин Я. Лишь четверть семей в России могут легко «свести концы с концами» // Российская газета. 2021. 13 дек.

Во-вторых, климатические, природные и в целом географические условия нашего государства таковы, что пожалуй в каждом федеральном округе имеются местности с экстремальными температурными режимами, не позволяющими использовать высокочувствительную технику, а также труднодоступные и отдаленные территории, не обладающие устойчивой зоной покрытия сигнала для передачи информации. При этом, данные районы могут иметь связь с другими территориями посредством лишь авиaperевозок.

Убеждены в свете сказанного, что реализация коммуникативной функции права посредством внедрения новых средств коммуникации должна иметь соответствующие пределы, быть практико-ориентированной. Для этого механизмы коммуницирования (как реформируемые, так и вводимые вновь) должны опираться на:

а) социальную адекватность, что достигается соизмерением инициативных положений с государственно-правовыми реалиями;

б) эмпирическую достоверность новелл, что обеспечивается научной проработкой законопроектов, сбором и анализом информации о прогнозируемом действии средства коммуницирования и готовности к новым формам правового общения всей системы.

В конечном итоге это должно отражаться на благополучии граждан, не создавать излишних трудностей.

В период пандемии новой коронавирусной инфекции проблема реализации коммуникативной функции права приобрела острый характер не только в рамках внутригосударственного общения. Опуская за данный текст вопросы, связанные с изменением правового и социального положения личности в сложившихся условиях, остановимся на сложностях, обусловленных дефектами коммуницирования субъектов общественных отношений, являющихся политическими лидерами своих наций.

Отсутствие полноценного диалога глав государств, отход на второй план для некоторых из них потребности сбережения человечества и приоритет

борьбы экономик за извлечение прибыли, столкновение интересов корпоративного сообщества – все эти факторы стали серьезным препятствием на пути взаимного признания медицинских вакцин. Президент РФ неоднократно призывал к установлению сотрудничества в данной сфере и предлагал конкретные шаги по взаимодействию¹. Этот вопрос напрямую обусловлен необходимостью установления соответствующих механизмов реализации правовой коммуникации, поскольку сертификат о вакцинации – это в первую очередь, юридический документ, сообщающий информацию, на основании которого человек получает возможность реализовывать свои права и законные интересы (приобрести туристическую путевку и проследовать по месту отдыха, выполнять свои трудовые функции за рубежом, посещать места массового скопления граждан, объекты общественного питания и пр.).

Представленная ситуация с введением QR-кодов для правового коммуницирования в современных условиях обнаружила и иную проблему. Полагаем, что для эффективной реализации коммуникативной функции права потребность в общении должна определяться самими его участниками. Для этого правовая коммуникация должна тестироваться на предмет пригодности и информационной значимости. В свою очередь, чем выше при этом уровень правовой грамотности, правосознания и правовой культуры таких субъектов, тем качественнее сама правовая коммуникация.

Выдвинутый тезис актуализирует потребность проведения широкой правовой пропаганды и правового воспитания граждан с целью повышения культуры правовой коммуникации, формирования традиций грамотной трансляции правовой информации и ее правильного восприятия, основанного на уважении к закону. Данная деятельность должна строиться на таких отправных началах, как:

¹ См., например: Латухина К. Путин на встрече лидеров экономик АТЭС призвал к взаимному признанию вакцин // Российская газета. 2021. 15 нояб.

1) системность подхода, предполагающее постепенное погружение человека в правовое пространство, от азов до продвинутого уровня;

2) всеобщность, что означает необходимость всемерного охвата программами по повышению правовой грамотности и технологий коммуницирования граждан различных возрастов и социальных групп;

3) непрерывность, что обеспечит необходимое накопление, аккумуляцию навыков и компетенций правового коммуницирования, создаст базис для увеличения темпов правового общения, повышение его уровня пр.

Убеждены, что государство, во взаимодействии с некоммерческими организациями, волонтерскими движениями должно не только обеспечивать возможность получения знаний, умений и навыков построения общения в правовой среде с учетом возрастных, профессиональных и иных особенностей различных категорий граждан, но и повышать заинтересованность в получении правовых знаний. Необходимо задействовать существующие инструменты стимулирования и поощрения субъектов, стремящихся повысить свой уровень правовой грамотности. В свою очередь, органы и учреждения государства, в особенности сконцентрированные на правозащитной функции, должны предусмотреть в рамках своих задач в качестве приоритетной – проведение разъяснительной работы среди населения по средствам, методам и подходам передачи и усвоения правовой информации. Это необходимо осуществлять не только в рамках традиционных педагогических и образовательных форм (лекции, семинары, круглые столы, конференции, брифинги и пр.), но и посредством инновационных и современных методик с привлечением медиа-контента. Безусловно, указанным субъектам адресующим правовые сведения, необходимо стремиться к повышению их достоверности и полноты. Убеждены, что указанные меры в совокупности могли бы способствовать развитию компетенционных навыков по реализации коммуникативной функции права со стороны властных органов, а также

знаний, умений представителей гражданского общества правильно и адекватно воспринимать транслируемую им информацию.

Подводя итоги изложенному материалу о проблемах реализации коммуникативной функции права, следует остановиться на отдельных выводах.

Во-первых, непротиворечивая и логически выстроенная реализация коммуникативной функции права обеспечивается верным выбором не только конкретного средства передачи информации, но и его типологической единицы. В случае ошибки происходит не только искажение целей коммуницирования, но и содержания транслируемой правовой информации, а как итог – ущемление прав и законных интересов субъектов общественных отношений.

Во-вторых, для того, чтобы адресат правовой информации выполнил требуемые от него действия, либо воздержался от совершения чего-либо, средства коммуницирования, цели для которых они применяются, должны быть не только понятны терминологически, но и ментально. Только в этом случае присутствует вероятность добросовестного, правопослушного поведения и следования установленным правилам. Если же цели, мотивы реализации средств правового коммуницирования не ясны обществу, не сформировано к ним ментальное доверие, обеспечить необходимую для государства корректировку поведения субъектов будет значительно сложнее¹. Прогноз желаемого для государства и общества результата правового взаимодействия, в идеале отвечающего критериям измеримости – неотъемлемая составляющая эффективной реализации коммуникативной функции права.

В-третьих, среди проблем реализации коммуникативной функции права ярко прослеживается оторванность данного процесса от существующих

¹ См.: Репьев А.Г. Доверие как основа культуры правовой коммуникации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2 (145). С. 15-25.

социальных и государственно-правовых реалий. Для устранения этого дефекта внедрение новых средств коммуникации должно быть максимально практико-ориентированным. Механизмы коммуницирования (как реформируемые, так и вводимые вновь) должны иметь четкие пределы и опираться на социальную адекватность, эмпирическую достоверность.

В-четвертых, для улучшения качества воздействия средств реализации коммуникативной функции права необходимо активное внедрение современных моделей, включая создание: проактивных (преимущественно цифровых) платформ, построенных на принципе удаленной работы и сведения к минимуму влияния внешних обстоятельств; центров обработки запросов субъектов общественных отношений для установления диалога, взаимодействия органов публичной власти с гражданским обществом.

В-пятых, пример со сложностями международного признания медицинских вакцин от новой коронавирусной инфекции показал кризис ценностей правового коммуницирования. Доминирование борьбы экономик по извлечению прибыли, столкновение интересов корпоративного сообщества заслонили собой потребности сбережения человечества и приоритет прав и свобод гражданина. Одной из первостепенных задач юридической науки в этой связи становится необходимость установления соответствующих механизмов реализации правовой коммуникации, определение правового статуса ее средств, в первую очередь, таких нетрадиционных, как двухмерные штриховые коды, претендующие на признание в качестве юридического документа, сообщающего, хранящего и накапливающего персональную информацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе диссертационного исследования подтвердился тезис, что функции права – фундаментальное и системообразующее явление в юриспруденции. Они есть обусловленное его сущностью и содержанием направление правового воздействия на общественные отношения, нацеленное на достижение определенного результата. При функциональном анализе права важна его характеристика как такого воздействия на поведение, в результате которого достигаются цели действия самого права. Тем самым функции права подтверждают ценность самого права и того, что от него производно.

При характеристике функций права, как направлений воздействия, следует учитывать условность данного термина, который обычно имеет предметную привязку и применим в большей мере к отдельным функциям права, а не к функциям права вообще. Поскольку для каждой функции права важны, прежде всего, однородность предмета, средств и способов правового воздействия, образующих некое организационное единство, где каждый элемент функционального взаимодействия права с внешней по отношению к нему самому средой (отдельно взятая функция права) представляет особый комплекс, полагаем юридической доктрине следует уходить от использования в определении данного феномена словосочетания – «основное направление».

Проведенная работа позволила убедиться, что важнейшими компонентами правового воздействия в любой сфере общественной жизни являются регулирование и охрана. Как следствие этого, регулятивная и охранительная функции являются основными собственно-юридическими функциями права. Однако, в условиях доминирования нормативного подхода к правопониманию, отождествляющего право с нормами, установленными и обеспечиваемым государством, следует признать, что такое право есть часть не одухотворенной жизнью и разумом правовой реальности, способное лишь

задавать рамки деятельности адресата правовой нормы. Становится понятным, что только регулятивной и охранительной функций уже недостаточно.

Право в современных условиях зачастую выступает в качестве посредника, нацеленного на установление особого рода правового взаимодействия, выражающегося в доведении информации до ее адресата с целью последующей коммуникации. В свою очередь основу правовой коммуникации составляют правовые образы, сформированные как результат типизационных (стереотипных) процессов внутри правовой коммуникации.

Правовая коммуникация является обязательным условием эффективного действия современного права. Она есть особым образом организованное и реализующееся правовое взаимодействие, в котором достигаются цели субъектов правового общения и самого права, а сама социальная коммуникация становится правовой как результат преобразования в правовую неправовой реальности путем ее оформления в источниках права.

Отправной точкой правовой коммуникации является правовое регулирование, существующее как упорядочивание социальных отношений и связей при помощи права. Последующее коммуницирование осуществляется на уровне актов применения и толкования права. Особое значение правовой коммуникации придается в рамках коммуникативной теории, расценивающей право как факт объективной реальности, эффективная реализация которого возможна только при правильном выражении и верной реализации смысла нормативного правового предписания субъектами правового общения. Коммуникативный подход к праву делает акцент не на идее права, а на правовой реальности, как проявление современного постклассицизма, активно применяется в гуманитарных науках, и особенно в праве, для демонстрации уровня правового развития общества, связи социальной сущности и бытия права.

Правовая коммуникация – феномен универсальный, в том числе, выступающий ядром формирования правового порядка. Последний, являясь

своеобразным порядком отношений, основанным на праве, показывает степень и качество правореализации, тогда как правовая коммуникация предопределяет его. Исключительный характер коммуникации в данном аспекте обуславливает характер взаимодействия субъектов социально-правовой реальности. От того, как в правовом порядке сложились связи между субъектами правового общения, во многом зависит насколько удовлетворятся права и законные интересы его участников.

Коммуникативная функция права, как и любая другая функция права, характеризуется однородностью предмета, средств и форм правового воздействия, которые образуют организационное единство. При этом коммуникативная функция, как самостоятельная функция права, является элементом системы (комплекса) функций права в целом.

Коммуникативная функция права имеет своим содержанием протекающее циклично, постоянно и планомерно правовое взаимодействие, выражает динамику права, обеспечивает достижение целей правового регулирования. Коммуникация невозможна без взаимодействия. Оно – ее цель и результат.

Коммуникативная функция современного российского права нацелена на: укрепление, развитие правовой коммуникации и расширение коммуникативного пространства права; обеспечение нахождения компромисса между интересами участников правовой коммуникации, их правовыми позициями, и при необходимости их согласование; реализация мер по упрочению доступности, оперативности и при этом устойчивости правовых взаимодействий.

В этом контексте право выступает как средство обеспечения координации и взаимодействия субъектов права путем установления рамок между дозволенным и запрещенным, стимулируя тем самым необходимые и ограничивая в развитии деструктивные социальные процессы. В итоге право становится особой коммуникационной системой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст.1416.
2. О Государственном гербе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 25.12.2000 г. № 2-ФКЗ (в ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 52. Ст. 5021.
3. О Правительстве Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 06.11.2020 г. № 4-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 16.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в

ред. от 19.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3.

10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

12. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 29.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 14.

13. Об использовании атомной энергии: федеральный закон от 21.11.1995 г. № 170-ФЗ (в ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4552.

14. О судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации: федеральный закон от 08.01.1998 г. № 7-ФЗ (в ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 223.

15. Об ипотеке: (залоге недвижимости): федеральный закон от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ (в ред. от 20.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

16. О газоснабжении в Российской Федерации: федеральный закон от 31.03.1999 г. № 69-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1667.

17. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: федеральный закон от 15.12.2001 г. № 167-ФЗ (в ред. от 19.11.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 51. Ст. 4832.

18. Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

19. О гражданстве Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ (в ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

20. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 г. (в ред. от 14.07.2022) № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

21. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

22. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6228; 2022. № 41. Ст. 6941.

23. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2009 г. № 209-ФЗ (в ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.

24. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. № 48. Ст. 5711.

25. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

26. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27.07.2010 г. (в ред. от 04.11.2022) № 210-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

27. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

28. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: федеральный закон от 07.02.2011 г. № 6-ФЗ (в ред. от 01.07.2021)

// Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 903

29. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

30. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (часть I). Ст. 3851.

31. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федеральный закон от 03.07.2016 г. № 226-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27. Ст. 4159.

32. Об основах приграничного сотрудничества: федеральный закон от 26.07.2017 г. № 179-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31. Ст. 4728.

33. О Государственном Совете Российской Федерации: федеральный закон от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

34. О взаимодействии федеральных органов государственной власти Российской Федерации в области информационно-правового сотрудничества с органами власти государств-участников Содружества Независимых Государств: указ Президента РФ от 29.03.1994 г. № 607 // Российская газета. 1994. 7 апр.

35. Об утверждении Положения о порядке взаимодействия Президента Российской Федерации с палатами Федерального собрания Российской Федерации в законотворческом процессе: указ Президента РФ от 13.04.1996 г. № 549 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 16. Ст. 1842.

36. Вопросы взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 02.07.2005 г. № 773 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 27. Ст. 2730.

37. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации»): указ Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495 (в ред. от 12.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 47. Ст. 5749.

38. О форме одежды и знаках различия кадетов общеобразовательных организаций - казачьих кадетских корпусов: указ Президента РФ от 20.04.2013 г. № 366 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 16. Ст. 1925.

39. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

40. Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.07.2022 г. № 512 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 31. Ст. 5699.

41. Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: указ Президента РФ от 05.09.2022 г. № 611 (в ред. от 17.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 37. Ст. 6315.

42. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): постановление Правительства РФ от 23.10.1993 г. № 1090 (ред. от 31.12.2020) // Собрание актов Президента РФ и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.

43. Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: постановление Правительства РФ от 13.08.1997 г. № 1009 (в ред. от 18.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

44. Об удостоверении личности военнослужащего Российской

Федерации: постановление Правительства РФ от 12.02.2003 г. № 91 (в ред. от 29.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 7. Ст. 654.

45. О единой системе межведомственного электронного взаимодействия (вместе с «Положением о единой системе межведомственного электронного взаимодействия»): постановление Правительства РФ от 08.09.2010 г. № 697 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 38. Ст. 4823.

46. О федеральной государственной информационной системе «Федеральный ситуационный центр электронного правительства» и внесении изменений в положение о единой системе межведомственного электронного взаимодействия: постановление Правительства РФ от 14.07.2017 г. № 839 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 30. Ст. 4672.

47. Об утверждении Порядка отбора и назначения граждан на руководящие должности в центральном аппарате Министерства Российской Федерации по налогам и сборам: приказ МНС РФ от 16.01.2004 г. № БГ-3-15/21@ // Российская газета. 2004. 10 февр.

48. Об утверждении инструкции по судебному делопроизводству в районном суде: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 г. // Российская газета. 2004. 5 нояб.

49. Об утверждении методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации: приказ Минюста России от 31.05.2012 № 87 (в ред. от 02.10.2019) // Бюллетень Минюста РФ. 2013. № 1.

50. Об утверждении административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 23.08.2017 г. № 664 (в ред. от 21.12.2017) // Российская газета. 2017. 13 окт.

51. Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 01.02.2018 № 50 (в ред. 24.11.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

52. Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги по государственной регистрации актов гражданского состояния органами, осуществляющими государственную регистрацию актов гражданского состояния на территории Российской Федерации: приказ Минюста России от 28.12.2018 № 307 (в ред. о 21.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

53. О Федеральной государственной информационной системе «Национальная единая среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений»: приказ Минэкономразвития России от 09.07.2019 № 400 // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был).

54. Об утверждении Межрегионального плана изучения и распространения положительного и передового опыта Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации: приказ ФСИН России от 02.09.2020 № 606 // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был).

55. Об утверждении Правил по охране труда в лесозаготовительном, деревообрабатывающем производствах и при выполнении лесохозяйственных работ: приказ Минтруда России от 23.09.2020 № 644н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

56. Об утверждении методических рекомендаций по системе функционирования психологических служб в общеобразовательных организациях: распоряжение Минпросвещения России от 28.12.2020 г. № Р-193 // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был).

57. Об утверждении Порядка проведения мониторинга достижения

результатов предоставления субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, физическим лицам - производителям товаров, работ, услуг: приказ Минфина России от 29.09.2021 № 138н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

58. Федеральная образовательная программа основного общего образования: приказ Минпросвещения РФ от 16.11.2022 № 993 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

59. О бесплатной юридической помощи в Алтайском крае: закон Алтайского края от 08.04.2013 № 11-ЗС // Сборник законодательства Алтайского края. 2013. № 204. Ч. 1. С. 44.

60. О контроле мероприятий, направленных на развитие коммуникативных навыков сотрудников медицинских организаций города Тюмени: приказ Департамента здравоохранения Тюменской области и Департамента здравоохранения администрации г. Тюмени от 02.09.2015 г. № 973/26-34-408/5 // Официальный портал органов исполнительной власти Тюменской области. URL: <http://www.admtyumen.ru>.

Официальные документы

61. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 (в ред. от 24.11.2015) // Российская газета. 2004. 8 апр.

62. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 г. № 5 (в ред. от 19.12.2013) // Российская газета. 2005. 19 апр.

63. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // Российская газета. 2005. 5 окт.

64. Дело «Эон (Eon) против Франции (жалоба №26118/10)»:

постановление Европейского Суда по правам человека от 14.03.2013 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12 (36).

65. Об утверждении Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде: распоряжение Правительства РФ от 25.12.2013 г. № 2516-р (в ред. от 13.10.2017) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 2. Ст. 155.

66. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного суда РФ от 25.06.2019 № 20 // Российская газета. 2019. 3 июля.

67. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 12.08.2019) // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был).

68. Кодекс профессиональной этики аудиторов (приложение к протоколу заочного голосования Совета по аудиторской деятельности от 21.05.2019 г. № 47) // СПС «Консультант Плюс» (текст документа официально опубликован не был).

69. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2020 г. № 45-АД20-2 // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был).

70. Информационное письмо Банка России от 27.08.2020 № ИН-015-59/127 «О рекомендациях в отношении дистанционных способов взаимодействия с клиентами» // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был).

71. О направлении методических рекомендаций о порядке оформления и предоставления документов о награждении государственными наградами Российской Федерации: письмо Администрации Президента РФ от 04.04.2021 г. № АК-3560 // СПС «Консультант Плюс» (документ официально

опубликован не был).

72. Об изменении решения Роспатента и отказе в государственной регистрации товарного знака: заключение Палаты по патентным спорам от 22.09.2021 г. (приложение к решению Роспатента от 28.10.2021 по заявке № 2019767704/33) // СПС «Консультант Плюс» (документ официально опубликован не был).

73. Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2022-2032 гг. в РФ Международного десятилетия языков коренных народов: распоряжение Правительства РФ от 09.02.2022 г. № 204-р // Собрание законодательства РФ. 2022. № 7. Ст. 1029.

Научные издания

74. Абрамов А.И. Теоретические и практические проблемы реализации функций права. Самара: Офорт, 2008. 318 с.

75. Апель К.-О. Трансформация философии; пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. М.: Логос, 2001. 344 с.

76. Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. М.: Политиздат, 1985. 263 с.

77. Арефьева Г.С. Общество, познание, практика. М.: Мысль, 1988. 204 с.

78. Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб: Юрид. центр Пресс, 2004. 469 с.

79. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Изд. 2-е доп. М.: «Право и государство», 2005. 544 с.

80. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 146 с.

81. Бахтин М.М. Проблема текста // Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. 732 с.

82. Ван Хук М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова

и А.В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.

83. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

84. Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Питер, 2001. 288 с.

85. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 448 с.

86. Власенко Н.А. Избранное. М.: Норма, 2015. 671 с.

87. Воротников А.А. Бюрократия в Российском государстве: историко-теоретический аспект. Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2004. 319 с.

88. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 699 с.

89. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма- ИНФРА- М, 2020. 320с.

90. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация. М.: Инфра- М, 2020. 286 с.

91. Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты. М.: Юрист, 2011. 401 с.

92. Груздев В.В. Правовое состояние личности: история, теория, практика. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. 476 с.

93. Денисенко В.В. Нарративы и дискурсивная теория права // Право и нарративы / Под общ. ред. В.В. Денисенко, А.К. Соболевой, И.Л. Честнова. М.: Проспект, 2022. С. 75-85. 128 с.

94. Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование). М.: Проспект, 2022. 240 с.

95. Дудина А.Н. Императивные нормы права (теоретико-правовое

исследование). М.: Юрлитинформ, 2020. 184 с.

96. Зайцева Е.С. Пределы правового регулирования (общетеоретический аспект). Омск: Омская академия МВД России, 2020. 152 с.

97. Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М.: Юрид. лит., 1986. 192 с.

98. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. 283 с.

99. Кашанина Т.В. Структура права. М.: Проспект, 2015. 580 с.

100. Кашанина Т.В. Юридическая техника в сфере частного права (Корпоративное и договорное нормотворчество). М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 288 с.

101. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: (репринт издания М., 1982). М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 287 с.

102. Кудрявцев В.Н. Право и поведение: (репринт издания М., 1978). М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 192 с.

103. Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М.: Юрид. лит., 1981. 144 с.

104. Кулапов В.Л. Рекомендательные нормы советского права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 110 с.

105. Лазарев В.В. Избранные труды. В 3 т. Т. I: Закон. Законность. Применение права. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «ЮСТ». М.: Новая юстиция, 2010. 648 с.

106. Лазарев В.В., Левченко И.П. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1989. 84 с.

107. Ланг П.П. Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания. Самара: ООО «Стандарт», 2021. 372 с.

108. Лапшин И.С. Диспозитивные нормы права. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2002. 132 с.

109. Лебедева Е.Н. Теоретические проблемы исследования

стимулирующей функции права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2018. 174 с.

110. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 249 с.

111. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с.

112. Малиновская Н.В. Проблема конечности понимания: юридический и герменевтический аспекты // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 125-140. 436 с.

113. Малкина В.И. Конфликт интересов в юридических лицах. М.: Юстицинформ, 2022. 196 с.

114. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003. 248 с.

115. Малько А.В., Шундииков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. акад. права», 2003. 293 с.

116. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.

117. Мамут Л.С. Правовое общение: очерк теории. М.: ИНФРА-М, 2011. 80 с.

118. Марченко Д.Э., Марченко С.В. Деаксиологическое правовое сознание и его формы. Самара: СЮИ ФСИН России, 2021. 112 с.

119. Мачучина О.А. Институт примирения: теоретико-правовые основы. М.: Юрлитинформ, 2021. 173 с.

120. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с.

121. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. 205 с.

122. Могилевский В.Д. Методология систем: вербальный подход. М.: Экономика, 1999. 248 с.

123. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / пер. с рум. И. Фодор; под ред. чл.-корр. АН СССР Д.А. Керимова и докт. юрид. наук А.В. Мацкевича. М.: Изд-во «Прогресс», 1974. 256 с.
124. Николов Л. Структуры человеческой деятельности / под ред. и с предисл. Л.П. Буевой. М.: Прогресс, 1984. 176 с.
125. Нырков В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории. Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская гос. акад. права», 2006. 203 с.
126. Осипенко О.В. Корпоративная конфликтология. М.: Статут, 2022. 758 с.
127. Осипов М.Ю. Системы в праве и правовые процессы. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 282 с.
128. Поляков А.В. Легитимность как свойство права // Легитимность права / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2019. С. 44-88. 496 с.
129. Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. 106 с.
130. Репьев А.Г. Преимущества в праве и законодательстве. М.: Юрлитинформ, 2020. 392 с.
131. Реутов В.П. Функциональная природа системы права. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. 162 с.
132. Ромашов Р.А. Толкование. Интерпретация. Герменевтика. Проблема определения категориального смысла // Юридическая герменевтика в XXI веке / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 55-72. 436 с.
133. Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы. СПб.: Алетейя, 2015. 445 с.
134. Спивак В.А. Современные бизнес-коммуникации. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
135. Стомба А.В. Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков:

Диса, 2006. 176 с.

136. Субочев В.В. Законные интересы. М.: Норма, 2008. 495 с.

137. Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М.: Юрлитинформ, 2016. 372 с.

138. Суменков С.Ю. Исключения в механизме правового регулирования. М.: изд. ЧОУ ВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2019. 135 с.

139. Сухорукова О.А. Эффективность гражданского судопроизводства. Коммуникативный аспект. М.: Издательство Юрайт, 2023. 149 с.

140. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1: Элементный состав. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2001. 528 с.

141. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Современное правопонимание. М.: РАП, 2007. 512 с.

142. Сырых В.М. Материалистическая теория права: Избранное. М.: РАП, 2011. 1260 с.

143. Сырых В.М. История и методология юридической науки. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 464 с.

144. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 398 с.

145. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юрид. лит., 1980. 176 с.

146. Тонков Е.Н. Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб.: Алетейя, 2016. 436 с.

147. Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2009. 308 с.

148. Ульмер М.В. Герменевтика как онтологический проект права // Юридическая герменевтика в XXI веке / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 73-106. 436 с.

149. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альта-Принт», 2008. 1239 с.

150. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. М.: «Ad Marginem», 1997. 451 с.

151. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. Теория и практика. М.: Юрид. лит., 1979. 168 с.

152. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2020. 384 с.

153. Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста. Пер. с англ. и ит. С.Д. Серебряного. М.: АСТ, 2021. 637 с.

154. Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М.В. Антонова; Под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011. 703 с.

**Публикации в периодических изданиях, материалах конференций,
сборниках научных трудов**

155. Абрамов А.И. Понятие реализации функций права: соотношение понятий «реализация права» и «реализация функций права» // Правоведение. 2016. № 3. С. 179-189.

156. Алексеева М. Централизованная закупка товаров для образовательных учреждений // Учреждения образования: бухгалтерский учет и налогообложение. 2020. № 10. С. 35-46.

157. Антонов М.В., Поляков А.В. Правовая коммуникация и современное государство // Правоведение. 2011. № 6 (299). С. 214-220.

158. Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 78-95.

159. Антонян Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 112-118.

160. Ануреев С.В. Столкновение теорий бюджетного субсидирования,

платных государственных услуг и фискальной монополии (на примере Московского метрополитена и в контексте мирового опыта) // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2020. № 4 (484). С. 13-38.

161. Апт Л.Ф. Нетипичные предписания в федеральном законодательстве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 3 (13). С.25-43.

162. Архипов С.И. Понятие правовой коммуникации // Российский юридический журнал. 2008. № 6 (63). С. 7-17.

163. Атагимова Э.И., Макаренко Г.И. Правовое просвещение: проблемы и пути решения // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1 (14). С. 64-68.

164. Базылев В.Н. Конфликтные ситуации в сфере политико-правовой коммуникации // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 140-148.

165. Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Вопросы общей теории государства и права. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. С. 156-174.

166. Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4-16.

167. Бакулина Л.Т. Подходы к исследованию правового регулирования // Lex Russica. 2016. № 8. С. 9-20.

168. Балашова И.Н. Институт примирения сторон исполнительного производства как средство повышения эффективности функционирования системы принудительного исполнения юрисдикционных актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 46-50.

169. Баринов П.С., Катомина В.А. Коммуникативная функция права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4 (147). С. 22-29.

170. Батора П.В. Обход закона как форма злоупотребления гражданскими правами при совершении крупных сделок и сделок с

заинтересованностью // Юрист. 2019. № 4. С. 35-40.

171. Батюшкина М.В. Законодательный текст, его адресант и адресат // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 2. С. 70-78.

172. Безгина Н.В. Структура правовых представлений современной российской молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 86-94.

173. Безукладова А.А. Воспитательная функция права и правовые средства ей сопутствующие // Universum: экономика и юриспруденция. 2017. № 11 (44). С. 16-21.

174. Белов С.А. Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 4. С. 841-859.

175. Богатырев В.В. Роль и место юридического опыта в процессе глобализации юридической деятельности // Закон и право. 2010. № 2. С. 27-29.

176. Бондаренко Г.В. Правовые ценности в системе ценностных ориентаций личности // Евразийский юридический журнал. 2014. № 7 (74). С. 209-210.

177. Бондаренко М.В., Строева О.А. Правовые установки как детерминирующий фактор правомерного поведения субъектов права // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 36-42.

178. Быков В.В. Полисубъектный состав межлической интеракции (герменевтическая проблема власти приказа) // Вестник Омского университета. 2004. № 3. С. 91-94.

179. Ван Хук М. Право как коммуникация // Правоведение. 2006. № 2. С. 44-54.

180. Васекина Э.М. Понятие и признаки функций права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 9 (64). С. 56-60.

181. Васильева Н.С. Альф Росс о понятии и действительности права:

реалистический подход // Правоведение. 2018. № 1 (336). С. 84-117.

182. Васильева Н.С. Проблема действительности права в антиметафизической традиции (концепция Альфа Росса) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 3. С. 396-414.

183. Васильев Р.Ф. О понятии правового акта // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1998. № 5. С. 3-25.

184. Верстова М.В. Образ права в сознании современной личности (на примере суда присяжных) // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в РФ: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. участием, 26-29 мая 2010 г., г. Калуга / отв. ред. В.Ф. Енгальчев. Калуга: Изд. КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2010. С. 89-95.

185. Витченко А.М. Механизм правового регулирования социалистических общественных отношений, его понятие и структура // Вопросы теории государства и права / под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та, 1968. Вып. 1. С. 65-92.

186. Власова Т.С. К вопросу о деструктивном воздействии на индивидуальное правосознание в современных условиях // Юристы-Правоведь. 2011. № 1 (44). С. 122-125.

187. Воронцова Ю.А., Галиева Д.А., Хорошко Е.Ю. Юридический текст как базовый конструкт правовой коммуникации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 168-175.

188. Герцог Т.Ю. Правовая информированность граждан и проблема правового информационного выгорания // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 20. С. 616-626.

189. Гинзбург И.В. Защита прав и законных интересов группы лиц (компаративистский анализ) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 5. С. 71-83.

190. Глебченко О.А. Формы и методы реализации охранительной

функции права // Сибирский юридический вестник. 2009. № 1. С. 12-18.

191. Гойман В.И. Правовая информированность личности: понятие, содержание, пути повышения // Советское государство и право. 1988. № 10. С. 54-62.

192. Голуб Г.Б. Содержание процесса и результата воспитания // Образовательная политика. 2018. № 1 (76). С. 36-42.

193. Голубихина Н.В., Назарова Е.А. Правовая информация как элемент коммуникативного процесса в обществе XXI века // Общество и право. 2021. № 4 (78). С. 98-102.

194. Гомонова Н.Д. Проблемы защиты прав граждан, пострадавших от деятельности лиц, осуществляющих возврат просроченной задолженности // Вестник исполнительного производства. 2020. № 4. С. 40-55.

195. Гончаров В.Н., Денисенко И.А., Шевченко М.Н. Теневая экономика: государственные меры борьбы // Право и управление. XXI век. 2020. Т. 16. № 2 (55). С. 106-115.

196. Гончарук Д. Законодатели обсудили переход социальных и медуслуг в проактивный формат // Российская газета. 2021. 14 дек.

197. Горбатенко Г.В. Теоретико-правовой аспект влияния правосознания на формирование эффективной правовой системы // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2. С. 258-261.

198. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113-118.

199. Графский В.Г. Правовая коммуникация и правовое общение // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 25-37.

200. Графский В.Г. Современное право и правовое общение глазами историка // Государство и право. 2013. № 9. С. 13-16.

201. Грибанов Д.В. Чувство права // Правоведение. 2010. № 3 (290). С. 253-260.

202. Гришина Т.М. Совершенствование правовых основ

взаимодействия публично-властных органов современной России в информационном обществе // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 12. С. 16-21.

203. Громицарис А., Кравиц В., Федделер К. Правовая коммуникация в современной правовой системе // Правоведение. 2013. № 6. С. 58-77.

204. Грунин А.Г. Формы реализации компенсационной функции государства // Юрист Юга России и Закавказья. 2019. № 4. С. 29-31.

205. Губайдуллин А.Р. Функции права и правовой системы общества // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 4. С. 27-36.

206. Гуцко П.А. Реализация экономической функции права социального обеспечения на примере пенсионного законодательства // Трудовое и социальное право. 2021. № 4 (40). С. 30-35.

207. Денисенко В.В. Правовое общение в демократическом гражданском обществе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 1. С. 29-36.

208. Денисенко В.В. Коммуникативная функция права // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 3. С. 231-238.

209. Денисенко В.В. Правовая коммуникация: теория права и реализация в правовых отношениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 311-321.

210. Денисенко В.В. Функции права в контексте теории гражданства // История государства и права. 2023. № 1. С. 39-43.

211. Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Делиберативность и алеаторные процедуры как легитимация соматических прав человека: опыт Республики Ирландия и Австралийского союза // Государство и право. 2023. № 1. С. 100-113.

212. Дженакова Е.М. Распространение информации как объект права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. №

6.С. 29-35.

213. Докторович А.Б. Социальные действия, взаимодействия и отношения // Пространство и Время. 2012. № 2. С. 65-70.

214. Ежова Е.А. Фрейм как метод структурирования логико-семантического пространства системы 2 + // Современные научные исследования. 2013. № 10 (30). С. 33.

215. Ермолаева В.А. Коммуникативный гештальт в семантической организации диалога // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 4 (60). С. 275-280.

216. Ёдко Н.А. Коммуникативная теория власти Н. Лумана // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 6. С. 36-43.

217. Залоило М.В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы взаимодействия и соотношения // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 105-112.

218. Зацепилин Ю.В., Чупров А.С. Коммуникативная природа власти (опыт интерпретации Никласа Лумана) // Социум и власть. 2004. № 1. С. 25-29.

219. Зелепукин А.А. Юридическая техника и культура законотворчества // Правовая культура. 2007. № 1. С. 78-84.

220. Зенов П.Е. Процесс формирования правовых установок личности в гражданском обществе // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 139-140.

221. Зыков С.В. О государственной правовой семейной политике в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2020. № 1. С. 13-17.

222. Ивашкевич И.Н. Фрейм как структура представления знаний в когнитивном аспекте // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2011 № 2. С. 77-81.

223. Калинин С.А. Формирование модели устойчивого правомерного поведения как необходимое условие развития социального правового

государства // Конституционный контроль и развитие социального правового государства: материалы Межд. науч.-практ. конф. 9-10 сент. 2004 г., Минск) / Европейская комиссия к демократии через право, Конст. Суд Респ. Беларусь. Минск: ООО «Смэтлок», 2004. С. 139-141.

224. Калинин С.А. О коммуникативном подходе к праву // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 29-31 марта 2012 г., Минск / отв. ред. О.В. Терещенко. Минск: Изд. центр БГУ, 2012. С. 76-77.

225. Карипжанова Т.К., Абикенов М.Т. Скрипт, фрейм, схема в художественном тексте // Гуманитарный вектор. Сер. Филология, востоковедение. 2016. № 3. С. 105-110.

226. Карпович В.Ю., Калашникова Е.Б. Основные различия понятий «реализация права» и «реализация функций права» // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке: сб. материалов IX Международной научно-практ. конф. 27 дек. 2015 г., Махачкала). Махачкала: ООО «Апробация», 2015. С. 161-164.

227. Касаткина О.В. Правовая символика // Интерактивная наука. 2019. № 10. С. 64-67.

228. Кириллова Н.П., Смирнова И.Г. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 116-127.

229. Ковалева Н.Н. Соотношение терминов «электронное государство» и «электронное правительство» // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 6 (82). С. 106-109.

230. Комахин Б.Н. Реализация права граждан на равный доступ к государственной службе и муниципальной службе в ее модернизационный период в условиях развития информационного общества // Административное право и процесс. 2018. № 6. С. 26-29.

231. Константинова А.В. Особенности информационного воздействия

права на личность // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 4 (15). С. 19-25.

232. Константинова А.В. Понятие форм осуществления функций права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 1. С. 54-58.

233. Константинова А.В. Реализация функций права // Юристъ-Правоведь. 2010. № 1 (38). С. 122-127.

234. Корнев В.Н. Право как языковой феномен // Государство и право. 2018. № 6. С. 5-6.

235. Коршунов А.Н. Содержание понятия «Правовая информация» и его значение для теории государства и права // Вестник университета. 2014. № 3. С. 247-252.

236. Костин С.А., Тыртышный А.А., Красс К.Г. Современные подходы к правовому просвещению молодежи в Российской Федерации: опыт реализации проектных технологий // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 55-61.

237. Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива). Пер. с нем. М.В. Антонова // Правоведение. 2011. № 5. С. 8-26.

238. Крестинский С.В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2011. № 1. С. 34-37.

239. Кудрявцев Ю.В. Ценность правовой информации // Правоведение. 1977. № 1. С. 45-51.

240. Кузьмин В. Документооборот в сфере трудовых отношений будет переведен в «цифру» // Российская газета. 2021. 8 нояб.

241. Кузьмин В. Мишустин: В России создается единая цифровая платформа в социальной сфере // Российская газета. 2021. 9 нояб.

242. Кузьмина М.В. Функции права: к вопросу о реализации // Вестник Самарского юрид. ин-та. 2014. № 2. С. 48-51.

243. Куликов М.А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании и злоупотребление правом: соотношение категорий // Журнал российского права. 2022. № 11. С. 15-30.

244. Кумахова Д.Б., Мухтаров Д.Д. Правовая коммуникация: структура, цели и субъекты // Журнал прикладных исследований. 2021. № 6-2. С. 179-183.

245. Купцова О.Б. Принцип делиберативности и правовая коммуникация // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11-12 сентября 2020 года). Воронеж: АНО по оказанию издательских и полиграфических услуг «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2020. С. 169-175.

246. Ладухина М.В. Уровневая характеристика развития правового сознания студентов юридического вуза // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 273-278.

247. Лановая Г.М. Роль государственно-правового регулирования в правовой системе постиндустриального общества // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 3. С. 8-12.

248. Латухина К. Путин на встрече лидеров экономик АТЭС призвал к взаимному признанию вакцин // Российская газета. 2021. 15 нояб.

249. Лебедева Е.Н. Функции современного российского права как общетеоретическая категория: понятие, признаки, классификация // Власть Закона. 2016. № 2. С. 107-116.

250. Лебедева Е.Н. Функциональное назначение регулирования и стимулирования во властной деятельности государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 59-63.

251. Логинов А.В. Адресант и адресат в диалогическом пространстве Speaker and Addressin a Dialogue // Вестник Московского государственного

областного университета. Серия: Русская филология. 2009. № 2. С. 49-54.

252. Логинов А.С. Некоторые проблемы правоприменительной техники актов-действий // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 3. С. 103-107.

253. Лолаева А.С. Правовые основы информационного взаимодействия органов публичной власти с населением в электронной форме // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 7. С. 24-28.

254. Лошакова С.А. О функциях правового регулирования // Юридическая наука. 2011. № 1. С. 3-5.

255. Лушников П.В. Правовая коммуникация и её участники: теоретический аспект // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. № 3. С. 369-378.

256. Макарова Н.А. К вопросу о подфункциях охранительной функции права // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 2. С. 194-199.

257. Макарова Н.А. Сущность и значение категорий «реализация функций права» и «формы реализации функций права» // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 187-192.

258. Макушина Е.Б. Правовая коммуникация как феномен права и общения // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. № 1 (7). С. 141-143.

259. Малько А.В., Лебедева Е.Н. Место и роль стимулирующей функции права в системе функций российского права // Вестник ЮУрГУ. Сер. Право. 2016. № 3. С. 33-39.

260. Малько А.В., Липинский Д.А. О подфункциях охранительной функции права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 34-39.

261. Марова О.О. Два подхода к образу права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6-7. С. 148-152.

262. Марченко М.Н. Соотношение гражданского общества и государства: вопросы теории // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 52-64.

263. Миронов В.О., Зин Н.В. О принципах, функциях и нормах права // Актуальные вопросы образования и науки. 2017. № 3. С. 24-28.

264. Михайлова Е.В. Требования в защиту прав и законных интересов других лиц: современное прочтение // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 8. С. 3-7.

265. Мурзин Д.А., Титова А.В. Конструкция простого товарищества как форма осуществления предпринимательской деятельности в условиях пандемии COVID-19 // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 3. С. 37-45.

266. Мухтаров Т.Д. Теоретические аспекты правовой коммуникации // Лучшая научная работа 2021. Сборник статей II Междунар. науч.-исслед. конкурса: Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2021. С. 159-162.

267. Назаров Д.М. Компаративный анализ герменевтической научной методологии // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 32-35.

268. Наумов А.В. Вина как признак преступления и принцип Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. 2022. № 5. С. 39-42.

269. Неважжай И.Д. Коммуникативный правогенез // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4. С. 216-223.

270. Недбайло П.Е. Объективное и субъективное в праве (к итогам дискуссии) // Правоведение. 1974. № 1. С. 14-25.

271. Нестеров А.В. Обсуждаем правовые категории фальсифицированных, контрафактных и контрабандных товаров // Таможенное дело. 2022. № 3. С. 32-35.

272. Никифорова Э.Ш., Надобко Ю.В. Основные коммуникативные стратегии в юридическом дискурсе // Lingua mobilis. 2011. № 7 (33). С. 64-67.

273. Никодимов И.Ю. Место и роль средств массовой информации в

механизме реализации информационно-коммуникативной функции государства // Инновации и инвестиции. 2014. № 8. С. 148-150.

274. Орзих М.Ф. Объективное, субъективное и юридическое (к дискуссии «Объективное и субъективное в праве») // Правоведение. 1972. № 3. С. 94-98.

275. Осинская С.А. Категория «образ» в системе психологического знания // Актуальные вопросы современной науки. 2012. № 22. С. 69-75.

276. Осипов Р.А. Правовая информированность: понятие и структура // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 305-309.

277. Осипов Р.А. Правовое информирование: понятие и соотношение со смежными категориями // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 153-158.

278. Осипов Р.А. Теоретико-методологические основы концепции информационно-правовой политики в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 63-67.

279. Павленко Ж.А. Понятие информационной функции государства // Проблемы законности. 2011. № 117. С. 202-211.

280. Павлова М.С. Законные и публичные интересы в административном судопроизводстве в России: проблемы толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5 (150). С. 63-77.

281. Пана Л. Продуктивная коммуникация // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 1. С. 10-26.

282. Панченко В.Ю. Типология правовых взаимодействий // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12 (79). С. 99-106.

283. Панченко В.Ю. Юридическое противодействие и юридическое содействие как парные правовые категории // Lex Russica. 2015. Т. 109. № 12. С. 30-42.

284. Панченко В.Ю., Макаручук И.Ю. Взаимодействие органов

публичной власти при подготовке правовых актов государственного содействия // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. Т. 17. № 1. С. 49-58.

285. Панченко В.Ю., Макаруч И.Ю. Теория правового взаимодействия как направление социологии права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5 (144). С. 60-62.

286. Пахомов М.С. Конклюдентные действия в сфере реализации права // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 4. С. 115-18.

287. Песина С.А. Фрейм как мыслительная репрезентация // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2015. № 29. С. 61-66.

288. Петров А.В., Домнина А.В. Профессиональное правосознание: объективные основания и особенности // Вестник ННГУ. 2015. № 5-6. С. 299-306.

289. Петякшева Н.И. Философия языка К-О. Апеля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2004. № 1. С. 71-80.

290. Поляков А.В. Право и коммуникация // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник статей. СПб.: Изд-во СПб. унта МВД РФ, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fr.b-ok.cc/book/3120224/7a832a> (дата обращения 11.05.2020).

291. Поляков А.В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 2. С. 26-43.

292. Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 1-2008. С. 9-42.

293. Поляков А.В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 27-45.

294. Поляков А.В. Что есть право? // Правоведение. 2012. № 6 (305). С. 199-209.
295. Поляков А.В. Либертарное правопонимание и коммуникативный подход // Правоведение. 2014. № 3 (314). С. 6-17.
296. Поляков А.В. Коммуникативная теория права - актуальное направление юридической науки // Петербургский юрист. 2015. № 1. С. 20-29.
297. Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 6. С. 39-101.
298. Попов В.И. Коммуникативная функция права // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 19-22.
299. Попов В.И. Характеристика правовых принципов коммуникации гражданского общества и государства // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2. С. 190-193.
300. Попов В.И. Право как основное средство обеспечения коммуникации государства и гражданского общества в различных областях общественной жизни // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 37-39.
301. Потемкина О.С. Значение правовой коммуникации в механизме действия права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 247-251.
302. Потемкина О.С. Коммуникативное взаимодействие как цель и содержание коммуникативной функции права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5 (144). С. 87-90.
303. Потемкина О.С. Системообразующие коммуникативные связи в правовом порядке современной России: уровневый подход // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: сборник трудов международной научной конференции / (Воронеж, 11-12

сентября 2020 года). Воронеж: АНО по оказанию издательских и полиграфических услуг «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2020. С. 253-259.

304. Потемкина О.С. Формы реализации коммуникативной функции права: постановка проблемы // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 62-65.

305. Потемкина О.С. Функции права как отражение его природы // Аграрное и земельное право. 2019. № 12 (180). С. 80-82.

306. Пустовалова Е.В. Социальное взаимодействие в конфликте // Вестник НГУЭУ. 2020. № 1. С. 219-226.

307. Раренко М.Б. Жестовые языки как полноценное средство коммуникации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2021. № 2. С. 83-91.

308. Репьев А.Г., Васильков К.А. «Превенция» как правовая категория: в порядке научной дискуссии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 35-42.

309. Репьев А.Г. Визуализация правовых преимуществ: теоретико-правовой и исторический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 39-44.

310. Репьев А.Г. Правовые преимущества и законодательные исключения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2017. Т. 8. № 4. С. 392-402.

311. Репьев А.Г. Особая правовая процедура в системе правовых преимуществ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 21-28.

312. Репьев А.Г. Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10. С. 20-34.

313. Репьев А.Г. Доверие как основа культуры правовой коммуникации

// Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2 (145). С. 15-25.

314. Репьев А.Г., Сенякин И.Н., Торчилин К.Е. Запрет на обход закона в механизме правового регулирования: историко-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 272-284.

315. Реутов В.П. О разграничении функций права и правового регулирования // Правоведение. 1974. № 5. С. 21-26.

316. Романенко Е.А. Вопросы соотношения коммуникации и правового общения // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2010. № 12. С. 149-154.

317. Романова Е.А. К вопросу о правовом тексте как информационном средстве правовой коммуникации // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 2. С. 78-82.

318. Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 4. С. 29-31.

319. Ромашов Р.А. Правовые состояния и взаимодействия: к вопросу о месте в категориальном аппарате юридической науки // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ: материалы VII Междунар. научно-теор. конференции (Санкт-Петербург, 1-2 дек. 2006 г.). Ч. I. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2006. С. 3-8.

320. Руф В.С. Правосознание и правовая культура как показатели уровня развития общества // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3 (20). С. 64-68.

321. Рыбаков В.А., Соловьев В.Н. О методологических подходах к понятию функции права // Гражданское право. 2012. №1. С. 28-32.

322. Рыбаков В.А. Функции права: критические замечания // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2018. № 3. С. 6-9.

323. Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики // *Lex russica*. 2005. Т. 100. № 3. С. 7-18.

324. Семилетов С.И. Информация как особый нематериальный объект права // *Государство и право*. 2000. № 5. С. 67-74.

325. Соколова Д.А. Социальная адекватность как составляющая социокультурной адаптации // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2012. № 3 (19). С. 111-113.

326. Солдаткина О.Л. Правовая политика в сфере правовой информированности населения: федеральный и региональный уровни // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2020. № 1. С. 39-45.

327. Суменков С.Ю. Нормативный правовой акт как базовая форма воплощения исключений в праве // *Lex russica*. 2016. № 7. С. 59-69.

328. Суменков С.Ю. Ограничения в праве и исключения в праве: аспекты соотношения // *Юридическая техника*. 2018. № 12. С. 330-338.

329. Суменков С.Ю., Плахтий Н.А. Правовая действительность как совокупность юридических казусов // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2022. № 4 (147). С. 15-21.

330. Суменков С.Ю. Правила и исключения: философско-правовые основания парности // *Философия права*. 2010. № 6 (43). С. 60-64

331. Суменков С.Ю., Ловцов А.Н. Понятие и признаки пределов в праве // *Алтайский юридический вестник*. 2019. № 3 (27). С. 30-34.

332. Сурин В.В. О понимании информационной функции права // *Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право*. 2017. № 6. С. 128-133.

333. Сырых В.М. Понятие и структура индивидуального права // *Ленинградский юридический журнал*. 2007. № 4 (10). С. 39-56.

334. Сырых В.М. Материалистическое понимание права и справедливости // *Правоведение*. 2013. № 2. С. 18-34.

335. Толстик В.А. Некоторые проблемы обеспечения социальной адекватности закона // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 158-161.

336. Трофимов В.В., Свиридов В.В. Коммуникативная теория общества как современный социально-философский подход к изучению правовой жизни: к постановке проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 3. С. 16-22.

337. Троян Н.А. Информационно-правовое обеспечения развития национальной правовой информации в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4 (37). С. 28-32.

338. Уздимаева Н.И. Правовые знания как средство юридической самопомощи: понятие, содержание, значение // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 5. С. 347-353.

339. Усманова Е.Ф. Значение и роль правовой коммуникации в правотворческом процессе // Инновационная наука. 2015. № 12-3. С. 166-167.

340. Усманова Е.Ф. Коммуникативная функция правовой культуры // Российский юридический журнал. 2015. № 5 (104). С. 9-14.

341. Усманова Е.Ф. Понятие и элементы правовой коммуникации // Мир науки и образования. 2018. № 1 (13). С. 13.

342. Усманова Е.Ф. Роль правовой коммуникации в формировании и развитии правовой культуры общества // Мир науки и образования. 2015. № 4. С. 21.

343. Усманова Е.Ф., Шамина И.В. Проблемы определения места правовой установки личности в структуре правового сознания // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 2 (24). С. 43-45.

344. Филимонов В.Д. Гуманизм как принцип права // Государство и право. 2013. № 1. С. 102-108.

345. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник

Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. № 4. С. 43-63.

346. Хижняк С.П. Новое в исследовании терминологических систем (на примере юридической терминологии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. 2008. № 1. С. 92-99.

347. Храмова Н.Г. Особенности правового дискурса как системы правовой коммуникации // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 1. С. 167-173.

348. Хуторской А.В. Измерение воспитания // Народное образование. 2018. № 10 (1471). С. 144-156.

349. Цветкова Е.А. Правовая категория «законный интерес налогоплательщика» в налоговом праве // Финансовое право. 2022. № 6. С. 35-37.

350. Чекмарёв Г.Ф. Правовая культура общества и личности: диалектика взаимодействия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2015. № 24 (735). С. 117-126.

351. Черданцев А.Ф. Логическая характеристика права как системы // Правоведение. 1983. № 3. С. 13-21.

352. Честнов И.Л. Дискурс-анализ как постклассическая парадигма интерпретации права // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 171-198.

353. Честнов И.Л. Практическое измерение коммуникативной теории права // Правоведение. 2015. № 4. С. 50-58.

354. Четвернин В.А., Яковлев А.В. Институциональная теория и юридический либертаризм // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М.: ГУ ВШЭ, 2008. С. 215-238.

355. Шагиева Р.В. Правоотношение и их роль в реализации права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические

науки. 2015. № 3. С. 92-99.

356. Шаргородский М.Д. Объективное и субъективное в праве // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. Тезисы докладов и научных сообщений (6-9 марта 1962 г.). Харьков, 1962. С. 11-14.

357. Шарков А. Информационно-коммуникационная парадигма развития российской государственности // Коммуникология. 2014. Т. 3. № 1. С. 111-118.

358. Щекин Д.М. Категория интереса в налоговом праве // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 46-56.

359. Шундигов К.В. Цели, средства и результаты в правореализационном процессе // Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 30-39.

360. Юрашевич Н.М. Минько Н.С. Правовая коммуникация в современном обществе // Российская правовая система в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теория и практика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междун. участием, посвящ. Дню юриста / отв. ред. Е.П. Чернопол, И.Н. Бородина. Курган: Курганский гос. унт, 2018. С. 94-105.

361. Юсифова П.Т. Молчание как средство невербальной коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 472-475.

Справочные и учебные издания

362. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

363. Деловые коммуникации: учебное пособие / коллектив авторов; под ред. Т.Ю. Анопченко. М.: КНОРУС, 2018. 244 с.

364. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. 283 с.

365. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М.: Юр. Норма,

НИЦ ИНФРА-М, 2015. 496 с.

366. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права: учебник. М.: Юрист, 1995. 303 с.

367. Кузнецов П.У. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 325 с.

368. Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: ИНФРА-М, 2018. 384 с.

369. Можейко М.А. Коммуникация // Постмодернизм. Энциклопедический словарь. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 371-372.

370. Общая теория права / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород: Нижегородская ВШ МВД РФ, 1993. 545 с.

371. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 57000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.

372. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. 2-е изд. СПб.: СПбГУ, 2015. 472 с.

373. Радько Т.Н. Функции права // Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2007. Т. 2. Право. С. 71-94. 816 с.

374. Ромашов Р.А. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 443 с.

375. Сеницына Л.Н. Принципы герменевтики в социологии: учебное пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. 126 с.

376. Суменков С.Ю. Правоотношения / Актуальные проблемы права: учебник для магистрантов / под ред. В.Л. Кулапова; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. С. 380-395. 440 с.

377. Сырых В.М. Теория государства и права: учеб. для вузов. М.: Юстицинформ, 2005. 591 с.

378. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.

379. Халиков А.Н. Философия права: учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. 602 с.

380. Явич Л.С. Общая теория права / под ред. А.И. Королева. Л.: ЛГУ, 1976. 285 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

381. Абрамов А.И. Проблемы реализации регулятивной функции права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2005. 26 с.

382. Арапчор О.М. Превентивная функция российского трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Екатеринбург, 2013. 27 с.

383. Арндаренко А.В. Общеправовой принцип справедливости и его реализация в уголовном праве России (теоретико-правовые аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2009. 46 с.

384. Балаев С.А. Механизм реализации функции налогообложения современного российского государства (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2016. 36 с.

385. Берг Л.Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2018. 48 с.

386. Бошно С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2005. 46 с.

387. Васильева Н.В. Юридические и неюридические средства в системе правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Омск, 2013. 204 с.

388. Власенко И.А. Компенсационная функция права (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 1995. 18 с.

389. Воронов В.А. Феномен теневой власти в современном

политическом процессе России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2002. 190 с.

390. Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2001. 26 с.

391. Гасанкадиев Т.Г. Функции правоприменительной политики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2016. 21 с.

392. Говорухина Ю.В. Стратегия как правовой документ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2021. 29 с.

393. Гойман В.И. Действие права: (методологический анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 1992. 42 с.

394. Грачев Т.С. Единство прав и обязанностей как принцип права: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2010. 34 с.

395. Гришина Л.В. Ценностное измерение правовой реальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. М., 2008. 30 с.

396. Данченко А.А. Превентивная функция российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2002. 23 с.

397. Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2020. 605 с.

398. Дмитриев С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Самара, 2012. 215 с.

399. Дудина А.Н. Императивные нормы права (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Пенза, 2019. 30 с.

400. Епихина Е.М. Эмблематические коммуникативные ошибки: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2014. 23 с.

401. Ершов К.Б. Правовое воспитание будущих юристов в учреждениях среднего профессионального образования: автореф. дис. ... канд.

педаг. наук: 13.00.08. М., 2004. 25 с.

402. Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Владимир, 2006. 45 с.

403. Инубуси Й. Феномен молчания как компонент коммуникативного поведения: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.19. М., 2003. 24 с.

404. Казакова Р.А. Идеологическая функция права в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.01. Краснодар, 2015. 159 с.

405. Калюжнов Е.Ю. Теоретико-правовые основания правил техники локального нормотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2015. 32 с.

406. Капшунова И.К. Генезис нравственно-правового воспитания студентов юридических вузов: автореф. дис. ... канд. педаг. наук: 13.00.08. СПб, 2007. 27 с.

407. Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Свердловск, 1974. 185 с.

408. Киреева С.А. Межгосударственная интеграция как внешняя функция российского государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2006. 54 с.

409. Ковалева Е.Л. Правомерное и противоправное поведение: их соотношение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2002. 288 с.

410. Кожокарь И.П. Правовой консенсус: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2005. 26 с.

411. Константинова А.В. Формы осуществления функций права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Челябинск, 2014. 28 с.

412. Константинова А.В. Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Челябинск, 2014. 179 с.

413. Косарева В.В. Правовые формы реализации миграционной функции современного российского государства (вопросы общей теории и юридической техники): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов,

2019. 36 с.

414. Кузьмина М.В. Компенсационная функция права и механизм ее реализации по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2015. 26 с.

415. Курцев И.А. Проблемы реализации охранительной функции права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2008. 28 с.

416. Лаптинская С.В. Формирование личности специалиста-юриста: автореф. дис. ... д-ра педаг. наук: 13.00.08. М., 2006. 49 с.

417. Максимова И.М. Правосознание как источник правового поведения личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2005. 181 с.

418. Малько А.В. Законные интересы советских граждан: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1985. 207 с.

419. Мальцев И.В. Символы в праве и юридической науке: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2021. 341 с.

420. Мамедов Э.Ф. Термины и дефиниции как средства юридической техники правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2015. 27 с.

421. Марченко Ю.В. Правовые формы осуществления государственных функций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2008. 25 с.

422. Мызникова Е.А. Цели в праве: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Краснодар, 2011. 27 с.

423. Мызникова Е.А. Цели в праве: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Краснодар, 2011. 214 с.

424. Новиков М.В. Ограничительная функция права и ее реализация в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Владимир, 2004. 22 с.

425. Осипов Р.А. Правовая информированность и правосознание

граждан: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2018. 26 с.

426. Осипов Р.А. Правовая информированность и правосознание граждан: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2018. 215 с.

427. Палазян А.С. Функциональная характеристика права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2009. 56 с.

428. Палеха Р.Р. Природа правоприменения как особой формы реализации права: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Елец, 2006. 171 с.

429. Панченко В.Ю. Юридическая помощь личности: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Красноярск, 2004. 29 с.

430. Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2016. 480 с.

431. Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2016. 54 с.

432. Пащенко И.Ю. Информация как объект публично-правового регулирования в условиях цифровизации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. Краснодар, 2022. 29 с.

433. Петров В.К. Информация как объект познания и средство социального управления: социально-философский аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Уфа, 2000. 18 с.

434. Петровская О.В. Принцип достоверности в информационном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13. М., 2021. 204 с.

435. Пискунова О.В. Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2013. 27 с.

436. Пискунова С.С. Правовая информация как средство

формирования правового сознания граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2004. 21 с.

437. Пискунова С.С. Правовая информация как средство формирования правового сознания граждан: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2004. 180 с.

438. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2014. 426 с.

439. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде науч. докл.: 12.00.01. СПб., 2002. 94 с.

440. Пономарев Д.А. Теоретические проблемы развития понятия законности в отечественной юридической науке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Уфа, 2002. 22 с.

441. Попов В.И. Коммуникативно-обеспечительная роль права в отношениях государства и гражданского общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2022. 33 с.

442. Правкина И.В. Правовые стратегии как источник развития современного права: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2016. 30 с.

443. Радько Т.Н. Теоретические и методологические проблемы функций социалистического права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 1978. 40 с.

444. Рогожкин Л.П. Становление и развитие категории объекта в истории философии и история науки: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Ростов-на-Дону. 1999. 22 с.

445. Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2011. 22 с.

446. Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический

анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2011. 212 с.

447. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2002. 321 с.

448. Смирнов А.Р. Правосознание в механизме правомерного поведения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2004. 158 с.

449. Снытников А.А. Информация как объект гражданских правовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2000. 26 с.

450. Субочев В.В. Теория законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Тамбов, 2009. 57 с.

451. Татаринцева Э.А. Реализация права на коммуникацию в информационном обществе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10. М., 2009. 26 с.

452. Теткин Д.В. Законность как реальное выражение права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2007. 28 с.

453. Тимофеев А.В. Юридический опыт: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Владимир, 2008. 244 с.

454. Торчилин К.Е. Императивные нормы в механизме правового регулирования (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2019. 33 с.

455. Трофимов В.В. Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград, 2001. 24 с.

456. Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2011. 50 с.

457. Турагин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Белгород, 2017. 48 с.

458. Фабрика И.В. Аксиологическая сущность правосознания

личности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 203 с.

459. Фалькина Т.Ю. Формы реализации права и механизм их осуществления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2007. 235 с.

460. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2014. 549 с.

461. Цикаришвили О.Г. Охранительная функция российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2008. 28 с.

462. Червяковский А.В. Информационная функция права и деятельность органов внутренних дел по ее реализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2002. 163 с.

463. Чечулина А.А. Правовая законность: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Казань, 2004. 22 с.

464. Чуфаров В.Ю. Нетипичные нормативные предписания в трудовом праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Екатеринбург, 2010. 26 с.

465. Шарно О.И. Правовые символы как средства правоприменительной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2014. 33 с.

466. Шопина О.В. Система правовых актов в современной России: проблемы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2002. 26 с.

467. Шундииков К.В. Цели и средства в праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1999. 182 с.

468. Шундииков К.В. Цели и средства в праве: Общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1999. 24 с.

469. Щербакова Е.К. Механизм правового воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2021. 38 с.

Интернет-ресурсы

470. Активная жизнь на пенсии [Электронный ресурс]. Путь доступа:

<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aktivnaja-zhizn-na-pensii>
(дата обращения: 02.12.2021).

471. Владимир Путин принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2021 году [Электронный ресурс]. Путь доступа: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (дата обращения: 03.12.2021).